

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное агентство по образованию РФ

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

С.В. СЕВАСТЬЯНОВ

**МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

**ЭВОЛЮЦИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
И РОССИЙСКОГО УЧАСТИЯ**

Монография

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2008

<http://www.ojkum.ru/>

ББК

С 28

Рецензенты: П.Я. Бакланов, д-р геогр. наук, акад. РАН;
В.Л. Ларин, д-р ист. наук, профессор

Севастьянов С.В.

С 28 **МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ЭВОЛЮЦИЯ, ЭФФЕКТИВ-
НОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И РОССИЙ-
СКОГО УЧАСТИЯ: монография. – Владивосток: Изд-
во ВГУЭС, 2008. – 300 с.**

ISBN 978-5-8044-0942-6

В монографии исследуются теоретические концепции и практические усилия по формированию восточноазиатского сообщества, реализуемые государствами во многом через создание международных институтов сотрудничества. В свете стремления России к более тесной региональной интеграции особую актуальность представляет предложенный анализ функциональной эффективности и институциональных особенностей вступивших в конкуренцию между собой межправительственных организаций АТР и Восточной Азии.

На основе результатов исследования автор оценил перспективы регионализма и предложил рекомендации российского участия, которые могут быть использованы политиками и экспертным сообществом для обеспечения интересов РФ в Восточной Азии в политико-экономической сфере, а также представят интерес для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современных международных отношений.

ББК

ISBN 978-5-8044-0942-6

© Издательство Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса, 2008

2

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
Глава 1. ПОДХОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ К ОЦЕНКЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, РЕГИОНАЛИЗМА И МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА	15
1.1. Теоретические подходы к оценке глобализации как важнейшего тренда современного мирового развития.....	16
1.2. Комплекс теоретических подходов и инструментов для оценки роли многосторонних институтов сотрудничества	29
1.3. Концепция «нового регионализма» как инструмент анализа моделей регионализма Восточной Азии	56
Глава 2. ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕГИОН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ, ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И АКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗМА	87
2.1. Геополитические подходы к формированию региона и становление регионализма Восточной Азии.....	87
2.2. Основные акторы и компоненты регионализма Восточной Азии	104
2.3. Подходы к определению международного порядка и оценке влияния политики регионализма на формирующийся порядок Восточной Азии	119

Глава 3. ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ И СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	129
3.1. АСЕАН как базовая модель для институтов многостороннего сотрудничества Восточной Азии	129
3.2. «Туманган» и КЕДО как модели межправительственного сотрудничества СВА на принципах «естественной экономической территории» и функционального подхода	139
3.3. АТЭС и АРФ как модели открытого регионализма Азиатско-Тихоокеанского региона	168
Глава 4. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ РЕГИОНА ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	196
4.1. Историческая ретроспектива становления региона.....	196
4.2. «АСЕАН плюс Три» и Саммит Восточной Азии как конкурирующие модели восточноазиатского регионализма	201
4.3. Торгово-экономическая и финансовая интеграция как приоритетные компоненты восточноазиатского регионализма	226
4.4. Россия и институты восточноазиатского регионализма	246
ПОСЛЕСЛОВИЕ	260
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	278
ПРИЛОЖЕНИЯ	294
Приложение 1. Основные межправительственные институты многостороннего сотрудничества в Восточной Азии и АТР (состав, предназначение, формат взаимодействия).....	295
Приложение 2. Основные межправительственные институты многостороннего сотрудничества в Восточной Азии и АТР (оценка эффективности как механизма практического сотрудничества и формирования региональной идентичности)	299

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

АВФ	Азиатский валютный фонд	AMF	Asian Monetary Fund
АзБР	Азиатский банк развития	ADB	Asian Development Bank
АН-СЕРТА	Соглашение об экономическом сотрудничестве между Австралией и Новой Зеландией	AN-ZERTA	Australia New Zealand Closer Economic Relations Trade Agreement
АПТ	АСЕАН Плюс Три	APT	ASEAN Plus Three
АРФ	Региональный форум АСЕАН	ARF	ASEAN Regional Forum
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии	ASEAN	Association of Southeast Asian Nations
АСЕМ	Форум Европа – Азия	ASEM	Asia – Europe Meeting
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион	APR	Asia Pacific Region
АТЭС	Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества	APEC	Asia Pacific Economic Cooperation

АФТА	Зона свободной торговли АСЕАН	AFTA	ASEAN Free Trade Area
БРИК	Группа Бразилия, Россия, Индия, Китай	BRIC	Brazil, Russia, India < china (group of)
ВАС	Восточно-азиатское сообщество	EAC	East Asian Community
ВТО	Всемирная торговая организация	WTO	World Trade Organization
ЕС	Европейский Союз	EU	European Union
ЗСТ	Зона свободной торговли	FTA	Free Trade Area
КЕДО	Организация экономического развития Кореи	KEDO	Korea Economic Development Organization
КНДР	Корейская Народно-Демократическая Республика	DPRK	Democratic People's Republic of Korea
КНР	Китайская Народная Республика	PRC	People's Republic of China
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии	IAEA	International Atomic Energy Agency
МВФ	Международный валютный фонд	IMF	International Monetary Fund
МНПО	Международная неправительственная организация	INGO	International Non-governmental Organization
МПО	Международная правительственная организация	IGO	International Governmental Organization
НАТО	Организация Северо-Атлантического Договора	NATO	North Atlantic Treaty Organization
НАФТА	Северо-американская зона свободной торговли	NAFTA	North American

НИС	Новые индустриальные страны	NIC	New industrial countries
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности	CSAO	Collective Security Agreement Organization
ООН	Организация Объединенных Наций	UN	United Nation
ПРООН	Программа развития ООН	UNDP	United Nation Development Program
РК	Республика Корея	RK	Republic of Korea
РТИ	Расширенная Туманганская инициатива	GTI	Greater Tumen Initiative
СВА	Северо-Восточная Азия	NEA	Northeast Asia
СНГ	Содружество независимых государств	CIS	Commonwealth of Independent States
СЭЗ	Свободная экономическая зона	FEZ	Free economic zone
ТНК	Транснациональная корпорация	TNC	Transnational corporation
ТРАДП	Программа развития района реки Туманной	TRADP	Tumen River Area Development Program
ФИЛАК	Форум Восточная Азия – Латинская Америка	FEALAC	Forum for East Asia and Latin America Cooperation
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества	SCO	Shanghai Cooperation Organization
ЭСВА	Экономический совет Восточной Азии	EAEC	East Asian Economic Caucus
ЮВА	Юго-Восточная Азия	SEA	Southeast Asia
ЮТФ	Южно-Тихоокеанский форум	SPF	South Pacific Forum

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важнейшей характеристикой современного мира является турбулентность, обусловленная совокупным эффектом от одновременного воздействия ряда кризисов: международных институтов, идентичности национальных групп, финансового и др.¹ В условиях расширения ядерного клуба, снижения управляемости мировых процессов снова возрастает роль силы в мировой политике, при этом на практике не подтвердились недавние оценки о том, что определяющей особенностью нового международного порядка станет борьба против международного терроризма. В целом, ни одно из принципиальных мировых противостояний, как, например, цивилизаций (в духе Хантингтона), духовных ценностей (западных против азиатских) и великих держав (гегемона против усиливающихся конкурентов) не стало доминирующим фактором, в одиночку определяющим динамику современного международного порядка.

В то же время в качестве определяющего тренда сохраняется воздействие глобализации. Актуальность предлагаемой темы монографии заключается в том, что она находится в рамках изучения именно этой коллизии современного мирового развития – нарастания тенденций к глобализации, с одной стороны, и к регионализму и регионализации – с другой. Азиатский финансовый кризис 1997 г. ярко подтвердил эту тенденцию, и одним из аспектов работы является анализ его политических и экономических

¹ Торкунов А.В. Выступление на открытии V Конвента РАМИ / МГИМО. 2008. 26 сент.

последствий, важнейшим из которых стал мощный импульс для развития восточноазиатского регионализма.

В целом, современный мир становится более полицентричным, а на ход его развития всё большее влияние оказывают новые игроки, в первую очередь, из состава группы БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай. При этом последние две страны входят в расширенный регион Восточной Азии, постепенно обретающий роль генератора развития мировой экономики. Повышение роли Восточной Азии в мировой политике и выделение её в самостоятельный международно-политический регион во многом обусловлено значительным повышением в мировом ВВП доли стран этого региона, выросшей к 2008 г. до более четверти.

В качестве локомотива этого процесса выступают страны Восточной Азии и примыкающих к ней регионов. Так, годовая цифра роста ВВП Китая составляет в последние несколько лет 8–10%, Индии – 6–8%, стран АСЕАН – 4–7%. При этом для политиков и населения Восточной Азии характерно усиление национального сознания: популярность в странах региона получила идея «исторического реванша», то есть постепенного возврата к ситуации конца XVIII в., когда Индия и Китай производили около половины мирового ВВП¹.

Последние тенденции в процессе региональной экономической интеграции и сотрудничества в области безопасности свидетельствуют о постепенном расширении геоэкономического и геополитического смысла термина «Восточноазиатский регион». Кореллирующая с географическими рамками Восточной Азии «АСЕАН Плюс Три» (АПТ) становится костяком для международной экономической интеграции с более широким участием стран из примыкающих регионов, в частности, Южной Азии, Австралии и Океании.

При этом в базовом для Восточной Азии регионе, определяемом географическими рамками АПТ, отмечаются процессы изменения соотношения сил между двумя ведущими игроками. Бы-

¹ Стрельцов Д.В. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 57.

стрый рост китайской экономики на фоне затяжной рецессии в Японии на рубеже XX-XXI вв. привёл к укреплению позиций КНР и, напротив, снижению экономического веса Японии в мировом и региональном масштабе. Так, например, доля этой страны в мировом экспорте сократилась с 11,6% в 1992 г. до 5,9% в 2005 г., а удельный вес китайского экспорта за те же годы вырос с 2,6% до 7,5%¹.

Прошедший в 2005 г. первый саммит Восточной Азии подтвердил намерения его участников постепенно продвигаться по пути создания «Восточноазиатского сообщества» (ВАС), однако подходы его лидеров (КНР и Япония) к построению моделей региональной интеграции существенно разнятся, а практические действия в этом направлении определяются дихотомией конкуренция/сотрудничество. Пекин стремится к созданию более закрытого варианта, опираясь на АПТ (страны АСЕАН, КНР, Япония, РК), в то время как Токио выстраивает отношения в духе «расширенного Восточноазиатского сообщества», что и нашло выражение в составе участников саммита Восточной Азии, включающем, помимо государств АПТ, также Индию, Австралию и Новую Зеландию.

Что касается США, то в вопросах безопасности они по-прежнему опираются, преимущественно, на свои двусторонние союзы со странами региона, хотя для решения проблемы безопасности Корейского полуострова Вашингтон пошёл на применение механизма шестисторонних переговоров. В подходах к оценке экономического регионализма Восточной Азии позиция США постепенно трансформировалась от резко негативной до поддержки линии Токио на снижение китайского влияния в ВАС за счёт максимального подключения к нему дружественных для Вашингтона стран.

Замысел монографии определён рядом факторов, в том числе тем, что государства реализуют свои политические устремления во многом через создание и поддержку межправительственных организаций (МПО), которые, выступая в качестве транснацио-

¹ Саплин-Силановский Ю. КНР – Япония. Кто будет лидером в Восточной Азии? // Азия и Африка сегодня. 2007. № 2. С. 25.

нальных акторов, имеют свои интересы и цели. Автор учитывал также, что безопасность и экономика являются наиболее важными сферами в плане формирования и воздействия на мировую политику¹. Именно поэтому в монографии процесс формирования региональной политики рассмотрен через призму деятельности межправительственных организаций в области безопасности и экономики. Анализ институциональных особенностей МПО, действующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Восточной Азии, является одной из ключевых задач монографии и позволит, опираясь на его результаты, дать оценку приоритетов основных акторов в сфере регионостроительства и сделать прогноз развития моделей восточноазиатского регионализма.

Данная тема весьма актуальна для выработки «азиатского вектора» российской внешней политики, так как тенденции развития закрытых моделей регионализма не во всём отвечают интересам РФ в Восточной Азии, и требуется выработка её приоритетов в подходах к участию в многосторонних механизмах сотрудничества. С окончанием «холодной войны» Москва активизировала усилия по подключению к межправительственному сотрудничеству, став партнёром по диалогу Регионального Форума АСЕАН (АРФ) в 1996 г. и членом Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 1998 г. В 2001 г. Россия вошла в число стран-основателей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), с 2003 г. участвует в шести-сторонних переговорах по проблеме безопасности Корейского полуострова.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что Москва поддерживает в АТР деятельность межправительственных организаций, способствующих налаживанию регионального диалога, позволяющем лучше узнать мнения партнёров и выразить российскую точку зрения. Однако, когда в 2005 г. Россия проявила интерес к участию в формирующемся восточноазиатском сооб-

¹ Лебедева М.М. Действующие лица или исполнители? Проблема акторности в мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Отв. ред. М.М. Лебедева. – М.: Голден-Би, 2008. С. 5–6.

ществе, то она встретила с определёнными трудностями. В этом контексте актуально проанализировать историю формирования и особенности моделей восточноазиатского регионализма, которые за последнее десятилетие вступили в конкуренцию как между собой, так и с институтами азиатско-тихоокеанского сотрудничества.

Структура монографии сформирована её исследовательскими задачами. Первая глава посвящена характеристике основных теорий и концепций современных международных отношений, которые были применены в ходе исследования, в том числе: теории глобализации, концепции «нового регионализма» и др. Регионализм рассматривался автором как целенаправленная политика государств по осуществлению, преимущественно, политического процесса сотрудничества в регионе и приданию ему системного характера. Во многом он связан с созданием институтов, хотя при этом не существует концепции, устанавливающей определённую планку по уровню институционализации, для того чтобы считаться истинным регионом.

Появление в середине 90-х годов «нового регионализма» было вызвано неспособностью классической теории интеграции объяснить процессы сотрудничества за пределами Европы, и основная «новизна» предложенной концепции заключается в рассмотрении моделей регионализма в других регионах мира. При этом опыт Европы не игнорируется, а, напротив, делаются попытки его расширить. Для выявления особенностей и оценки эффективности МПО, действующих в АТР и Восточной Азии, были использованы, в первую очередь, режимный и институциональный подходы.

Во второй главе дана развёрнутая оценка подходов к формированию региона, основных составляющих регионализма Восточной Азии, факторов, воздействующих на становление региональной идентичности, охарактеризованы ведущие участники международного сотрудничества и определены условия, необходимые для изменения регионального порядка.

Чтобы выяснить, заинтересовано ли государство в создании нового института, надо понять, как оно оценивает деятельность

уже действующих организаций¹. Признание низкой неэффективности АТЭС и АСЕАН (первая оказалась слишком велика, а вторая, наоборот, мала) стало одной из причин образования АПТ, размер и состав которой, по замыслу создателей, является оптимальным. Именно поэтому полноценное исследование МПО Восточной Азии невозможно без сравнения с более ранним опытом АСЕАН, ставшей базовой для формирования большинства институтов восточноазиатского регионализма. Особое внимание уделено также изучению конкурирующих с МПО Восточной Азии институтов открытого азиатско-тихоокеанского регионализма (АТЭС и АРФ). Этой проблематике посвящена третья глава монографии, в которой также охарактеризованы институты многостороннего сотрудничества Северо-Восточной Азии (СВА), что позволило описать серьёзные противоречия и застарелые проблемы, с которыми сталкиваются ведущие государства, в первую очередь, Китай и Япония, при организации регионального сотрудничества.

Четвёртая глава посвящена ключевым проблемам формирования и становления восточноазиатского регионализма. Автор подробно характеризует институциональные и концептуальные особенности АПТ и Саммита Восточной Азии, динамика развития которых во многом определит перспективы регионального порядка. Значительное внимание уделено ведущим направлениям регионализма, реализовавшимся в финансовой и торгово-экономической сферах, а также оценке роли и перспектив участия России в этих международных институтах и процессах сотрудничества.

В монографии автором выдвинута научная гипотеза о том, что время формирования и характер моделей азиатских МПО чётко связаны с процессами глобализации и изменениями в системе международных экономических и финансовых отношений. Полученные в ходе исследования выводы о характере этой взаимосвязи, динамике развития, эффективности и институциональ-

¹ Aggarwal V. Reconciling Multiple Institutions: Bargaining, Linkages, and Nesting. In eds. by V. Aggarwal Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages and Nesting. – Ithaca, 1998. P. 18–21.

ных особенностях многосторонних межправительственных институтов позволили сделать оценку и прогноз развития моделей восточноазиатского регионализма, а также предложить рекомендации российского участия в этих процессах.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся и изучающих проблемы современных международных отношений в АТР. При этом представленные в работе оценки институциональных особенностей действующих МПО и перспективных моделей восточноазиатского регионализма, в сочетании с практическими предложениями по российскому участию, могут быть использованы политиками, бизнесменами, широкой научной общественностью для обеспечения интересов и активизации присутствия РФ в СВА и Восточной Азии в политико-экономической сфере.

Глава 1. ПОДХОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ К ОЦЕНКЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, РЕГИОНАЛИЗМА И МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА

Важнейшей характеристикой современного мира является турбулентность, которая обусловлена совокупным эффектом от одновременного воздействия ряда кризисов: международных институтов, идентичности национальных групп, финансового и др. В условиях расширения ядерного клуба, снижения управляемости мировых процессов снова возрастает роль силы в мировой политике, что особенно опасно на фоне нарастающих в различных регионах мира экологических проблем и негативного воздействия демографических факторов. Ещё одна особенность современности – возрастающее значение инновационного фактора при сохраняющейся важности энергетической проблематики¹.

При этом на практике не подтвердились оценки, сделанные после известных событий 11 сентября 2001 г., когда США заявили, что определяющей особенностью нового международного порядка станет борьба против международного терроризма. Война с терроризмом, как не стала «столкновением цивилизаций», так и не привела к сколько-нибудь серьёзному соперничеству двух противоборствующих идеологий. В то же время она снова усилила в системе международных отношений позиции государ-

¹ Мельвиль А.Ю. Выступления на открытии V Конвента РАМИ / МГИМО. 2008. 26 сент.

ства, на которое возлагается основная ответственность по противодействию терроризму.

Принципиальное же значение для нас имеет тот факт, что в современном мире в качестве определяющего тренда сохранилось воздействие глобализации. Одновременно усилились – наряду или иногда в противовес этому – и другие тенденции: регионализм и регионализация, действие которых вызывает значительное повышение роли регионов. То есть идея полной унификации не работает, мир становится более полицентричным, а на ход его развития всё большее влияние оказывают новые, в том числе азиатские, игроки.

1.1. Теоретические подходы к оценке глобализации как важнейшего тренда современного мирового развития

Среди российских и зарубежных исследователей существует множество точек зрения на характер и природу глобализации. У российских специалистов можно выделить три подхода к этим вопросам. Одни, главным образом геополитики и выраженные националисты, усматривают в глобализации лишь форму мирового господства США, сложившуюся к концу XX века вследствие распада СССР.

Другие полагают, что имеет место сочетание объективной динамики мирового развития с политикой США, направленной на лидерство в этом мире, осуществляемое совместно с рядом ведущих стран Запада¹. Примером такого взвешенного, но чётко политически окрашенного подхода может служить оценка А. Богатурова: «...суть нынешнего мироустройства выражается термином «глобализация», структурный смысл которого состоит в реализации проекта создания всеобъемлющего, универсального миропорядка на базе формирования экономической, политико-военной и, по возможности, этико-правовой общности, преобладающего большинства наиболее развитых стран мира посредст-

¹ Косолапов Н.А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв. – М.: НОФМО, 2002. С. 297–298.

вом максимально широкого распространения зон влияния современного Запада на остальной мир»¹.

Наконец, представители многочисленной третьей группы исследователей, включающей экономистов, международных экологов, представителей естественных наук, полагают, что глобализация – это объективный процесс и качественно новый этап мирового развития, в малой степени зависящий от эгоистических интересов и политик отдельных государств, не исключая и США. Ниже приводятся несколько оценок глобализации, детерминированных в рамках, преимущественно, экономического подхода.

Под *глобализацией* понимается возникновение новой системы мирового хозяйствования, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени либерализации движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, телекоммуникационном сближении регионов и стран, возникновении межнациональных социальных движений, интернационализации образования, сопровождающаяся стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуникационных потоков и выражающаяся в параллельно идущих процессах регионализации и фрагментации мира².

По оценкам экспертов, глобализация мировой экономики отражает достигнутый мировым сообществом критический уровень экономической взаимозависимости, за которым ни одна страна уже не в состоянии самостоятельно и успешно решать задачи социально-экономического развития. При этом глобализация обусловливает взаимозависимость напрямую интеграционно не связанных друг с другом частей мирового хозяйства. Так, несмотря на минимальные объёмы экономического сотрудничества РФ с ЮВА, обвал на азиатских валютных и фондовых рынках 1997–

¹ Богатуров А.Д. Вместо послесловия: Брюссельско-Вашингтонский порядок? // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв. – М.: НОФМО, 2002. С. 376.

² Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток-Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 8.

1998 г. косвенно – через деятельность международного спекулятивного капитала – негативно повлиял на финансовую ситуацию в России, ускорив банкротство финансовой политики, основывавшейся на спекулятивной пирамиде ГКО¹.

Глобализация мировой экономики приводит в действие ещё одну тенденцию современности – персонификацию мировой политики. Растущая мировая зависимость обуславливает становление дополнительных, наряду с государствами и международными правительственными организациями (МПО), негосударственных субъектов международной жизни: международных неправительственных организаций (МНПО), частных транснациональных корпораций (ТНК) и самого Человека.

Эта тенденция требует от правительств большей прозрачности во внешней политике и создает предпосылки для развития политической глобализации. Последняя означает, что политические события в той или иной стране (вооружённые конфликты, политическая борьба, организация выборов и т.п.), которые, согласно принципу недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств, являются исключительно внутренним делом последних, могут обретать глобальное значение и затрагивать интересы других стран. Политическая глобализация, таким образом, сопровождается введением в мировую практику новых механизмов обеспечения мира, таких, как проведение миротворческих операций или введение международных санкций против «плохих» режимов. При этом основная проблема в том, кто именно и на какой правовой основе определяет насколько «плох» тот или иной режим, подпадающий под санкции.

В целом, российские исследователи не затушёвывают отрицательных последствий глобализации, отмечая, что «раскол существующей цивилизации становится одной из определяющих черт нашего времени». По оценке В. Иноземцева и С. Караганова, значительная часть государств Азии и Африки в условиях глобализации оказались в тяжелейшем экономическом и социальном состоянии и выступают «источником большинства нынешних

¹ Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 16–22.

глобальных проблем – политических, социально-экономических и даже экологических»¹.

Характеризуя западные подходы к глобализации, можно заключить, что для них характерно всестороннее исследование темы: как теоретическое в рамках экономического, философского, политического, культурологического, экологического, комплексного и других базовых подходов, так и практическое – в плане отслеживания конкретных последствий глобализации для национальных экономики и политики.

Одним из ведущих представителей классического направления теории глобализации является К. Омае², в работах которого описано мощное воздействие глобализации на мировую экономику, политику и культуру, которое размывает суверенитет и границы государств и сводит на нет значение национальных экономик и культур. При этом в современном мире экономическая значимость и политический вес государств определяются их регионами, но лишь теми из них, которые смогли стать узлами, связывающими и во многом управляющими мировыми потоками людей, товаров, услуг и т.п. В Восточной Азии к таким глобализированным регионам он отнёс районы Пусана в РК и Гонконга – Гуанчжоу в Китае.

Среди многообразия работ по теории глобализации выделяются исследования сторонника комплексного подхода Р. Кардья, по мнению которого главное противоречие современной эпохи глобализации состоит в том, что последняя объективно ведёт к размыванию национального суверенитета в его традиционном понимании и, следовательно, создаёт угрозы основам современной государственной системы. С одной стороны, эта позиция отражает реальные процессы, когда правительства стран передают часть функций международным институтам, с другой стороны, под воздействием глобализации функции государств, наоборот, расширяются, например, в вопросах борьбы с международным терроризмом.

¹ Иноземцев В.Л., Караганов С. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 1. № 1. С. 10.

² Ohmae K. *Borderless World*. – London: Collins, 1990; Ohmae K. *The End of the Nation-State: The Rise of Regional Economies*. – New-York: Free Press, 1995.

В этих условиях особую важность приобретают формы, которые глобализация принимает в каждом регионе мира, и в этом контексте соотношение процессов глобализации и регионализации (вторая способствует развитию первой в качестве дополняющего механизма, или, напротив, препятствует ему, являясь противоположностью глобализации) стало предметом широкого научного дискурса. В качестве компромисса между этими точками можно привести подход, рассматривающий эти феномены как сопряжённые и политически мотивированные. В научной литературе этот термин получил название глокализации и был введён Р. Робертсоном, который использовал его для характеристики трансформации экономической компоненты глобализации на локальном уровне¹.

Важно учитывать, что процессы глобализации протекают не только в экономическом измерении, и что даже существенные успехи в этой сфере не сглаживают различий культур, политической и военной организаций². Именно поэтому в различных странах и регионах мира тенденции развития экономической и других аспектов глобализации оказались зависимы от геополитики и политики регионализма. Более подробно характер взаимоотношений между глобализацией, регионализмом и регионализацией будет рассмотрен в этой же главе в параграфе, посвященном «новому регионализму».

В азиатских новых индустриальных странах (НИС) исследователи делают основной акцент, как на тех возможностях, которые глобализация открывает перед их странами, так и вызовах, которые она создаёт для национальной стабильности и процветания, а также поиску приемлемого варианта контроля над глобализацией. В этой связи южнокорейские эксперты, как и их коллеги из стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), большее внимание, чем западные учёные, уделяют проблеме взаимосвязи глобализации и регионализма. При этом распространённой становится точка зрения о том, что усиление последнего происходит как ответ на доминирование США в процессах глобализации. Серьёзный импульс дискуссиям по этой проблематике дал азиатский финансо-

¹ Robertson R. Comments on the “Global Triad” and “Glocalization”. Access on-line: <http://www2.kokugaiin.ac.jp/ijcc/>.

² Каримова А.Б. Политическая социология. Регионы в современном мире // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 32–41.

вый кризис, охвативший в 1997–1998 гг. страны ЮВА и Республику Корея (РК).

Что касается китайских подходов к глобализации, то они основываются на принципе разделения политики и экономики. В политической глобализации Пекин видит угрозу вмешательства Запада в его внутренние дела по вопросам прав человека, реформирования политической системы, проблемы независимости Тайваня и автономии Тибета и др. В подходах же к экономической глобализации просматривается известная двойственность. С одной стороны, Пекин использует её как возможность получить от развитых стран дополнительные ресурсы для национального развития, прежде всего – выход на их товарные рынки, доступ к капиталам и современным технологиям. Свидетельством целенаправленного движения в этом направлении стало вступление Китая в ВТО в 2001 г. С другой стороны, Пекин не готов к обсуждению с международными представителями тех пределов, в которых он мог бы делегировать международным экономическим институтам часть национальных полномочий, чего требуют процессы глобализации¹.

Отношение западных исследователей к глобализации характеризуется широким спектром оценок. Ниже мы рассмотрим некоторые нюансы этого научного дискурса, который имеет существенное значение для выработки теоретических гипотез данной работы.

С конца 90-х годов прошлого века в работах ряда исследователей выделяются три волны или три подхода к теории глобализации, в том числе: глобалистский (проэкономический), скептический и трансформаторский (постскептический). К классическим представителям первой волны относят, например, К. Омае, Д. Томлинсона² и многих других исследователей. Обобщенно суть этого подхода выражается в том, что генерируемые глобализацией экономические изменения вызывают необратимую уни-

¹ Михеев В.В. Подходы к глобализации: страны развитой рыночной демократии, новые индустриальные страны Азии, развивающиеся государства и Китай // Восток-Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 28–36.

² Tomlinson J. *Globalization and Culture*. – Cambridge: Polity Press, 1999.

фикацию политики и культуры государств, при этом транснациональные акторы (ТНК, международные организации, социальные движения и гражданское общество) постепенно отбирают у государств часть экономического и политического суверенитета и размывают их идентичность.

Ответом на вышеприведённые теории стала публикация материалов, отражающих более сдержанное отношение к глобализации. Работы сторонников этого подхода, получившего определение «скептического», в первую очередь, П. Хирста и Г. Томпсона¹, составили так называемую вторую волну теории глобализации.

Так, Хирст и Томпсон считали, что многие тезисы представителей глобализма достаточно абстрактны, и поставили под сомнение саму правомерность постановки вопроса о глобализации как уникальном явлении нашего времени. По их оценке, уровень интернационализации экономики в период между 1870 и 1914 гг. был выше, чем в настоящее время, когда в условиях того, что до 80% объёмов мировой торговли и прямых иностранных инвестиций приходится на наиболее развитые экономики Западной Европы, Северной Америки и Японии, мировая экономика не является глобальной. Большинство стран третьего мира остаётся неохваченным этими торговыми и инвестиционными потоками, и исключение из правила составляют лишь несколько НИС из Восточной Азии и Латинской Америки.

По мнению скептиков, воздействие глобализации на политику противоречиво. С одной стороны, под напором практики неолиберализма государства утрачивают часть полномочий, с другой – в связи с ростом угрозы международного терроризма, снижением эффективности глобального управления (понижение значимости ООН и ряда международных договоров и режимов) ответственность государств по отражению традиционных и нетрадиционных угроз безопасности только возрастает. Что же касается культуры, то явление глобализации в этом аспекте чаще всего ассоциируется именно с американской культурой, и далеко не у всего населения планеты от Парижа до Сеула оно вызывает положительные эмоции.

¹ Hirst P., Thompson G. Globalization in Question. – Cambridge: Polity Press, 1996.

Таким образом, на основании приведённых тезисов скептики настаивают на том, что современный мир отличается высокой степенью интернационализации, но не является глобальным. В этих условиях государства сохраняют рычаги управления политическими и экономическими процессами, а неизбежность мировой победы неолиберализма в стиле Фукуямы отнюдь не предрешена.

Теоретические положения, выдвинутые скептиками по поводу гиперглобализма, в свою очередь, вызвали критическую реакцию со стороны ещё одной группы исследователей, которые, с одной стороны, признали слабую доказательную базу сторонников глобализма и необходимость разработки её более комплексного теоретического обоснования, а с другой – защищали тезис о том, что глобализация является реальным процессом, кардинально преобразующим мир. Таким образом, зародилась третья волна теории глобализации, которая заняла место между её первой и второй волнами. К сторонникам этого подхода, который получил название трансформаторский, относят, в первую очередь, Д. Хелда, Э. МакГрю¹, а также Д. Розенау², К. Хэя, Д. Марша³ и др.

В своих исследованиях Хэй и Марш, так же как и Хелд, не отрицают феномена глобализации, а, полемизируя с аргументами скептиков, стараются сформулировать комплексный подход к теории этого явления. С точки зрения Хэя и Марша, глобализация не является предопределённым процессом, а, наоборот, испытывает воздействие противодействующих тенденций и соответственно может развиваться в разных направлениях.

В свою очередь, Хелд развивает теорию трансформализма не только в своей книге «Глобальные Трансформации» (1999), но и ведёт непосредственные дебаты с ведущим представителем скеп-

¹ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations*. – Cambridge: Polity Press, 1999; Held D., McGrew A. *Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance*. – Cambridge: Polity Press, 2002.

² Rosenau J. *Along the Domestic – Foreign Frontiers*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

³ Hay C., Marsh D. *Demystifying Globalization*. – Basingstoke: Palgrave, 2000.

тецизма Хирстом¹, и между позициями, определяемыми скептицизмом Хирста и трансформализмом Хелда, безусловно, есть различия в определении рассматриваемого явления (интернационализация или глобализация), основных акторов будущего миропорядка (государство или глобальная демократия) и ряде других вопросов.

Однако, по оценке Л. Мартелла², сторонники второй и третьей волн расходятся в основном в выводах, вытекающих из почти сходной аргументации. Первые полагают, что в условиях неравномерности действия интеграции основными игроками будущего мироустройства останутся сохранившие силу государства, которые будут объединяться в региональные союзы, в том числе с учётом интересов менее влиятельных и более бедных стран региона. Большинство сторонников трансформализма считают, что глобализация во времени и пространстве развивается неравномерно и что она может привести к доминированию различных систем управления, при этом Хелд настаивает на том, что мировое сообщество в условиях глобализации неминуемо движется к глобальной демократии.

Характерно, что сторонники трансформализма Хэй и Марш не разделяют последний тезис Хелда, полагая, что в условиях глобализации усилившееся государство останется основным актором мировой политики. При этом они полагают, что, хотя их теория строится на критике аргументов скептиков и по замыслу должна была бы влиться в третью волну теории глобализации, на практике она до неё не дошла, расположившись по своему содержанию между второй и третьей волнами³.

В этой связи уместно привести более раннюю попытку концептуализации волн теории глобализации, которую ещё в 1996 г. предприняли Э. Кофман и Г. Юнгс⁴. Эти исследователи обосно-

¹ См., напр.: Held D., McGrew A. *The Global Transformations Reader*. – Cambridge: Polity Press, 2003.

² Martell L. *The Third Wave in Globalization Theory* // *International Studies Review*. № 9(2), 2007. P. 173–196.

³ Hay C., Marsh D. *Demystifying Globalization*. – Basingstoke: Palgrave, 2000.

⁴ Kofman E., Youngs G. *Introduction: Globalization – the Second Wave*. In eds. by Kofman E., Youngs G. *Globalization: Theory and Practice*. – London: Printer, 1996.

вали такое видение её второй волны, которое охватывало практически весь спектр научного дискурса, предложенного позднее сторонниками как скептического, так и трансформаторского подходов. С их точки зрения, теория глобализации первоначально была предложена без учёта специфики её компонентов, при этом само это явление не является чем-то принципиально новым, а лишь продолжает старые процессы в измененном формате. Так, например, в настоящее время финансовые капиталы стали более свободно перемещаться по миру, зато государства стали жёстче регулировать людские миграционные потоки; государства сохраняют суверенитет, но их роль переформулируется в связи с ростом влияния регионализма и т.д. В целом, видение Кофман и Юнгса во многом совпало с позицией Хэя и Марша, которые не нашли достаточно аргументов в поддержку третьей волны теории глобализации¹.

Оценки сторонников второй «объединенной» (в трактовке Кофман и Юнгса) волны теории глобализации интересно сопоставить с теорией равноположенного развития, предложенной Алексеем Богатуровым. По мнению последнего, «требуется прояснить вопрос о том, запрограммирован ли мир на уподобление Западу посредством модернизации не-Запада или на самом деле взаимодействие разнородных пластов бытования на планете происходит по более сложным законам, чем «линейно-прогрессивное» преобразование «отсталого» и «традиционного» в «передовое» и «современное»². Уместно рассматривать постановку такого вопроса, как продолжение дискурса между, с одной стороны, сторонниками глобализма и примыкающего к ним Хелда, а с другой – проponentами скептического и значительной части трансформаторского подходов.

Для ответа на поставленный вопрос российский исследователь предлагает выйти за рамки традиционного системного подхода, вынося на обсуждение гипотезу конгломеративности, кото-

¹ Martell L. The Third Wave in Globalization Theory // *International Studies Review*. № 9(2), 2007. P. 173–196.

² Богатуров А.Д. Современный мир: система или конгломерат? // *Очерки теории и политического анализа международных отношений* / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв. – М.: НОФМО, 2002. С. 129–144.

рая может рассматриваться либо как оппозиция системности, либо как её вариант, но воплощающий другой тип связей.

Современные общества по моделям поведения можно подразделить на традиционные, современные и конгломеративные, при этом Россию, как и многие страны Восточной Азии, безусловно, относят к числу последних. Для конгломератов характерно образование внутри обществ отдельных устойчивых структурных единиц – анклавов «традиционного», которые, с одной стороны, успешно противодействуют попыткам их поглощения окружающей средой, с другой – способствуют приобретению обществом более сложной «сдвоенной» структуры. В качестве эффективных обществ конгломеративного типа приводятся современные Япония, Китай и Тайвань, где наличие подобной структуры общества позволило как адаптировать достижения передовой техногенной цивилизации Запада, так и сохранить присущую восточной культуре более высокую трудовую мотивацию, что в целом дало экономический эффект, превысивший тот, что был достигнут в стране происхождения этой техники¹.

Идея системности, в рамках которой сформировалась современная концепция глобализации, связана с представлением о единстве линейно-прогрессивного исторического процесса и постулирует его через действие всепроникающих, жёстких сквозных лучевых связей, стимулирующих однородность общественной организации. При этом системность сфокусирована на осмыслении преимущественно западного опыта, а конгломеративность, находящаяся как теория на раннем этапе становления, воплощает опыт не-западный и исследует то, чем не-Запад отличается от Запада, и ищет пути налаживания взаимодействия между ними. В целом, конгломеративное общество тоже воплощает единство, но только «по внешнему контуру»: через со-развитие разного, а не через слияние в одинаковом, при этом для него типичны «несквозные», опоясывающие связи. В более раннем труде академик РАН Нодари Симония характеризовал подобный тип связей и отношений как «обволакивающие»².

Каждый анклав в конгломерате, с одной стороны, автономен, а с другой – косвенно взаимодействует с другими анклавами. По

¹ Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 132.

² Рейснер Л.И., Симония Н.А. Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. – М., 1984.

оценке Богатурова, конгломеративная модель способна привести к приобретению новых качеств не через разрушение свойств частей, а в ходе растянутого во времени воздействия повторяющихся, но различающихся циклов на со-положенные элементы, которые при этом меняются, но сохраняют критическую массу исходных качеств. Таким образом, конгломеративные общества взаимодействуют с потоком модернизирующих импульсов не только линейно (во взаимоотношениях с внешней средой), но и по спирали (на внутриобщественном уровне).

При этом конгломеративное общество, как правило, состоит из анклавов, как традиционного, так и современного, и таким образом прагматично воспроизводит все типы связей. К таким обществам относятся, например, Россия и Китай, поскольку в обеих странах хорошо заметны анклавы «современного» рыночного и «традиционного» патриархального типов поведения с той разницей, что в КНР разделение проходит по линии «побережье – внутренние районы», а в России – «столицы – провинции»¹.

По мере усиления в современном мире политического и экономического влияния не-западных государств и, в первую очередь, ведущих стран Восточной Азии, в современной теории международных отношений стал очевиден теоретико-концептуальный тупик, порождённый явлением не оставляющей места не-западным формам общностей глобализации, которая представляет собой современную форму «поглощающего» линейно-прогрессивного развития.

В качестве её антипода Богатуров предлагает теорию равноположенного развития, которая постулирует возможность неразрушительных форм взаимовлияния, задаёт альтернативную парадигму обновления мира при сохранении автономии и многообразия скоростей и форм развития и, наконец, преодолевает «историко-мессианскую» воинственность западной цивилизации в отношении не-западных. Эта теория не представляет фронтальной оппозиции линейно-прогрессивному развитию, а предназначена для того, чтобы преодолеть присущую ему, но в современных исторических условиях не работающую, логику поглощения в пользу слитно-органического видения современного мира, где

¹ Богатуров А.Д. Указ соч. С. 129–144.

набирающие политический и экономический вес не-западные сообщества займут свое достойное место.

В современном мире особую остроту приобретают проблемы национальной идентичности. Чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы будут стремиться сохранить свою культуру, язык, религию и традиции¹. Эта же закономерность характерна для формирования идентичности России, которая никогда не была статичной, а, напротив, видоизменялась, развивалась, впитывая в себя новые веяния, но «оставаясь в основе европейской, всегда сохраняла при этом свои неповторимые, только ей присущие черты»².

Вышеприведённый дискурс между представителями нескольких волн теории глобализации, а также положения предложенной Богатуровым теории равноположенного развития позволяют нам выдвинуть научную гипотезу о том, что, несмотря на действие постулируемой глобалистами тенденции к всеобщей унификации, важнейшие регионы мира сохранят свое самостоятельное значение в мировой системе, при этом отдельные государства, такие, как, например, Россия, Китай, Япония, Индия и многие другие, не утратят своей самобытности, одновременно адаптируясь к новым условиям и сохраняя «традиционные» типы поведения.

Резюмируя раздел, посвящённый глобализации, следует отметить, что большинство российских и иностранных специалистов считают её объективным процессом, который необходимо корректировать, создав и реализовав на практике новую концепцию мирового порядка, «основанную на идее коллективного управления», реализуемой группой ведущих демократических государств. Этот новый мировой порядок должен базироваться на эффективной модели межгосударственного сотрудничества, что невозможно без реформирования ООН, во многом утратившей эффективность. В числе приоритетных задач российские учёные Иноземцев и Караганов называют самоидентификацию и само-

¹ Жаде З.А. Геополитическое мироощущение // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность / Отв. ред. Л.И. Никовская. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 34.

² Шмелёв Н. Российская идентичность, Европа и цивилизационные процессы // Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире. – М.: Огни ТД, 2005. С. 36.

реализацию «центра» глобальной международной системы, способного «не покорить, а цивилизовать «периферийные» территории, помочь их народам достигнуть уровня развития, позволяющего им реализовываться в качестве полноправных суверенных государств»¹.

1.2. Комплекс теоретических подходов и инструментов для оценки роли многосторонних институтов сотрудничества

Прежде чем перейти к изучению явлений регионализма и регионализации, которые могут как способствовать, так и противостоять глобализации, необходимо охарактеризовать комплекс теоретических подходов и инструментов, которые мы будем использовать для анализа регионального порядка Восточной Азии, а также выявления особенностей и институциональной эффективности межправительственных организаций в безопасности и экономике. Нами будут рассмотрены пять теоретических парадигм и направлений (неореализм, неолиберализм, неомарксизм, критицизм, конструктивизм), преобладающих в исследованиях современных международных отношений, но которыми они не исчерпываются.

Неореализм и неолиберализм были и остаются наиболее влиятельными парадигмами, которые отражают рационалистический подход в теории международных отношений, оперирующий в объяснении мира, преимущественно, категориями силы и интереса, и ставящий в центр своего рассмотрения рационального политика, руководствующегося в принятии политических решений не эмоциями, а расчётом. Для неореалистов последний определяется балансом сил и угроз, для неолибералов – соображениями материального благосостояния и безопасности. Борьба за реализацию этих интересов и, следовательно, за максимизацию власти или богатства и определяет характер международно-политических процессов. При этом эти интересы представляются как мало варьирующиеся, и задача исследователя состоит лишь в

¹ Иноземцев В.Л., Караганов С. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 1. № 1. С. 10.

том, чтобы определить, кто из акторов находится в наиболее выгодном положении для их реализации¹.

Относительно недавно в теории международных отношений возникло новое социологическое направление, которое получило название рефлексивизма или постпозитивизма. В него включают сторонников критицизма, феминизма, постмодернизма и других подходов, в том числе конструктивизма, хотя существует и другое мнение, что последний располагается между рационализмом и рефлексивизмом².

Сторонники социологического направления настаивают на необходимости анализа международных отношений с учётом динамики и характера глобальных транснациональных связей и взаимодействий, а также на том, что теория международных отношений не может быть нейтральной и трактовать события в отрыве от социального контекста, так как интерсубъективное значение оказывает существенное влияние на поведение акторов³. Не удовлетворяясь объяснением и легитимированием существующего мира в терминах государственного интереса и баланса силы, рефлексивисты стремятся найти пути его структурного изменения (через совершенствование социальных норм, институтов, групповых ценностей, идентичностей)⁴.

Со временем дебаты между сторонниками рационализма и социологического направления только усиливались, и период, начавшийся в конце 80-х годов, получил название «эра постпозитивизма». Среди причин, способствовавших этому явлению, Смит назвал такие, как окончание «холодной войны», приход глобализации, качественные изменения в развитии социальных наук и, наконец, жаркие споры между сторонниками неореализма

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2002. С. 125–136.

² Burchill S., Linklater A. *Theories of International Relations*. – Palgrave Macmillan, 2005.

³ Kratochwil F., Ruggie J. *International Organization: A State of the Art on an Art of the State // International Organization*. № 40 (4), 1986. P. 753–775.

⁴ Цыганков П.А. Указ. соч. С. 158–159.

и неолиберализма, давшие возможность учёным других направлений выступить с альтернативными подходами¹.

Основополагающей идеей классического реализма является то, что государства живут в условиях анархии и отсутствия централизованной власти² Современные реалисты (неореалисты) также связывают проблемы мирового порядка с несовершенством международной системы, вызывающим постоянные конфликты и регулярное применение силы для их разрешения. К. Уолц в рамках своей ставшей классической теории структурного реализма уделяет особое внимание структуре мирового устройства с точки зрения распределения силы между основными мировыми державами³.

Неореалисты считают, что государства сотрудничают только в случае возникновения необходимости, например, для усиления военной силы или балансирования угроз безопасности, а основной формой регионализма рассматривают военно-политические союзы. Оценки неореалистами регионализма и формирования региональных институтов носят, преимущественно, негативный характер и рассматриваются как попытки противостоять мировому гегемону, либо ограничить его мощь.

По мнению сторонников геэкономической модели неореализма, крупные державы будут использовать международные организации для усиления позиций в экономическом соперничестве за рынки сбыта, источники сырья, промышленные технологии и рабочие места, которое приходит на смену военному противостоянию. Так, Л. Туроу предположил, что с окончанием «холодной войны» мир разделится на три соперничающих экономических блока: ведомый США блок НАФТА (Североамериканская ассоциация свободной торговли), Европейский Союз во главе с Германией и Азиатский блок под руководством Японии⁴. Принципиальное теоретическое положение геэкономистов заключа-

¹ Smith S. Reflectivist and Constructivist Approaches to International Theory. In eds. by J. Baylis, S. Smith *The Globalization of World Politics*. – 2nd ed., NY: Oxford University Press, 2001. P. 224–249.

² Для более подробного знакомства с теорией классического реализма смотри, например, Morgentau H. *Politics Among Nations*. – 6th ed., NY, 1985.

³ Waltz K. *Theory of International Politics*. – Reading, USA, 1979.

⁴ Thurow L. *Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America*. – New York, 1992. P. 55–66.

ется в том, что, хотя эти блоки и не будут полностью закрытыми, стоящие во главе державы построят их так, что основные преимущества от сотрудничества достанутся именно им. Наиболее адекватно эта модель объясняла события мировой политической экономики конца 80-х – начала 90-х годов, когда на фоне неудачи переговоров Уругвайского Раунда была создана НАФТА и ускорена европейская интеграция.

В 1991 г. было предложено создать Экономический Совет Восточной Азии без участия США, Австралии и Новой Зеландии. В сложившейся ситуации многое зависело от Японии, которая не поддержала идею создания Совета, а, напротив, способствовала формированию Форума Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества, придерживающегося принципа «открытого регионализма». В 1995 г. переговоры Уругвайского Раунда успешно завершились созданием Всемирной Торговой Организации, и в результате региональные экономические блоки не стали заменой многосторонним подходам к организации сотрудничества.

Одной из ведущих теорий в неореализме является гегемония, при которой порядок определяется интересами, ценностями и видением мира единственной доминирующей державы. Последняя обладает преимущественными военными, экономическими и прочими ресурсами, определяет общие для всех цели и правила и обеспечивает их выполнение¹. По мнению одного из её сторонников М. Мастандано, смогут ли США и дальше удерживать лидерские позиции в мире, зависит от эффективности их внутри- и внешнеполитического курса, а также от способности США одновременно решить три задачи:

- предотвратить появление государств, сочетающих экономическую и военную мощь со стремлением стать полноценной супердержавой;

- проводить сбалансированную внешнюю политику, избегая односторонних силовых решений и навязывания своего лидерства;

- добиться внутри страны поддержки политического и экономического курса, обеспечивающего достижение этой цели².

¹ Gilpin R. *War and Change in World Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

² Mastandano M. A realist view: three images of the coming international order. In eds. by T.V. Paul, J. Hall *International Order and the Future of World Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 34–36.

Через несколько лет А. Воскресенский сформулировал своё видение основных характеристик, которым должно соответствовать государство, претендующее на гегемонию:

- обладать эффективным хозяйственно-экономическим механизмом, основанном на производстве инновационного типа;

- располагать военной мощью, достаточной для геополитического лидерства;

- иметь пассионарное население, характеризующееся высоким потенциалом общественной жертвенности (готовности общества и элиты жертвовать своими ресурсами во имя нации)¹.

Глобализация добавила к вышеприведённым базовым характеристикам лидерства ещё три положения:

- наличие главенствующих позиций в мировой торговле и контроля над большей частью крупнейших ТНК;

- доминирование в мировой валютной системе;

- экспорт не вызывающих отчуждения идеологий и культур.

При этом, по оценке Воскресенского, правомерно говорить о двух формах проявления лидерства – гегемонии и доминировании, избирательно применяемых государствами согласно складывающейся ситуации. Под государством-гегемоном следует понимать державу, обладающую преобладающей военной силой и созидательным потенциалом для структурирования мировой системы в соответствии со своими интересами. Государство-доминант, помимо характеристик государства-гегемона, должно обладать желанием структурировать мировую систему в соответствии со своим видением и способностью заручиться поддержкой мирового сообщества².

В этом контексте важно учитывать, что для достижения своих целей современные государства-лидеры стремятся к использованию различных сочетаний «жёсткой» силы (hard power) и «мягкого» влияния (soft power)³, совокупность которых определяет

¹ Воскресенский А.Д. Реальность и теория. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. 2004. № 2. С. 21–33.

² Там же.

³ Использование в качестве русского аналога «soft power» термина «мягкое влияние» предложено в недавней работе Зевелёва и Троицкого (Зевелев И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американских отношениях: семиотический анализ. – М.: НОФМО, 2006. С. 7), подключивших к анализу внешней политики методологию семиотики, изучающей коммуникацию между субъектами как обмен набором символов, имеющих важное значение для каждого участника взаимодействия.

«относительную силу»¹ государства, а выбор оптимального соотношения между ними во многом определяет эффективность и долговременность лидерства. По мнению выдвинувшего в 1990 г. термин «мягкое» влияние Джозефа Ная, эти два компонента имеют различную ресурсную базу. Так, «жесткая» сила обеспечивается наличием мощи и денег. Для того чтобы добиться сотрудничества посредством «мягкого» влияния, субъект и объект воздействия должны разделять общие ценности, при этом последний должен понимать необходимость их реализации на практике. В ресурсную базу «мягкого» влияния Най включил три составляющих: культуру (когда она привлекательна для объектов влияния), политические ценности (если субъект влияния сам их придерживается) и внешнюю политику (когда другие государства рассматривают её в качестве легитимной и морально оправданной)².

События начала XXI века (критическое ухудшение финансово-экономического положения внутри страны, военная и политическая неудача вторжения США в Ирак) показали, что применяемая Вашингтоном стратегия односторонних действий не обеспечивает ни безусловного мирового лидерства США, ни эффективного решения проблем, стоящих перед человечеством. С учётом этих изменений министр иностранных дел России Сергей Лавров недавно охарактеризовал современный миропорядок как «многополярный и полиархический»³. В то же время, по мнению Богатурова, современный мир, являясь «плюралистически однополярным»⁴, приобрёл вид «структуры, полюсом которого является «группа восьми», внутри которой США играют довольно автори-

¹ По мнению ряда исследователей, сила государства зависит не только от того, чем оно обладает, а от того, какие действия оно может заставить совершить другие государства, и его способности при необходимости изменять поведение других стран, чтобы сделать желаемый результат возможным (Nye J. *The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. – NY: Oxford University Press, 2002. P. 8–12).

² Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – NY: Public Affairs, 2004. P. 5–11.

³ Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // *Россия в глобальной политике*. 2007. № 2.

⁴ Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI веке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 9.

тарную роль. Хотя позиции «восьмёрки» по отношению к остальному миру укрепляются, внутри неё развивается процесс децентрализации».

Теория «многополярного баланса силы» (multipolar balance of power)¹ является классическим направлением реализма, около трехсот лет (с 1648 по 1945 гг.) характеризовавшим устройство мира. Под балансом силы подразумевается состояние динамического равновесия, где допустимы колебания уровней геополитического влияния конкурирующих государств, ни одно из которых не обладает преобладающей мощностью, а отличающиеся по своей совокупной мощи центры силы в различной конфигурации способны длительное время обеспечивать требуемый баланс сил.

В соответствии с типом распределения силы, при балансе силы порядок может быть биполярным или многополярным. Одной из целей данного порядка является предотвращение гегемонии, и некоторые теоретики неореализма, в том числе Д. Мершеймер, полагали, что «с окончанием «холодной войны» биполярный мир снова быстро сменит многополярная система устройства»², так как крупные державы не потерпят полного превосходства единственной супердержавы в течение длительного времени. В реальности же Россия и Китай оказались не заинтересованы в придании своим разногласиям с США системного характера. Остальные же крупные державы (Япония, Германия, Великобритания и др.), как правило, прямо заявляют о поддержке лидерских амбиций Вашингтона.

Тем не менее, большинство теоретиков неореализма полагают, что именно баланс силы является наиболее жизнеспособной моделью мирового порядка, и в этом контексте появление конкурентов государствам-лидерам за счёт становления крупных региональных держав неизбежно. Наличие собственного политического курса, по некоторым аспектам идущего вразрез с политикой лидера, растущего созидательного потенциала и поддержки ряда стран региона позволяет таким державам формировать региональный центр силы и влияния. Со временем они могут пози-

¹ Российский политолог Богатуров, ссылаясь на классика реализма Ганса Моргентау, считает, что словосочетание *balance of power* следует переводить как «силовое равновесие» (См. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. – М., 1997. С. 28).

² Mearsheimer J. *Disorder Restored*. – New York, 1992. P. 39.

ционироваться как антилидеры, то есть как страны, способные бросить вызов и противостоять доминированию лидера, а при определённых условиях занять его положение.

Основным источником нарушения равновесия и дестабилизации при балансе сил выступают нереализованные геополитические интересы государств, что свидетельствует о существовании у стран взаимоисключающих целей и серьёзных проблем межгосударственного взаимодействия. Подобное положение ведёт к возникновению геополитических проблем, которые академик РАН П. Бакланов определяет как длительное, устойчивое состояние неудовлетворённости геополитических интересов, в том числе наличие факторов, препятствующих их реализации. В зависимости от содержания геополитических интересов он выделяет следующие типы геополитических проблем:

- угроза национальной безопасности и территориальной целостности государства;
- существование страны в условиях жёсткой военной, экономической, информационной блокады или санкций;
- нежелательное военное присутствие одной страны на территории или акватории другой;
- неурегулированность каких-то участков государственной границы между странами;
- расширение военно-политических блоков, когда одни страны желают войти в какой-то блок, а другие – препятствуют этому¹.

В контексте нашего исследования принципиальное значение имеет поиск ответа на вопрос о том, смогут ли США и Япония найти модель сотрудничества, позволяющую удовлетворить растущие геополитические интересы и разрешить геополитические проблемы Китая в Восточной Азии, не прибегая к вооружённому конфликту.

Ещё одной теорией порядка в неореализме является «концерт великих держав», который объединяет определённые элементы баланса силы и коллективной безопасности. Предотвращая гегемонию и служа примирению несовпадающих интересов великих держав, концерт представляется оптимальной системой распределения силы в неореализме. Для обеспечения успешного функ-

¹ Бакланов П.Я. О категориях современной геополитики // Известия РАН. Сер. геогр. 2003. № 2. С. 7–16.

ционирования этого типа порядка необходимо выполнение ряда условий, в том числе: включение в него всех великих держав, их согласие со сложившимся статус-кво, отсутствие закрытых для ряда великих держав союзов, приверженность их единым интересам и ценностям.

В последнее время большое внимание привлекла теория «столкновения цивилизаций» Самуэла Хантингтона, который выделил в современном мире восемь основных цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, славянско-православную, латиноамериканскую и африканскую. По его мнению, основные конфликты в будущем произойдут вдоль разграничительных линий между ними, в первую очередь, в тех районах мира, где ислам соприкасается с другими цивилизациями: северная Индия, Ливан, Балканы, северная Африка, Кавказ, Афганистан и др. Хантингтон полагает, что нынешние конфликты, инициированные мусульманскими фундаменталистами, – лишь предвестник более мощного, системного противостояния Запада с остальным миром¹, а после событий сентября 2001 г. его теория приобрела особую актуальность.

С точки зрения нашего исследования, она важна для прогнозирования тенденций развития регионального сотрудничества в Восточной Азии. Так, уникальность цивилизации Японии препятствует ее более глубокой интеграции со странами этого региона. В то же время культурная общность КНР с Сингапуром, Тайванем и наличие крупных китайских общин в других странах Юго-Восточной Азии являются предпосылками того, что центром интеграционных процессов в Восточной Азии может стать Китай.

Что же касается оценки теории Хантингтона в целом, то, с одной стороны, она оказала определённое влияние на научный дискурс, ведущийся в рамках неореализма, с другой – ее противники полагают, что она не станет важнейшим фактором формирования нового мироустройства. Во-первых, государства, входящие в состав одной цивилизации, часто расходятся по принципиальным вопросам политики, а, во-вторых, цивилизации не имеют

¹ Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993, Vol. 72.

единого руководящего органа, что делает невозможной четкую координацию их усилий на межгосударственном уровне.

Последователи неолиберализма, оспаривая основы неореализма, полагают, что анархию и войны можно предотвратить, создав более совершенные механизмы международных отношений. Приоритет в оценке характера международных отношений и рекомендациях по их регулированию отдаётся нормам морали и права, а также созданию коллективных институтов, призванных обеспечить соблюдение этих норм. Межгосударственное сотрудничество необходимо «для усиления преимуществ и снижения вреда от взаимозависимости и взаимодействия, а также для максимального использования возможностей по установлению мира, справедливости и подъема благосостояния»¹.

Среди значительного числа теорий, входящих в парадигму неолиберализма (коллективной безопасности, комплексной взаимозависимости и других), наибольший интерес для важнейшей цели исследования – оценки эффективности деятельности международных организаций – представляют режимный и институциональный подходы.

В отличие от предыдущих теорий, полагающихся преимущественно на силовой компонент, теория международных режимов в поддержании порядка опирается на принципы, нормы и правила, её основными инструментами являются дипломатия и международное право, а цели достигаются через координацию, сотрудничество и убеждение. Концептуально международные режимы определяются как совокупность взаимных ожиданий, принципов, норм, правил и процедур принятия решений, принятой группой акторов по определённым кругам вопросов. Международные режимы делятся на два основных типа – экономические и безопасности – и активно применяются как в международной политической экономике, так и в различных моделях коллективной безопасности².

¹ Zacher M. and Matthew R. Liberal International Theory: Common Threads, Divergent Strands. In eds. by Kegley C. *Controversies in International Relations Theory*. – NY., 1995. P. 110–112.

² Krasner S. *Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables*. In eds. by S. Krasner *International Regimes*. – Ithaca: Cornell University Press, 1983.

Коллективная безопасность предназначена для предотвращения агрессии против любого участника с помощью угрозы или реального применения эффективных коллективных мер и, в отличие от союзов, не направлена против конкретного государства, а также, в отличие от концерта, управляется всеми участниками, а не только великими державами. При коллективной безопасности общие интересы и приоритеты получают приоритет над национальными, а основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности несут международные организации.

По мнению Р. Кохэна и Д. Ная, глубокая торгово-экономическая взаимозависимость государств и сложившаяся система международного разделения труда становятся важными факторами укрепления мира¹. Эти ученые обосновали тезис о том, что во взаимозависимом мире государства не являются единственными субъектами международных отношений. В этом качестве к ним присоединяются международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, общественные движения и даже некоторые влиятельные «граждане мира». Таким образом, они отмечают системный характер изменений в мировой политике (расширение демократического поля, усиление взаимозависимости, появление новых участников, не являющихся государствами).

Важнейшую роль в политике и экономике, по мнению Коэна и Ная, играют быстро развивающиеся международные институты (общемировые и региональные организации, договоры, режимы и т.п.), через которые реализуются интересы мирового сообщества. Эти институты формируют атмосферу доверия среди участников, позволяют государствам строить отношения более эффективно и совместно добиваться реализации своих интересов, базируясь на общих правилах поведения². В целом, благодаря включению международных институтов, структура системы международных отношений в неолиберализме предстаёт более всеохватывающей и глубокой, чем в неореализме.

В силу исключительной важности роли институтов в развитии регионализма её углубленная оценка ведущими парадигмами

¹ Keohane R. and Nye J. Power and Interdependence. – NY., 1989.

² Ruggie J. Multilateralism: The Anatomy of an Institution. In eds. by Ruggie Multilateralism Matters. – NY., 1993. P. 15–18.

и направлениями международных отношений будет освещена в заключительной части параграфа.

Что касается теории комплексной взаимозависимости, то её основная гипотеза заключается в том, что экономическая взаимозависимость снижает вероятность возникновения международного военного конфликта. В поддержку этого тезиса выдвигаются следующие аргументы:

– возрастание значения капитала как фактора производства и его увеличивающаяся мобильность снижает мотивацию к завоеванию территорий и повышает интерес в мирном окружении и хорошем управлении, что необходимо для привлечения инвестиций;

– высокий уровень коммерческого взаимодействия ведёт к миру, потому что это отвечает интересам участвующих государств, а конфликт, напротив, подорвёт их благосостояние;

– международные торгово-экономические связи влияют на внутреннюю политику государств, перераспределяя внутривнутриполитическое влияние в пользу тех, кому выгодны мир и сотрудничество, и не в пользу тех, кто хотел бы применить военную силу для приумножения своей силы и богатства¹.

Одновременно в ходе действия этих процессов возрастает влияние частных лиц и неправительственных акторов, что делает внутривнутриполитическую систему государств более демократичной, и данный аргумент сближает теорию экономической взаимозависимости и сотрудничества с теориями демократического мира и неолиберального институционализма. Более того, теории комплексной взаимозависимости и международных режимов во многом соприкасаются и могут рассматриваться как прелюдия к мировому порядку, основанному на измененной государственной идентичности или интегрированном региональном сообществе².

Характеризуя неомарксизм, следует отметить, что его теоретические постулаты по некоторым аспектам совпадают с реализмом, а по другим – с либерализмом. С одной стороны, марксизм

¹ Было бы некорректно не отметить, что неореалисты оспаривают эту аргументацию, считая, что высокий уровень экономической интеграции не способен предотвратить международные конфликты и что соображения высокой политики и безопасности ставятся выше коммерческих интересов, когда они входят в противоречие друг с другом.

² Alagappa M. *The Study of International Order*. In eds. by M. Alagappa *Asian Security Order*. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 60.

схож с реализмом, декларируя неизбежность войн в капиталистическом обществе. С другой стороны, он прогнозирует возможность формирования принципиально нового устройства мировой системы, построенного на неантагонистической модели производства, где не будет государств, войн и т.д. Современные неомарксисты считают, что в условиях господства «мир-экономики» главными участниками системы международных отношений являются социальные классы – мировая буржуазия и рабочий класс, а государства играют в ней вторичную роль. Эта теория сохраняет заметное влияние среди ученых как развитых, так и развивающихся стран, а среди её ведущих представителей следует назвать И. Валлерстайна, Р. Кокса, С. Амина, М. Рогальски, Й. Галтунга и др.¹

Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что единственная оставшаяся великая держава, декларирующая своей целью построение коммунизма (КНР), на практике руководствуется в политике принципами реализма, лишь время от времени прибегая к марксистской риторике. Так, в 70-е годы Пекин определял важнейшей задачей борьбу с любой супердержавой, стремящейся к мировому доминированию, а после распада СССР главным объектом противоборства для КНР стали США².

Теория социального конструктивизма, ведущими проponentами которой являются Ф. Кратохвил, А. Вендт, Д. Рагги и другие, объясняет мир с помощью социологии, и, ставя во главу угла взаимосвязь между государственными интересами и идентичностями, анализирует механизмы взаимодействия политических и общественных процессов. Ученые обратились к этой науке для анализа социальных сил (от внутригосударственных коалиций до МНПО и гражданских движений), которые оказывают все большее влияние на модели государственных действий. Основные постулаты конструктивизма могут быть сведены к следующим³:

1. Главными объектами анализа международных отношений остаются государства.

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений – М.: Гардарики, 2002. С. 150.

² Shambaugh D. Beautiful Imperialist: China Perceives America 1972–1990. – Princeton University Press, 1991.

³ Цыганков П.А. Указ. соч. С. 161.

2. Ключевые структуры в межгосударственной системе рассматриваются не столько как материальные, сколько как intersубъективные.

3. Идентичности и интересы государства считаются в значительной степени сконструированными этими социальными структурами, а не результатом экзогенного воздействия человеческой природой или внутренней политики государства. При этом набор и содержание идентичностей и интересов не заданы навсегда, а находятся в постоянном изменении в ходе социального взаимодействия.

С точки зрения конструктивистов, проблемы и перспективы развития международных отношений определяются нормами и верованиями, которыми руководствуются политические лидеры, поэтому анархия не является неотъемлемым признаком межгосударственной системы. Такие подходы дополняют аргументы других теорий международных отношений, направлены на выявление социальных условий, при которых основные постулаты реализма действуют более эффективно.

Первый научный довод конструктивистов очевиден: одному государству легче понять намерения другого, когда оно понимает логику его поведения, то есть речь идет о предсказуемости в политике. Второй предпосылкой эффективного применения принципов реализма является способность государства верно оценивать международную обстановку и выработать приоритеты внешней политики. А. Вендт делает акцент на том, что процесс приобретения государством новых знаний осуществляется в ходе социального взаимодействия¹.

Развитие критического подхода в теории международных отношений во многом связано с работами Р. Кокса, который настаивал на том, что политические знания не могут быть нейтральными, а при их формировании всегда присутствует политический интерес. Это мнение нашло отражение в его знаменитой формулировке: «теория всегда создаётся в чьих-то интересах и для какой-то цели». Другими словами, знания не могут быть объ-

¹ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1994. № 46. P. 391–398.

ективными и вневременными, напротив, они укоренены в историческом контексте и служат определённым целям¹.

В отличие от рационалистов, как правило, нацеленных на закрепление статус-кво в интересах тех, кто преуспел в современном мире, и принимающих сложившийся мировой порядок как рамочный для ведения исследований, критическая теория видит главную задачу в исследовании потенциала для его структурного изменения. Примером такого различия в подходах могут быть, с одной стороны, подталкиваемая неолибералами в рамках ВТО либерализация мировой торговли, с другой – попытки стран Восточной Азии противостоять глобализму за счёт смещения акцента с мирового торгового на региональное финансовое и торговое сотрудничество.

Сверхзадача для Кокса – объяснить, чем вызывается и как происходит переход от одного мирового порядка к другому. По его мнению, для этого сначала надо прояснить современный доминирующий мировой порядок, представляющий собой конфигурацию из материальной мощи, идеологии и институтов, которые не определяют поведение акторов как таковое, но воздействуют на него и накладывают ограничения. Вышеприведённые компоненты мирового порядка взаимодействуют на трёх взаимосвязанных уровнях: социальных сил, государств и мирового порядка. Изменения на одном уровне оказывают влияние на следующий, и, набрав определённую силу, способны воздействовать на существующий мировой порядок².

В своих исследованиях Р. Кокс и его коллега С. Гилл уделили ключевое внимание тому, какое влияние на реструктуризацию мира оказывает глобализация, например, как глобальная организация производства и финансовой деятельности трансформирует Вестфальскую концепцию государства и общества в неолиберальную «бизнес-цивилизацию». При этом мировой порядок характеризуется нарастающим напряжением между принципами территориальности и взаимозависимости. По их оценке, социальное предназначение государств всё больше капитулирует перед

¹ Cox R. Critical Political Economy. In eds. by B. Hettne International Political Economy: Understanding Global Disorder. – London: Zed Books, 1995. P. 31–45.

² Cox R. Approaches to World Order. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 89, 306.

рыночной логикой капитализма, что, с одной стороны, вызывает дальнейшую поляризацию между бедными и богатыми, ослабление активности гражданского общества, а с другой – ведёт к подъёму популизма на основе «исключения» (крайне правые движения, расизм, ксенофобия)¹.

Основными катализаторами изменений являются социальные акторы, например, транснациональные корпорации, бросающие государствам вызов децентрализации, создавая новые социальные и географические модели организации производства. В качестве контргегемонистических сил могут выступать коалиции государств «третьего мира» или неправительственные организации и социальные движения, поднимающиеся из низов гражданского общества. Регионализм, получивший наибольшее развитие в трёх макрорегионах (Европа, Северная Америка, Восточная Азия), воздействуя на политику государств, также вызывает реструктуризацию мирового порядка².

Ключевой вопрос для критической теории – выяснить, как действия и взаимодействия вышеназванных и других социальных сил могут влиять на модели поведения государств и, в конечном счёте, вызывать трансформацию глобального мирового порядка. Существенный вклад в решение этого вопроса внёс А. Линклэйтер, предпринявший комплексное исследование социологии систем государств в международном сообществе. Три его работы («Люди и граждане», «За пределами реализма и марксизма» и «Трансформация политического сообщества»)³ представляют собой наиболее полное исследование проблематики политического сообщества в науке о международных отношениях.

В последней из этих работ он сформулировал три тенденции, трансформирующие политическое сообщество:

– возрастающее признание того, что моральные, политические и юридические принципы должны стать универсальными;

¹ Gill S. Globalization, Democratization, and the Politics of Indifference. In eds. by J. Mittelman Globalization: Critical Reflections. – Boulder, 1996.

² Eschle C., Maiguaschca B. Critical Theories, World Politics, and the “Anti-Globalization Movement”. – London, 2005.

³ Linclater A. Men and Citizens in the Theory of International Relations. – 2nd edition, London. 1990; Linclater A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations. – London, 1990; Linclater A. The Transformation of Political Community. – Cambridge, 1998.

- настоящее требование о том, что материальное неравенство в мире должно быть сокращено;
- настойчивое требование большего уважения культурных, этических и гендерных различий.

Этот процесс тройной трансформации открывает возможности разрыва взаимосвязей между суверенитетом, территорией, гражданством и национализмом и продвижения вперёд к более космополитичным формам управления миром. В то же время, по мнению сторонников критицизма, события, последовавшие после 11 сентября 2001 г., снизили уровень цивилизованности современных систем государств. В этом контексте большую угрозу мировому порядку представляют не действия террористов, а реакция на них со стороны США, которые, поставив себя в ходе этой войны вне правил, норм и институтов международного сообщества, не только ухудшили перспективы построения справедливого мирового порядка, но и подорвали сами принципы, на которых он зиждется¹.

Тем не менее, основной целью международной критической теории была и остаётся реконфигурация политического сообщества как путём расширения его границ за пределы суверенного государства, так и усилением его влияния внутри государств за счёт внедрения многослойной структуры демократического управления, что, в конечном счёте, вызовет постепенную «децентрализацию» государства и сформирует более космополитичную форму политической организации. Таким образом, критическая теория ставит своей целью способствовать распространению в мире свободы, справедливости и равенства. При этом внимание, которое она уделяет изменениям в ходе исторического процесса, позволяет отслеживать происходящую структурную трансформацию и выявлять суть изменений мирового порядка. Именно поэтому данная теория активно используется в нашем исследовании.

Со времени окончания «холодной войны» количество создаваемых международных организаций значительно превышает число тех, которые прекращают свою деятельность. Вот почему важно исследовать стратегии государств по институционализации сотрудничества, различные модели формирования междуна-

¹ Devetak R. Violence, Order and Terror. In eds. by A. Bellamy International Society and Its Critics. – Oxford, 2005.

родных институтов, условия повышения их эффективности, а также различия в подходах основных теорий международных отношений к этой проблематике.

По мнению, разделяемому как либералами, так и последователями конструктивизма, развитые государства достигли высокого уровня благосостояния и безопасности во многом благодаря либеральным принципам общественного устройства. Но подобное позитивное развитие событий не гарантировано им навечно. Трагические события сентября 2001 г. показали, что даже США не гарантированы от ударов международных террористов. Никто не застрахован и от возможного обострения торгово-экономических противоречий, наконец, об этом же свидетельствует и начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис.

Для предотвращения подобного развития событий мировое сообщество должно стремиться к совершенствованию многосторонних институтов сотрудничества. Те организационные и финансовые усилия, которые требуются сегодня на создание этих институтов, при условии, что в будущем они выполняют предписываемую роль, в ретроспективе будут оценены как весьма незначительные, но исключительно эффективные¹.

Предваряя анализ институтов, представляется важным ввести определения, предложенные представителями ведущих школ международных отношений. Так, неореалист Д. Мершеймер определил международный институт как «набор правил, который определяет порядок, в соответствии с которым государства должны сотрудничать и конкурировать друг с другом. Он устанавливает приемлемые и неприемлемые формы поведения государств»².

Среди теоретиков в этой области выделяются также Р. Кохэн и Д. Рагги. Первый из них определил институт как «комплекс ограниченных во времени и пространстве, формальных и неформальных правил и норм, регулирующих и ограничивающих дея-

¹ Севастьянов С.В. Международные институты и оценка их роли в современных теориях международных отношений // Материалы международной конференции «Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия». – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. С. 328–329.

² Mearsheimer J. The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994/95. № 19. P. 5–49.

тельность своих членов»¹. По мнению Рагги, многосторонний подход в международных отношениях – это институциональная норма, «регулирующая взаимоотношения между тремя или более государствами на основе общих принципов поведения»². Он определил, что основополагающими признаками деятельности многосторонних институтов являются:

- общие принципы деятельности, разделяемые всеми членами;
- общность для членов материальных и других результатов от сотрудничества;
- сравнимая величина преимуществ от сотрудничества, полученных участниками в течение определенного периода времени.

Общие принципы – это правила, регулирующие поведение членов многостороннего института независимо от их индивидуальных предпочтений, например, принцип коллективной безопасности государств. Общность результатов означает, что расходы и преимущества от сотрудничества распределяются между всеми участниками, что в случае возникновения проблем у одного из них, остальные также несут издержки. Сравнимая величина преимуществ от сотрудничества означает, что их получают все члены института, хотя не обязательно в каждом конкретном случае и не весь период времени, то есть результат необходимо оценивать в целом за относительно длительный период.

Международные организации – это официальные структуры, которые включают в себя и поддерживают целый ряд международных институтов. Некоторые из подобных институтов, например Генеральное соглашение по таможенным тарифам и торговле, существовали многие годы в форме международных режимов, не трансформируясь в международную организацию³. Тем не менее, государства обычно склонны считать, что сотрудничество более эффективно, когда над ним установлен контроль. Поэтому большинство успешных институтов со временем принимают форму международных организаций.

¹ Keohane R. International Institutions: Two Approaches // *International Studies Quarterly*. 1988, № 32. P. 383.

² Ruggie J. *Multilateralism: The Anatomy of an Institution*. In eds. by J. Ruggie *Multilateralism Matters*. – NY., 1993. P. 14.

³ Это произошло лишь в 1995 г., когда была создана Всемирная торговая организация (ВТО).

Что касается термина «международная организация» как такового, то имеет место проблема отсутствия конвенционного определения данного понятия в документах международного права. В этой связи возникают проблемы классификации многосторонних институтов и отнесения их, например «большой восьмёрки», к определённой политической категории. Тем не менее, эксперты полагают, что межправительственная организация является объединением трёх и более государств, создаваемым на основе международных договоров для реализации общих целей и действующим согласно уставным документам. МПО предполагают институционализацию (в т.ч. наличие штаб-квартиры, секретариата, постоянных органов и т.п.) и создание механизмов реализации своих целей¹.

Согласно данному определению, «большая восьмёрка» и многие другие международные структуры не относятся к классу МПО, а могут быть включены в более широкую категорию многосторонних институтов. Хотя эта точка зрения является спорной, она способствует более эффективному анализу деятельности международных организаций².

Важнейшими для теории международных отношений являются следующие, связанные между собой вопросы: можно ли считать международные организации самостоятельными акторами мировой политики, как оценивать эффективность их деятельности, в том числе возможности влияния на других акторов, в первую очередь, государств. По мнению экспертов, найти ответы на эти вопросы можно с помощью режимного и институционального подходов.

Режимный подход рассматривает международные организации в качестве уже упоминавшихся нами международных режимов и представлен двумя направлениями: рационалистским и рефлексивистским. Первая группа исследователей оценивает роль и значимость международных организаций с точки зрения эффективности их деятельности, а вторая – акцентирует внима-

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. – М.: Аспект Пресс, 2007. С. 67.

² Ключихин Е.А. Место межправительственных организаций среди акторов мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Отв. ред. М.М. Лебедева. – М.: Голден-Би, 2008. С. 100.

ние на вырабатываемых ими идеях, которые способны влиять на поведение других акторов мировой политики¹.

Многие исследователи, в первую очередь, неореалисты, рассматривают международные организации в качестве производного субъекта международных отношений и дополнительного механизма для реализации государствами своих целей. Такой подход классифицируют как «функциональную теорию институтов»². Основные положения этой теории следующие:

– государства являются главными действующими лицами мировой политики;

– государства создают институты и следуют их правилам, только если последние способствуют реализации их целей.

Институты могут влиять на политику государств при преодолении проблемы коллективных действий, например, когда те сталкиваются с так называемой «дилеммой заключенного», когда рациональное (с точки зрения каждого участника, стремящегося защитить свои интересы) поведение приводит к результату, неблагоприятному для всех. Целью международного института является достижение участниками «границы Парето», то есть максимального набора результатов. По её достижению любое дальнейшее преимущество, получаемое одним государством, по определению, ведет к потерям для других³.

По мнению Р. Кохэна, институты являются инструментом для преодоления возникающих между государствами проблем коллективных действий, которые часто не способны наладить сотрудничество из-за боязни того, что другая сторона не сдержит обязательств, отсутствия возможности контролировать её деятельность и воздействовать на нарушителей договоренностей. Институты, предоставляя информацию о намерениях и правилах поведения участников, снижают издержки при урегулировании споров и обеспечивают эффективность взаимодействия. В то же время этот исследователь считает, что международные институты способны эффективно управлять комплексной взаимозависимо-

¹ Barkin J.S. International organization: theories and institutions. – Palgrave Macmillan, 2006. P. 27–41.

² Keohane R. After Hegemony. – Princeton, 1984. P. 24.

³ Snidal D. Coordination Versus Prisoners' Dilemma: Implications for International Cooperation and Regimes // American Political Science Review. 1985. № 79. P. 923–42.

стью не всех государств, а только рыночных демократий, накладывая таким образом ограничения на возможность практического применения теории интеграции¹.

Р. Кохэн и его коллега Ст. Хоффман определили шесть основных функций, которые могут выполнять современные международные организации:

– являться форумом, посредством которого государства могут влиять на международные процессы;

– служить местом согласования интересов различных государств путём переговоров, на которых может быть достигнут компромисс;

– играть косвенную роль ослабления других многосторонних структур;

– использоваться государствами для информирования других о своих намерениях, целях и для обмена информацией;

– принимать документы, служащие ориентирами для государств, которые в них вступают, для выработки собственной политики в организации;

– вырабатывать основополагающие принципы, способные в определённых условиях формировать направления дальнейшего развития государств и международных отношений в целом².

Многие авторы характеризовали проблемы ведения переговоров и распределения результатов от сотрудничества, с которыми государства сталкиваются в совместной деятельности. Например, С. Краснер полагал, что более сильное государство всегда способно добиться принятия максимально выгодного для себя решения³. Подобная аргументация позволяет поставить вопрос: при каких обстоятельствах более сильные государства заинтересованы в институционализации достигнутого уровня сотрудничества? Действия по закреплению этих результатов требуют привлечения значительных ресурсов и затрудняют возможность изменения их в будущем. Тем не менее, после второй мировой войны США приняли решение институционализировать

¹ Keohane R. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. – Boulder: Westview Press, 1989.

² Лебедева М.М. Мировая политика. – М.: Аспект Пресс, 2006. С. 71.

³ Krasner S. Global Communications and National Power: Life on the Pareto Frontier // World Politics. 1991. №43.

отношения с другими странами и закрепить на будущее выгодные им формы международного сотрудничества.

Многие годы сторонники либерализма полемизировали с реалистами, считавшими, что нет смысла специально изучать институты, если нет доказательств того, что последние оказывают независимое воздействие на ход мировых событий. Ретроспективная оценка показала, что влияние реалистов на направленность этих исследований создало ложную дихотомию: международные институты либо первичны и потому имеют значение, либо они вторичны и, значит, несущественны. Исследования институционалистов показали неверность данного подхода. Они считают, что, хотя институты и являются объектами государственного выбора, они важны, так как способны влиять на выбор правительствами стратегий для достижения необходимых результатов. Доказательством большого значения институтов является и тот факт, что они имеют собственную силу и прочность¹.

В целом, по мнению рационалистов (как реалистов, так и либералов), государства создают международные организации для обеспечения справедливых правил игры и обеспечения гарантированной выгоды. Функции международных организаций при этом сводятся к обеспечению транспарентности «политического рынка»:

- минимизации транзакционных издержек (в том числе за счёт использования административного ресурса ведущих МПО, таких как Совет Безопасности ООН, ЕС, для обсуждения и решения международных проблем);

- улучшению обмена информацией (например, за счёт создания международных научных институтов, изучающих те или иные проблемы и предлагающих государствам варианты их решения);

- конкретизации прав собственности (обеспечиваются специальными механизмами разрешения споров, принятыми в основном в экономических организациях).

Акторность МПО в этом случае может оцениваться в зависимости от эффективности выполнения поставленных перед ни-

¹ Martin L. An institutionalist view: international institutions and state strategies. In eds. by Hall J. and Paul T.V. International Order and the Future of World Politics. – Cambridge, 1999. P.85.

ми задач и степени их полезности в обеспечении выгоды государствам, которые их создают.

В то же время это не единственный вариант оценки акторности международных организаций. Так, сторонники рефлексивизма оценивают её с двух точек зрения: регулятивной и конститутивной. В первом случае, международные организации обеспечивают соблюдение уже созданных правил игры, во втором – могут создавать новые правила, выходящие за рамки принятых ранее. Таким образом, рефлексивисты оценивают акторность международных организаций как с точки зрения легитимации общепризнанных в мире норм поведения, так и разработки принципов, оказывающих влияние на поведение других акторов и определяющих круг дозволенных действий и табу в международных отношениях.

При этом важно учитывать, что в целом рационалистский и рефлексивистский подходы не противоречат друг другу и могут быть использованы для изучения различных аспектов деятельности международных организаций¹.

Другой популярный подход к изучению международных институтов представлен школой институционализма. Изучение того, что и как делают международные институты, оценка эффективности этой деятельности и особенностей моделей – главное направление исследований её последователей. Они стремятся определить, что международные институты способны делать как самостоятельные акторы, при этом признавая, что международные институты дополняют и усиливают внутригосударственные процессы. Опора на них часто имеет место, когда объединяется группа близких по уровню развития и целям государств. Так, к соглашениям о свободной торговле присоединяются как раз те страны, которые в любом случае уже имеют тенденцию к ее либерализации.

Институционалисты считают, что невозможно оценить значимость международных организаций, не осознав механизма принятия решений или элементов бюрократии в секретариате. Например, нельзя верно оценить и спрогнозировать деятельность

¹ Клочихин Е.А. Место межправительственных организаций среди акторов мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / отв. ред. М.М. Лебедева. – М.: Голден-Би, 2008. С. 103–105.

МВФ, не учитывая, что решающий голос в нём имеют США и несколько других богатых стран Запада, обеспечивающие большую часть бюджета МПО. Надо понимать, что организации, основанные на принципе консенсуса, принимают иные решения, чем те, где они утверждаются большинством голосов¹.

Разногласия по поводу стабильности международных институтов являются одними из самых принципиальных в подходах реалистов и либералов к международной политике². Суть спора заключается в том, меняется ли институциональная модель одновременно с изменением соотношения сил, или же она некоторое время сохраняет стабильность. Институционалисты предлагают модель более сложного, прерывистого пути изменения. Реалисты же предполагают прямую взаимосвязь между изменениями баланса силы и институтов. Например, один из последователей реализма предсказал, что НАТО перестанет существовать через несколько месяцев или максимум несколько лет после окончания «холодной войны»³.

Теоретики институционализма считают, что чем больше ожидаемые расходы по созданию новых институтов и чем значительнее достижения действующих институтов, тем дольше последние сохраняют стабильность. Другими факторами, препятствующими созданию новых институтов, могут быть: недостаток информации, необходимость инвестиций в создание структуры, неопределенность будущего результата.

Оценка эффективности институтов осуществляется в двух аспектах: среди членов институтов, а также между членами и не членами. Институты имеют тенденцию к поддержанию статуса-кво⁴, положительной чертой которого являются порядок и предсказуемость, а отрицательной – закрепление неравенства в распределения благ от сотрудничества. Институциональный меха-

¹ Barkin J.S. *International organization: theories and institutions*. – Palgrave Macmillan, 2006. P. 27–32.

² Powell R. *Anarchy in International Relations Theory: The Neorealist – Neoliberal Debates // International Organization*. 1994. № 48. P. 313–44.

³ Mearsheimer J. *Back to the Future: Instability After the Cold War // International Security*. 1990. № 15. P. 5–57.

⁴ Strange S. *Cave! Hic Dragones: A Critique of Regime Analysis // In eds. by Krasner S. International Regimes*. – Cornell University Press, 1983. P. 337–54.

низм Совета Безопасности ООН представляет собой яркий пример подобного неравенства. С одной стороны, он определяет современную систему поддержания безопасности в мире, с другой – предоставляет постоянным членам Совета значительные преимущества от сотрудничества, например, возможность наложения вето на любые санкции, вводимые против них или их союзников.

Вопрос о том, приносят ли институты преимущества всем своим членам, является принципиально важным. Обычно реалисты считают, что институты просто отражают сложившийся в международной системе баланс сил. Либералы же полагают, что институты дают преимущества всем участникам, сдерживая и даже во многом препятствуя проведению силовой политики¹.

Практика несправедливого распределения преимуществ от сотрудничества наиболее явно проявляется, когда мы рассматриваем взаимоотношения между членами и не членами института. Любой успешно функционирующий институт обеспечивает первым значительные преимущества, например, возможность влиять на прием новых членов, что вызывает трения между членами и не членами организации. Так, например, большинство государств Центральной Америки активно добиваются расширения НАФТА, в результате деятельности которой американский рынок стал более открытым для мексиканского экспорта, и инвестиции устремились в Мексику в ущерб вышеупомянутым странам. Таким образом, создание института принесло негативные экономические последствия группе государств, которые в противном случае могли бы составить Мексике серьезную конкуренцию в борьбе за иностранные инвестиции.

В целом, сторонники основных теорий международных отношений признают, что влиятельные государства получают больше преимуществ от создания многосторонних институтов, чем другие. При этом неолибералы и конструктивисты считают, что все участники оказываются в лучшем положении, чем если бы эти организации не существовали вовсе. Институты фиксируют баланс силы между участниками на момент их создания, но, чтобы и дальше пользоваться преимуществами от сотрудниче-

¹ Martin L. An institutionalist view: international institutions and state strategies. In eds. by Hall J. and Paul T.V International Order and the Future of World Politics. – Cambridge, 1999. P. 93.

ва, государства-лидеры должны уважать нормы и принципы их деятельности. Таким образом, институциональное сотрудничество обеспечивает определенный уровень стабильности и предсказуемости. Тем не менее, время от времени некоторые страны нарушают ранее согласованные нормы. В таких случаях институты позволяют участникам предпринять ответные шаги, уменьшая возможность более сильного прибегнуть к тактике «разделяй и властвуй».

Конструктивисты полагают, что роль институтов важна для изменения содержания идентичностей и интересов от индивидуализма в сторону коллективизма, а также объективной оценки государством международной обстановки. Членство в международных организациях обеспечивает интернационализацию новых коллективных идентичностей государств через их институционализацию, что, в свою очередь, ведёт к закреплению и выполнению ими согласованных норм и правил. Другими словами, институционализация позволяет закрепить норму коллективной идентичности, что обеспечивает долговременный характер вновь создаваемых сообществ государств¹.

Институты оказывают также сдерживающее действие на правительства, вынужденные обосновывать населению правильность принимаемых внешнеполитических решений и корректировать их с учетом общественного мнения. Конструктивисты настаивают на том, что принципы либерализма должны распространяться не только на внутреннюю политику государств, но и на межгосударственные отношения. Для повышения стабильности современного мира они предлагают сделать его более справедливым к развивающимся странам, что, в свою очередь, облегчит в будущем мирный переход к новым формам его организации².

В целом, можно заключить, что озабоченность государств неравным распределением преимуществ от сотрудничества вполне обоснована, но лучший для них подход к решению проблем связан с выработкой моделей, позволяющих обеспечить преимуще-

¹ Wendt Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. № 46 (2). 1992. P. 391–425.

² Hall J. and Paul T.V. Preconditions for Prudence: a sociological synthesis of realism and liberalism. In eds. by Hall J. and Paul T.V. *International Order and the Future of World Politics*. – Cambridge, 1999. P. 67–75.

щества более слабым в экономическом отношении участникам, а не с отказом от стратегии многостороннего сотрудничества¹.

Большинство приведенных примеров почерпнуто из опыта международных организаций Европы и Северной Америки. Что же касается АТР и Восточной Азии, то уровень институционализации сотрудничества здесь значительно ниже. Тем не менее, как структура региональных организаций, так и характер вклада акторов в процесс сотрудничества в этом регионе имеют много особенностей, которые и стали предметом данного исследования, в том числе с использованием рассмотренных выше систем взглядов, методологических средств и исследовательских вопросов современных теорий международных отношений.

1.3. Концепция «нового регионализма» как инструмент анализа моделей регионализма Восточной Азии

Окончание «холодной войны», воздействие глобализации и другие факторы способствовали тому, что за последние 15 лет возобновился интерес к исследованию регионов, который отразился в появлении направления, получившего название «нового регионализма». При этом во многом оно опиралось на работы теоретиков первой волны регионализма, зародившейся в конце 50-х и продлившейся до середины 70-х годов.

Эксперты выделяют две причины, вызвавшие появление первой волны или «старого регионализма»:

– деколонизация, приведшая в международную политику большое число новых государств. Последние принимали все возможные меры для защиты полученной независимости и противостояния гегемонизму, и финский исследователь Р. Вяринен охарактеризовал это явление как «бунт периферии против центра»²;

¹ Севастьянов С.В. Международные институты и оценка их роли в современных теориях международных отношений: Материалы международной конференции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. С. 337–338.

² Vyarinen R. Regional Conflict Formations: An Intractable Problem of International Relations Theory // Journal of Peace Research. 1984. № 21. С. 337–359.

– становление Европейского Сообщества (в настоящее время – Европейский Союз) вызвавшее огромный интерес к региональной интеграции в других регионах мира (например, в 1967 г. в рамках этой волны сформировалась Ассоциация государств Юго-Восточной Азии – АСЕАН), а также давшее богатую эмпирическую базу целому поколению исследователей.

Эти процессы вызвали повышенный интерес к региональным подсистемам и региональной интеграции, особенно как средства формирования регионального порядка. В рамках системного подхода регионы стали рассматриваться в качестве «подсистемы», имеющей собственные международные организации и субрегионы. Взаимоотношения подсистемы с системой определялись моделью «канделябра», а доминирование системы над подсистемой обеспечивалось возможностью внешней интервенции.

В соответствии с теорией неофункционализма, региональные группировки выступали в качестве мотора интеграции, и Д. Най дал им определение в мировой политике как «ограниченному числу государств, связанных географической близостью и взаимной зависимостью, тип которых варьируется в соответствии с величиной обменов, уровнем институционализации сотрудничества и политической взаимозависимости»¹. По оценке россиянина В. Барановского, выделяются три основных компонента межгосударственной интеграции (экономический, политический и «духовный»), каждый из которых можно охарактеризовать по двум параметрам: институциональному (отражает уровень интеграции субъектов деятельности) и функциональному (характеризует их деятельность как таковую, например, экономические связи или политические функции)².

В то же время исследование подсистем сталкивалось с практическими проблемами дефиниций регионов, в том числе в определении границ и состава участников. При этом результаты сотрудничества в других регионах не следовали модели европейской интеграции, что не позволило исследователям выйти за рамки общих теорий международных отношений (теории систем и неофункционализма) и выработать комплексный подход к определению регионов, включающий факторы безопасности, экономики, идентичности и интеграции.

¹ Nye J. *International Regionalism: Readings*. – Boston, 1968.

² Барановский В. Политическая интеграция в Западной Европе. – М., 1983. С. 40–43.

В 1973 г. Томпсон сформулировал получившее известность определение четырёх основных показателей региона¹:

- регулярное и интенсивное взаимодействие;
- географическая близость;
- признание акторами этой подсистемы в качестве региона;
- наличие, как минимум, двух акторов.

В предложенную трактовку не вошли как нормативные параметры, характеризующие уровень развития интеграции или региональных организаций, так и оценка взаимоотношений системы и подсистемы. Однако компромиссное и достаточно общее определение уже не спасло положение, так как произошедшие знаковые изменения международной обстановки (окончание периода политики разрядки и возвращение к системе жёсткой bipolarности, замедление интеграционного процесса в Европе) резко снизили значение регионов в международной политике. В свою очередь, это привело к принципиальному изменению оценок бывших проponentов старого регионализма. Так, К. Боалс раскритиковала регионализм как «пре-парадигматичный» подход², Э. Хаас объявил теорию интеграции устаревшей³, а Д. Най переключился с регионализма на исследование феномена взаимозависимости⁴.

Что касается теории международных отношений в целом, то во второй половине 70-х и в 80-х годах региональные подсистемы даже не упоминались в работах как ведущих сторонников неореализма (К. Уолц⁵ и Р. Гилпин⁶), так и их критиков (Р. Коэн⁷). Однако с окончанием «холодной войны» регионы вновь получи-

¹ Thompson W. The Regional Subsystem: A Conceptual Explication and Propositional Inventory // *International Studies Quarterly*. 1973. № 17. P. 89–117.

² Boals K. The Concept “Subordinate International System”: A Critique. In eds. by Falk R., Mendlovitz S. *Regional Politics and World Order*. – San Francisco: W.H. Freeman, 1973. P. 399.

³ Haas E. *The Obsolescence of Regional Integration Theory*. – Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1975.

⁴ Nye J. *Regional Institutions*. In eds. by Falk R., Mendlovitz S. *Regional Politics and World Order*. – San Francisco: W.H. Freeman, 1973.

⁵ Waltz K. *Theory of International Relations*. – NY: McGraw-Hill, 1979.

⁶ Gilpin R. *War and Change in World Politics*. – NY: Cambridge University Press, 1981.

⁷ Keohane R. *Neorealism and Its Critics*. – NY: Columbia University Press, 1986.

ли определённую автономность, что нашло отражение в очередном изменении теоретических подходов и появлении теперь уже «нового регионализма». Резко меняющиеся оценки значения регионов в мировой политике требуют прояснения вопроса о том, насколько велики их шансы сохранить в долгосрочной перспективе свою вновь возросшую роль и чем может обогатить современную теорию международных отношений региональный уровень анализа.

Основные теории международных отношений уделяют регионализму небольшое внимание, полагая, что он способен лишь на кратковременные подъёмы в переходные периоды, когда мировая система, находящаяся в беспорядке после демонтажа предшествующего мирового порядка, приходит в новое устойчивое равновесие. Это может означать, что, как старый регионализм исчез в конце 1970-х годов, то же может ожидать и его новую версию, как только доминирование глобальных сил в мире снова станет безоговорочным¹.

Таким образом, центристские силы (американская гегемония и глобализация) и сложившиеся предпочтения системной теории бросают серьёзный вызов концепции нового регионализма и ближайшее десятилетие покажет её состоятельность. Новый регионализм может устоять только в том случае, если регионы смогут обеспечить динамику собственного развития, имеющую в значительной степени независимый характер от действия глобальных системных сил².

Направление научной литературы, получившее название «нового регионализма», хотя не все авторы используют этот термин для характеристики своих работ по данной теме, появилось в середине 90-х годов, что во многом было вызвано неспособностью классической теории интеграции объяснить региональные процессы сотрудничества за пределами Европы. Другими причинами, вызвавшими его появление, были следующие:

1. Окончание «холодной войны» дало мощный толчок региональным процессам, приподняв разделявший страны Восточной Азии «бамбуковый занавес», а также вызвало децентрализацию

¹ Kelly R. Security Theory in the “New Regionalism” // *International Studies Review*. № 9(2). 2007. P. 199.

² Busan B., Waever O. *Regions and Powers*. – NY: Cambridge University Press, 2003. P. 18.

международной системы, повысив влияние таких международных организаций, как, например, НАТО и НАФТА, которые стали ведущими координаторами в своей области сотрудничества на региональном уровне.

2. Региональные процессы интеграции стали ответом на усилившиеся вызовы глобализации. Ценным объектом для исследований стали региональные организации Латинской Америки и Африки. Богатые эмпирические материалы предоставила и Восточная Азия, где появилось много новых и продолжалось развитие действующих организаций, нарастала экономическая интеграция вне рамок формальных проектов и, наконец, сформировались и вступили в борьбу конкурирующие модели региональной интеграции¹.

Считается, что первым термин «новый регионализм» ввёл в научный оборот Эндрю Харрелл², хотя широкое признание он получил после серии публикаций по этой тематике, осуществлённой группой из трёх ученых (Б. Хеттне, А. Инотай, О. Санкел) в 1999–2001 гг. в рамках проекта WIDER университета ООН³.

Сторонники нового регионализма предлагают следующие аргументы в поддержку тезиса о важности регионального уровня анализа по сравнению с традиционными подходами на уровне системы:

1. Большинство государств беспокоятся больше о возможной угрозе со стороны соседей, то есть динамика местных отношений для государств региона более интенсивна.

2. Регионы имеют больше автономии, чем принято считать. В случае интервенции великих держав их местные партнёры используют первых для достижения собственных целей, например, для борьбы со своими региональными конкурентами.

3. Успех долговременного вооружённого вмешательства становится всё более проблематичным, что США уяснили на приме-

¹ Breslin S. Theorising East Asian regionalism (s). In eds. by Curley M., Thomas N. *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 26–51.

² Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. № 4. P. 332.

³ См., например, Hettne B., Inotai A., Sunkel O. *The New Regionalism and the Future of Security and Development*. – Basingstoke: Palgrave, 2000.

ре Вьетнама и Ирака, а СССР – Афганистана. Цена вторжения в густо населённые и политически отмобилизированные страны третьего мира непомерно высока, в том числе и для самой великой державы¹.

4. С конца 80-х годов появилось большое число региональных организаций, например, АТЭС, Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), Меркосур и другие, которые играют важную роль в современном мире.

5. Сторонники регионализма считают, что использование общепринятой в современных международных отношениях абстрактной системной теории как основного инструмента для исследования регионов отражает предвзятую позицию американской социальной науки, закрепляющей таким образом мировое господство США. Принятие данного подхода, с одной стороны, позволяет обосновать тезис о том, что исследование других регионов можно отодвинуть на задний план, а с другой – вызывает глубокое несоответствие между теорией и реальностью².

Последний аргумент является хорошей предпосылкой для того, чтобы высказать несколько тезисов, позволяющих прояснить, как сторонники нового регионализма позиционируются в области философии науки о современных международных отношениях. Во-первых, они не принимают стандартные рационалистические подходы в объяснении мировой политики, находя их узкими, проевропейскими, сфокусированными на центральной системе, и слишком абстрактными. Во-вторых, они не согласны с рационалистами в том, что только великие державы и системная полярность представляют достойный предмет для исследований, так как, утрируя этот подход, можно предположить, что в условиях однополярности достаточно ограничиться изучением США, не интересуясь тем, что происходит в других регионах мира³.

В то же время сторонники нового регионализма настаивают лишь на расширении масштабов исследований за счёт подклю-

¹ Lake D., Morgan P. The New Regionalism in Security Affairs. In eds. by Lake D., Morgan P. *Regional Orders: Building Security in a New World*. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. P. 6–7.

² Busan B., Waeber O. *Regions and Powers*. – NY: Cambridge University Press, 2003. P. 69.

³ Hentz J., Boas M. *New and Critical Security and Regionalism*. – Burlington, VT: Ashgate, 2003.

ния периферийных регионов, где проживает большинство населения планеты. То есть речь идёт о децентрализации предмета исследований, а не о революции в теории международных отношений, если не считать мнение Б. Хеттне, представившего новый регионализм как «вторую великую трансформацию»¹. Подавляющее большинство сторонников этой концепции ставят перед собой более умеренные цели: не создавать новую теорию международных отношений, а усовершенствовать её, устранив абстрактный характер доминирующих рационалистических моделей. Для этого они стараются адаптировать их на региональном уровне. Так, некоторые исследователи расширяют эти модели за счёт введения новых акторов, например НПО и общественных движений, или рассматривают регионы как социальные конструкции.

Таким образом, новый регионализм представляет собой более широкое и разнообразное явление, чем регионализм «старый», во многом определявшийся протекционизмом начального этапа европейской интеграции. Напротив, новый регионализм характеризуется усилением чувства региональной идентичности, поиском ответов на изменения в мировой экономике, приверженностью идее «открытости», активным участием неправительственных акторов и, наконец, многомерностью и комплексным характером².

Большую важность для нашего исследования представляют положения о том, что интеграционные процессы являются многомерным явлением, «не поддающимся» единой и окончательной типологизации. В этой связи та или иная региональная модель интеграции, во-первых, не может механически переноситься (ни в теоретическом, ни в практическом плане) на другие регионы, отличные по своим экономическим особенностям и социокультурным традициям. Во-вторых, стихийно возникнув в какой-либо сфере взаимодействия международных акторов, интеграция может не иметь последствий в других сферах, напротив, она может обратиться вспять, «если не будет подкреплена соответствующими политическими мероприятиями, создающими благоприятные

¹ Hettne B., Inotai A., Sunkel O. Globalism and The New Regionalism: The Second Great Transformation. In eds. by Hettne B., Inotai A., Sunkel O. The New Regionalism and the Future of Security and Development. – NY: St. Martin's Press, 1999.

² Ibid. P. 7–8.

предпосылки её реализации и формирующими институциональные основы её дальнейшего продвижения»¹.

Вышеупомянутые тезисы были сформулированы П. Цыганковым на основе анализа процессов международного сотрудничества в различных регионах мира, где европейский опыт интеграции оказался востребованным далеко не во всём. Этот факт объясняется несколькими причинами.

1. Наличием большого временного лага. Регионализм в Европе начал развиваться гораздо раньше, чем в других регионах мира, поэтому сравнение их сегодняшних состояний не корректно.

2. Учитывая, что европейский опыт в сравнении с достижениями в других регионах, особенно в части формализации интеграционных процессов, абсолютно уникален, то, скорее, европейский пример является исключением из правил, а не наоборот.

3. В научной литературе модель европейской интеграции выдётся за исконный образец, по умолчанию ожидается, что остальные регионы пойдут тем же универсальным путём. Но, по выражению Р. Хигготта, если даже Восточная Азия и использует европейский опыт, это не значит, что сегодняшняя Европа – это то, чем станет Восточная Азия в будущем². Современная концепция интеграции уделяет большое внимание процессам межправительственного сотрудничества и институционального строительства, в то время как за пределами Европы её основу составляла коммерческая и инвестиционная активность неправительственных акторов, осуществлявшаяся вне рамок официальных региональных организаций.

Несмотря на то, что по тематике нового регионализма опубликовано много материалов, не просто выделить принципиальную особенность этого подхода, так как его проponenty не стремятся создать единую, универсальную теорию. Более правильно назвать её рамочной концепцией, которая не только предполагает разнообразие, а даже подчёркивает тот факт, что не существует единственно правильного ответа или верного объяснения. По

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М., 2002. С. 467.

² Higgott R. The International Political Economy of Regionalism: Europe and Asia Compared. In eds. by Coleman W., Underhill G. Regionalism and Global Economic Integration: Europe, Asia, and the Americas. – London: Routledge, 1998.

мнению П. Катзенштейна, это связано с тем, что, занимая промежуточное положение между государством и мировым уровнем, регионы в каждом случае вынуждены искать собственное решение, которое в их уникальной ситуации и является верным¹.

Большинство материалов по новому регионализму посвящены исследованию и сравнению опыта регионализма в регионах мира за пределами Европы, однако опыт последней не игнорируется, а, напротив, делаются попытки его расширить, то есть главная «новизна» этой концепции заключается в рассмотрении опыта регионализма в других регионах мира². Основным методом исследований в рамках нового регионализма является сравнительный, который позволяет выявить различия в формирующихся моделях регионального сотрудничества с учётом специфики исторического, географического, социально-экономического и политического контекстов.

Далее мы рассмотрим некоторые положения теоретического дискурса, ведущегося в рамках нового регионализма. Принципиально важным является то, какой подход выбирает исследователь для определения региона. Важной нормой является также установление различия между двумя терминами: регионализм и регионализация.

У исследователей сложились различные подходы к концепции «регионов»: от чётко очерченных географически – до преодолевающих границы и объединяемых, в первую очередь, по принципу наличия общих интересов в какой-то сфере сотрудничества. В последние годы в этой сфере происходят кардинальные изменения, выразившиеся в разделении регионов на физические (географические, безопасности) и функциональные (экономические, экологические, культурные). Первая точка зрения поддерживается сторонниками рационализма, а вторая – рефлексивизма, это явление отражает возникшее между ними различие в методологических подходах. При этом Вяринен предлагает первым вести поиск «воображаемых или когнитивных регионов», чтобы

¹ Katzenstein P. Regionalism in Asia. In eds. by Breslin S. *New Regionalisms in the Global Political Economy: Theories and Cases*. – London: Routledge, 2002. P.104.

² Breslin S. Theorising East Asian regionalism (s). In eds. by Curley M., Thomas N. *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge. P. 28–29.

«спасти исследования безопасности из их территориальной тюрьмы»¹.

По мнению рационалистов, регион предопределён заранее и не меняется с течением времени. По мнению же рефлексивистов, регионы не имеют границ, а «исчезают и снова появляются под воздействием различных экономических, политических и культурных факторов». По оценке Э. Харрелла, не существует «естественных» регионов, а их определение, как и показателей региональности, варьируется в зависимости от рассматриваемой проблемы или изучаемого вопроса². Регионы являются функцией теоретических идей и создаются для достижения политических целей, то есть для рефлексивистов основной вопрос заключается в том, как появляются и формируются регионы, а такой подход позволяет им выстраивать их по функциональному принципу.

Тем не менее, предлагаемый когнитивный поворот к определению регионов вызвал понимание только у части сторонников нового регионализма, а у других – отторжение. К первым следует отнести сторонников критической теории и конструктивизма Б. Хеттне, М. Фаррелл, Э. Харрелла, Д. Хентца, С. Пейджа, а ко вторым – позитивистов Б. Бузана, Д. Лемке, Д. Лэйка.

Позитивисты не соглашались выводить региональную безопасность из «территориальной тюрьмы», полагая, что нельзя сбрасывать со счетов территориальный фактор и важность государства, особенно после событий сентября 2001 г. По их мнению, география имеет значение, так как искомая новым регионализмом высокая плотность интерактивного взаимодействия более вероятна между соседями, а исследования проponentов этого подхода подтверждают, что де-территориальность региональной безопасности не реальна. В целом теоретические подходы сторонников нового регионализма в исследовании безопасности не претерпели существенных изменений, а предлагавшийся Вяриненом и Хеттне когнитивный поворот к де-территориальности регионов не был ими принят³.

¹ Vayrynen R. Regionalism: Old and New // *International Studies Review*. Vol. 5. № 1. 2003. P. 37–39.

² Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. № 4. P. 333–334.

³ Kelly R. Security Theory in the “New Regionalism” // *International Studies Review*. 2007. № 9(2). P. 206.

Как уже было упомянуто, другой важной дискурсивной нормой нового регионализма является установление различия и взаимоотношений между регионализмом и регионализацией. Под *регионализмом* обычно понимается целенаправленная политика государств (их отдельных регионов) и других акторов по осуществлению, преимущественно, политического процесса сотрудничества в регионе и приданию ему системного характера. Напротив, *регионализация* – это более хаотичный процесс, который является либо прямым следствием проводимой политики регионализма, либо результатом действия естественных «экономических сил», приводимых в движение частным сектором¹.

Регионализм отличается тремя особенностями: направляется сверху вниз; как правило, касается регионов, границы и членство в которых зафиксированы межправительственными соглашениями; предполагает наличие структур, основными участниками которых являются правительства или их представители. Регионализм во многом связан с процессом создания институтов, хотя при этом не существует концепции, устанавливающей определённую планку по форме или уровню институционализации, для того, чтобы считаться «правильным» (истинным) регионом. Скорее, исследовательский интерес нацелен на выявление факторов, объясняющих широкий разброс уровней институционализации сотрудничества, характерный для различных регионов мира².

В последнее время многими исследователями регионализму как концепции придаётся расширительный характер, когда в неё, помимо деятельности правительств и МПО, включаются осуществляемые при их поддержке формы экономической деятельности, культурной активности и т.д., то есть можно говорить об «экономическом», «культурном» и других видах регионализма. Таким образом, регионализм представляет собой государственную идеологию, реализуемую в рамках регионального проекта широкой группой правительственных и неправительственных акторов. Подобный вид регионализма может считаться формаль-

¹ Wyatt-Walter A. Regionalism, globalization, and world economic order. In eds. by Fawcett L., Hurrell A. *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. – Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 74–121.

² Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. № 4. P. 332.

ным, если правительства открыто декларируют свою цель создания межгосударственных институтов региональной интеграции.

В то время как регионализм определяет видение, цели и формат регионального проекта, регионализация характеризует внутререгиональные процессы, посредством которых достигаются эти цели, а общества и экономики интегрируются в экономической, социальной и других сферах. По определению, ставшему классическим, «процесс регионализации наполняет регион содержанием: экономической взаимозависимостью, институциональными связями, политическим доверием и культурной принадлежностью»¹.

Процессы регионализации распространяются преимущественно снизу вверх и могут иметь место в регионах, где отсутствуют институциональные структуры, характерные для регионализма. По оценке экспертов, существуют регионы без объявленных границ, контуры которых определяются и реконструируются транснациональными потоками и сетями, а не географическими картами и политическими границами. При этом главной движущей силой регионализации являются рынки, частная торговля и инвестиции, а также частные корпорации². Яркий пример этого явления – Восточная Азия, где регионализация получила развитие, несмотря на отсутствие до середины 1990-х годов межправительственных соглашений о торговом сотрудничестве и наличие политических конфликтов между Китаем и Японией, между Китаем и Тайванем.

Таким образом, в зависимости от того, вызвана ли регионализация в регионе действием сознательной политики правительств, или же развивается неформально вне рамок регионального проекта, она может классифицироваться как преднамеренная или непреднамеренная соответственно³. Как правило, регионализм и регионализация не являются взаимоисключающими процессами. Например, неофункционалисты полагали, что действие процессов регионализации подталкивает государства к поис-

¹ Vayrynen R. Regionalism: Old and New // *International Studies Review*. 2003, Vol. 5. № 1. P. 39.

² Gamble A., Payne A. *Regionalism and World Order*. – London: MacMillan, 1996.

³ Soderbaum F. *The Political Economy of Regionalism in Southern Africa* (Doctoral Dissertation). – Goteborg: Goteborg University, 2002. P. 5.

ку региональных решений общих проблем. В свою очередь, регионализм способствует регионализации, снижая издержки экономического сотрудничества между странами региона. Таким образом, связи между регионализмом и регионализацией достаточно тесные, а последняя может как предшествовать, так и являться следствием действия регионализма¹. В то же время исследования сторонников нового регионализма показали, что не все иницилируемые государствами региональные проекты способствовали регионализации, что при отсутствии последней деятельность межправительственных организаций сотрудничества была обречена на неудачу. В этой ситуации ключевая задача, в том числе данного исследования – выяснить причины того, почему в одних случаях регионализация ведёт к регионализму или наоборот, а в других – нет.

Для решения этой задачи используется концепция «региональности», позволяющая определить ситуацию, когда регионализация превышает элементарные формы и продвигается настолько далеко, что можно говорить о формировании некоторых черт, присущих подлинным регионам, когда властные элиты государств признают желательность повышения уровня формализации регионального сотрудничества.

Один из основоположников нового регионализма Б. Хеттне определил «региональность» как производную, отражающую уровни регионализации, достигнутые в региональном пространстве, сотрудничестве и идентичности². При сравнении региональности Западной Европы и Восточной Азии П. Катзенштейн обращается к тому же набору параметров, заявляя, что у первой форма регионализма более закрытая и централизованная, опирающаяся преимущественно на правительственные институты многостороннего сотрудничества, а у второй – более открытая и децентрализованная, базирующаяся в основном на двусторонних отношениях в политике и неформальных сетях в бизнесе³.

¹ Breslin S. Theorising East Asian regionalism (s). In eds. by Curley M., Thomas N. *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 30.

² Hettne B., Inotai A., Sunkel O. *Globalism and The New Regionalism: The Second Great Transformation*. In eds. by Hettne B., Inotai A., Sunkel O. *The New Regionalism and the Future of Security and Development*. – NY: St. Martin's Press, 1999.

³ Katzenstein P. *Regionalism in Comparative Perspective // Cooperation and Conflict*. 1996. № 31. P. 123–160.

Хеттне сформулировал основные признаки, которыми должен обладать регион, чтобы достичь уровня «региональности», позволяющего ему стать эффективным актором и значимым субъектом международных отношений. Мы рассмотрим эти признаки и проанализируем их применительно к региону Восточной Азии в следующей главе.

После рассмотрения основных подходов к изучению регионов очередной задачей представляется выяснение того, чьим интересам служит регионализм и какие силы являются его главными акторами. Важной особенностью теории нового регионализма является разделяемое её сторонниками мнение о том, что ими являются:

- 1) государства, мировые и региональные правительственные организации;
- 2) экономические структуры (ТНК, бизнес-ассоциации);
- 3) гражданские сообщества (от международных неправительственных организаций до общественных движений).

Баланс между группами акторов варьируется в зависимости от регионов, проблематики и с течением времени, но ни одну из них нельзя исключать при анализе регионального порядка. Принципиальное значение для оценки модели регионализма играет выяснение характера взаимоотношений между его компонентами, которые политически организуются государствами и обусловлены действием функциональных сетей.

Традиционно регионализм понимался преимущественно как организованная форма межгосударственного сотрудничества между соседними странами. Важнейшим вкладом государств в развитие регионализма является подписание и выполнение ими межправительственных соглашений, а также создание региональных организаций, выражающих амбиции государственных лидеров¹. Исследования этих организаций подтверждают, что именно интересы политических элит являются главным фактором развития сотрудничества, уровень и интенсивность которого варьируется в зависимости от его соответствия приоритетам внутренней политики стран-участников.

¹ Taylor P. Regionalism: The Thought and the Deed. In eds. by Groom A., Taylor P. Frameworks for International Cooperation. – London: Pinter, 1990.

Существует и другое мнение о том, что главной движущей силой регионального сотрудничества является регионализация, которую, в свою очередь, вызывают процессы экономической глобализации. По мнению Маттли, роль лидеров государств в развитии нового регионализма, скорее, вторична, когда у них не остаётся другого выбора, кроме адекватного реагирования на усилившийся спрос со стороны бизнес-элит на развитие региональной интеграции¹. По его оценке, создание НАФТА стало реакцией как на успешный проект региональной интеграции в Европе, грозящий Северной Америке утратой конкурентоспособности товарной продукции и снижением доли мирового рынка, так и на финансовый кризис в Мексике, который США не могли игнорировать без серьёзных последствий для собственной экономики.

Таким образом, в условиях регионализации роль неправительственных акторов и, в первую очередь, бизнеса значительно возрастает, однако это не значит, что они становятся автономны от деятельности правительств. Государства играют важную роль в создании условий, позволяющих неправительственным акторам реализовывать свои интересы, в том числе принимают меры, обеспечивающие свободное передвижение по миру людей, товаров и услуг (подписывают межправительственные соглашения, снижают тарифы, развивают транспортную инфраструктуру и т.д.).

По оценке А. Гэмбла и А. Пэйна, новый регионализм следует понимать как государственную стратегию, призванную одновременно соответствовать как приоритетам внутренней политики страны, так и международной структуры глобальной политической экономики и, особенно, международного мобильного финансового капитала². Тем не менее, решение о том, вкладывать или нет свои капиталы, остаётся за неправительственными экономическими акторами. Предоставление им благоприятных возможностей для ведения экономической деятельности является важнейшей предпосылкой для развития регионализации (в качестве предвестника либо результата регионализма)³.

¹ Mattli W. *The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond*. – NY: Cambridge University Press, 1999.

² Gamble A., Payne A. (eds.), *Regionalism and World Order*. – Basingstoke: Macmillan, 1996.

³ Mattli W. *The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Ещё одной составляющей научного дискурса для нового регионализма является выявление характера взаимоотношений между регионализацией и глобализацией. По этому вопросу у исследователей нет единой точки зрения, однако многие из них в середине 90-х годов были склонны определять отношения в этой диаде не как соперничество, а как симбиоз.

С одной стороны, регионализация и глобализация приводятся в движение одним и тем же процессом – продолжающимся развитием «гибких» подходов к организации производства внутри и между фирмами, способствующих де-территориальности производства. В этом отношении регионализация может быть воспринята как местное воплощение более широких глобальных процессов и иметь негативный характер. С другой стороны, внутренняя политика, имеющая отношение к развитию регионализации, складывается под воздействием глобализации, в первую очередь – желая обеспечить не независимость от глобальной капиталистической экономики, а наоборот – долговременное участие в ней¹.

Схожая ситуация сложилась и в сфере международной торговли. По мнению некоторых специалистов, региональные торговые соглашения являются «камнем преткновения» на пути установления мирового торгового режима, выстраиваемого в рамках ВТО. Большинство же полагает, что регионализация, особенно осуществляемая в рамках концепции открытого регионализма, способствует глобализации.

Регионализм в форме участия в региональных организациях свободной торговли помогает государствам сдерживать негативные аспекты и использовать положительные стороны глобализации. Элиты менее развитых государств вступают в такие организации, гарантирующие доступ к более крупным рынкам, и ради получения членства в них проводят либерализацию собственной экономики. При этом формат организаций не имеет значения. Страны готовы вступать как в закрытые организации, такие, как ЕС или НАФТА, для чего требуется выполнение предварительных условий, так и, например, в АТЭС, построенный по принципу открытого регионализма. Таким образом, регионализм высту-

¹ Bowles P. ASEAN, AFTA and the “New Regionalism” // Pacific Affairs. 1997. Vol. 70. № 2. P. 225.

пает в качестве «механизма интернационализации государств, когда национальная политика адаптируется к требованиям глобальной экономики, а основными источниками государственной легитимности становятся внешние акторы и институты»¹.

Ещё одна особенность нового регионализма вызвана именно этим изменением политических предпочтений элит развивающихся государств. Их желание получить доступ к рынкам, а также инвестиции со стороны более развитых стран привело к проявлению важнейшей практической черты нового регионализма – способности преодолевать разрыв Север – Юг². Процессы как расширения ЕС и НАФТА, так и эволюции регионализма Восточной Азии (сначала в рамках АСЕАН, а позднее – АПТ) стали региональными проектами, подтягивающими периферию к центру, что явилось оптимальным способом для элит менее развитых государств обеспечить экономический рост.

Финансовый кризис, поразивший в 1997–1998 гг. Восточную Азию, Россию и Латинскую Америку, привёл к смене акцентов в теории нового регионализма, что отразилось в работах, появившихся в конце 1990-х годов и начале XXI века. Эти события, хотя и не привели к радикальному пересмотру или отрицанию основ неолиберальной экономики, вызвали чёткое понимание возрастания роли государства в противодействии и смягчении негативных последствий глобальной экономической активности.

Были поставлены под сомнение как тезисы о том, что любое проявление глобализации идёт на пользу экономикам развивающихся государств, так и предложения международных финансовых институтов (МФИ) преодолевать подобные кризисы за счёт ещё большей либерализации экономики. В условиях неспособности ни АСЕАН, ни АТЭС предложить собственное решение возникших финансовых проблем, отличных от предложенных западо-центричными МФИ, формирование АПТ и подписание в её рамках Чиангмайской инициативы (соглашения по противодействию финансовым кризисам) стало попыткой найти региональную альтернативу мировым финансовым вызовам.

¹ Bull B. “New Regionalism” in Central America // *Third World Quarterly*. 1999. Vol. 20. № 5. P. 957–970.

² Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. № 4. P. 331–358.

На первый взгляд, идея о том, что регионы могут одновременно и способствовать и противодействовать либерализации экономики кажется противоречивой. Однако речь идет о противодействии гиперглобализации, а не либеральному проекту, как таковому. В этом контексте регионы выступают в качестве промежуточного (между национальной и глобальной экономиками) уровня управления и, по меткому выражению Х. Уоллас, представляют собой «фильтры глобализации»¹. Чиангмайская инициатива и стала примером такого регионального фильтра для ограничения негативного воздействия глобализации в Восточной Азии.

Следующей особенностью теории нового регионализма является признание наличия многоуровневой и многослойной системы региональной интеграции. Это положение верно для всех регионов мира, в том числе и для Европы, где, во-первых, ЕС не является единственным региональным проектом, а, во-вторых, не все его члены вошли в Шенгенскую зону или перешли на единую европейскую валюту и т.д.

Интеграция регионов отличается также по масштабам. На низком уровне она обычно происходит не между экономиками двух или более стран, а между их субнациональными субъектами (территориями) – непосредственно через государственную границу. Так, южные районы Китая сегодня больше интегрированы с экономикой Гонконга и иностранных государств, чем с остальными регионами своей страны. Подобная микроинтеграция может происходить как без формализации этого процесса, так и поддерживаться специально созданными МПО, например в ЮВА («треугольники роста» АСЕАН) и в СВА (ТРАДП – Программа развития района реки Туманной).

На более высоком уровне сосуществование различных форм регионов на нескольких уровнях интеграции проявляется для стран в накладывающемся друг на друга членстве в МПО. Так, например, такие страны, как Индонезия или Малайзия одновременно являются членами большого числа МПО на таких уровнях, как: субнациональные субъекты («треугольники роста»), госу-

¹ Wallace H. Europeanization and Globalization: Complementary or Contradictory Trends? In eds. by Breslin S., Hughes H., Phillips N., Rosamond B. *New Regionalisms in the Global Political Economy: Theories and Cases*. – London: Routledge, 2002. P. 149.

дарственный (АСЕАН, АТЭС, Азиатский банк развития и др.), член группы стран АСЕАН (АПТ, АСЕМ и др.).

Сторонники нового регионализма, в целом, относящиеся скептически к неофункционализму Митрани, выявили, что эффект перетекания (spillover) от одного к другому виду сотрудничества имеет места далеко не всегда. В силу различий функционального оформления регион безопасности может весьма существенно отличаться от экономического. При этом производственный регион также будет отличаться от финансового как по составу членов, так и по уровню институционализации.

Как упоминалось выше, в зависимости от того, какой подход применён к определению регионов и какая сфера сотрудничества выбрана базовой для анализа, проходит методологический раздел между сторонниками критической теории и конструктивистского подхода (Хеттне, Фаррелл, Вяринен, Харрелл, Солинджен и др.) и проponentами рационалистических парадигм (Бузан, Лемке, Лэйк и др.). И первые, и вторые не разрабатывают новых теорий международных отношений, а лишь адаптируют уже известные к уровню регионов, рассматривая последние как подсистемы. При этом их методологические предпочтения отражают и консервируют раздел, проявившийся ещё во времена старого регионализма между абстрактной региональной теорией Томпсона и неофункционалистской теорией интеграции Хааса. Так, в своих работах Хеттне опирается на неофункционализм Хааса, Лэйк и Бузан – на неореализм Уолца, а Лемке – на теорию перераспределения силы Органского¹.

За последние двадцать лет значительное число работ было посвящено исследованию безопасности различных регионов, например: Ближнего Востока (М. Айоб)², Африки (Е. Келлер)³, Азии (А. Ачара, М. Алагалпа, Б. Джоб). Однако их авторы не пытались дать классификацию всех регионов безопасности в мире и определить их границы, а также выработать общую теоретическую концепцию исследования регионов.

¹ Kelly R. Security Theory in the “New Regionalism”// International Studies Review. 2007. № 9(2), P. 206.

² Ayobb M. Regional Security in the Third World. – Boulder: Westview Press, 1986.

³ Keller E., Rothchild D. Africa in the New International Order: Re-thinking State Sovereignty and Regional Security. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1996.

Эту сложную задачу поставили перед собой Б. Бузан и О. Уэвер, которые в 2004 г. опубликовали результаты исследований в книге «Регионы и державы»¹. Главное внимание в ней было посвящено развитию теории «комплексов региональной безопасности», а также обоснованию выделения девяти таких комплексов. По мнению этих исследователей, в условиях однополярного мира превосходство системной динамики над региональной уменьшилось, и в результате регионы являются главным уровнем (по сравнению с тремя другими: государства, межрегиональный, глобальный) для анализа международных отношений. Кроме того, в работе удалось показать, что региональная безопасность как таковая находится в постоянной динамике: начиная от слабо структурированных прото-комплексов в Африке до суперкомплексов с участием великих держав в Азии².

Комплексы региональной безопасности Бузана, в целом, отражают основные позиции неореализма с добавлением истории и географии как важнейших для английской школы компонентов дилеммы безопасности для соседних государств. Регионы в трактовке Бузана предстают как территориально связанные системы, в которых географическая близость и исторический опыт общения усиливают взаимозависимость соседних государств и определяют модели взаимоотношений (дружественность или враждебность)³.

В целом, в теории комплексов региональной безопасности Бузана доминирующим объектом анализа оказались государства, а их взаимоотношения между собой и международной системой составили основное содержание региональной безопасности⁴. Важнейшей в этой теории является связь между территориальностью и безопасностью, поскольку угрозы последней гораздо более весомы на коротком расстоянии, поэтому логично определять

¹ Busan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. – NY: Cambridge University Press, 2003.

² Бузан и Уэвер определили следующие комплексы региональной безопасности: Северная Америка, Южная Америка, Европа, пост-Советское пространство, Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Южная Африка, Центральная Африка.

³ Kelly R. *Security Theory in the “New Regionalism”* // *International Studies Review*. 2007. № 9(2). P.207.

⁴ Hoogensen G. *Bottoms Up! A Toast to Regional Security?* // *International Studies Review*. 2005. № 7(2). P. 270–271.

регионы, включая в них государства с совпадающими или сходными угрозами и проблемами безопасности.

Несмотря на декларированную авторами цель показать динамику региональных отношений между всеми акторами, в этом исследовании им это не удалось. В более ранней работе Бузан предложил вместо теории комплексов региональной безопасности использовать более широкую концепцию «созвездия безопасности»¹, объединяющую в одно целое исследования всего комплекса взаимосвязей традиционной территориальной и нетрадиционной пространственной безопасности, однако практического развития, возможно, ввиду исключительности масштаба этой задачи, она пока не получила.

Наконец, регионы, по оценке Бузана, отличаются открытостью, вторжение в них со стороны внешних акторов (гегемона или великих держав) вполне возможно, однако он не включает в состав комплексов региональной безопасности такие державы, которые географически находятся за пределами данных регионов. В этом с ним принципиально расходятся Лэйк и Морган, которые выстраивают регионы в духе «теории систем» на основе ключевого признака – разделяемой акторами угрозы безопасности. По их мнению, главным связующим звеном между государствами являются потоки враждебности и дружелюбности, и география не имеет особого значения².

Для Лэйка комплекс региональной безопасности формирует группа государств, подвергающихся воздействию, по крайней мере, одной трансграничной угрозы, исходящей из определённого географического района. Таким образом, опираясь на функциональный подход нового регионализма, этот автор уходит от преследующих других исследователей проблем, связанных с необходимостью определения характеристик и границ регионов, а также стран-участников (в него включаются все, кого касается и может достичь данная угроза).

Лэйк заменяет интерес к географическим, историческим и культурным связям соседних государств исследованием объединяющих их угроз безопасности, а также моделей взаимодействия стран по их поводу. При этом «региональной» угрозой объявляется всё, что

¹ Busan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder: Lynne Rienner, 1998.

² Lake D., Morgan P. Regional Orders: Building Security in a New World. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.

меньше глобальной, и границы комплекса региональной безопасности определяются ограничениями в проецировании военной мощи входящими в него государствами. В ситуации, когда Лэйк сводит вопросы идентификации регионов к наличию или отсутствию угроз безопасности, США становятся участником комплексов региональной безопасности не только на Ближнем Востоке и Корейском полуострове, которые не близки и не граничат с этой страной, но практически всех подобных комплексов безопасности на планете, которая отягощена наличием тысяч аналогичных комплексов¹.

В отличие от Бузана и Лэйка, оперировавших понятием комплексов региональной безопасности, Д. Лемке, опираясь на теорию перераспределения силы Органского², разработал собственный подход, получивший название «локальных иерархий». В его рамках Лемке выделяет 23 самостоятельных миниерархии, которые находятся под контролем глобальной иерархии (современная американская гегемония). Таким образом, этот автор представляет «многостороннюю иерархическую модель» в качестве пирамиды власти, на вершине которой находится глобальный гегемон. В то же время, принимая важность регионального уровня анализа, он полагает, что предложенная модель актуальна лишь в тех случаях, когда гегемон редко вмешивается в дела регионов, что, по мнению автора, характерно для однополярного мира³.

В целом, концепция регионов Лемке представляет собой гибрид моделей Бузана и Лэйка. С одной стороны, локальные иерархии компонуют регионы из территориально близких государств, имеющих многолетнюю историю интенсивного взаимодействия. С другой стороны, Лемке выбирает рационалистическое определение региона, формируемое восприятием угроз безопасности и физическими возможностями государств по проецированию военной мощи.

В результате он делит планету не на девять комплексов почти континентального масштаба, как Бузан, а на 23 самостоятельных миниерархии, восемь из которых представлены диадами государств, например КНДР – РК. Как и у Лэйка, регионы формируются исходя из возможности военного конфликта, однако, в отличие от

¹ Kelly R. Security Theory in the “New Regionalism” // *International Studies Review*. 2007. № 9(2). P. 209–210.

² Organski A. *World Politics*. – 2nd edition. NY: Knopf, 1968.

³ Lemke D. *Regions at War and Peace*. – NY: Cambridge University Press, 2002.

него, Лемке полагает, что военные угрозы касаются в основном соседних государств. По его мнению, снижение больше чем на 50% эффективности проецирования военной силы на дальности, определяемой расстоянием между столицами двух стран, выводит данное государство за пределы локальной иерархии.

Оценив рационалистические подходы к определению регионов, уместно рассмотреть, какие концепции применяют в этих целях сторонники рефлексивизма (критицизма и конструктивизма). Сторонники критического подхода (Хеттне, Хентц, Фаррелл, Фальк), в отличие от позитивистов, целенаправленно позиционируют себя как «новых регионалистов» и, не удовлетворяясь объяснением мировых процессов, стремятся на основе адаптации неофункционализма выработать теории регионального порядка и интеграции, способные помочь развивающимся странам ответить на вызовы гегемонизма и глобализации.

При этом сторонники критической теории исследуют регионализм в области безопасности в интересах разработки теорий регионализации и регионостроительства. По их оценке, регионализм позволяет смягчить действие усилившихся с распадом bipolarности проблем локального хаоса, а также противостоять американскому гегемонизму. Регионализм, преследующий эти цели, Фаррелл определяет как «оборонительный»¹, а конструктивист Ачара – как «автономный»².

Динамичный подход к формированию регионов характерен и для конструктивистов (Ачара, Адлер, Харрелл, Солинджен и др.), формирующих их с помощью таких понятий, как доверие, общие ценности и идентичность. Для существования когнитивных регионов не требуется, чтобы их участники занимали общее пространство, так как они могут формироваться через непространственные взаимодействия. Важный тип таких регионов – сообщество безопасности, члены которого ожидают, что изменения будут проходить мирно, а проблемы – разрешаться без применения силы³.

¹ Farrell M. The Global Politics of Regionalism: An Introduction. In eds. by Farrell M., Hettne B., Langenhove L. *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. – London: Pluto Press, 2005.

² Acharya A. Regional Military-Security Cooperation in the Third World // *Journal of Peace Research*. 1992. № 29. P. 7–21.

³ Adler E. Imagined (Security) Communities: Cognitive Regions in International Relations // *Millennium*. 1997. № 26. P. 249–277.

Конструктивисты противопоставляют преимущественно материальному подходу к определению регионов другое видение, когда регионы возникают под воздействием изменения норм и идентичностей у правительств, гражданского сообщества и бизнеса.

Формальную институционализацию регионального сотрудничества конструктивисты, как и рационалисты, считают важнейшим достижением, так как «все регионы конструируются социально, и поэтому политически могут быть оспорены»¹. В этом контексте представляет интерес подход Этель Солинджен, поддерживающей концепцию постоянно меняющихся регионов, что, по её мнению, вызвано изменениями во взглядах и подходах к этому вопросу со стороны ведущих внутренних коалиций (групп влияния), складывающихся в странах региона².

Предлагаемый подход подчёркивает ключевое влияние внутренних структур и политик на внешнеполитический курс государства. Солинджен выделяет два типа таких внутренних коалиций: либерально-интернационалистическую и консервативно-националистическую. При этом первые предпочитают экономическое и политическое сотрудничество, а вторые – экономический протекционизм и политическое противостояние. Эти предпочтения и формируют региональные порядки, например: либеральный (Западная Европа), националистический (Ближний Восток) или смешанный (Латинская Америка). В то же время взаимоотношения между внутригосударственными коалициями и регионами являются улицей с двусторонним движением, и внешние условия (региональный и глобальный контекст), например, возможные плюсы от участия в мировом рынке, также влияют на точку зрения этих коалиций. Таким образом, в отличие от нового регионализма в духе Хеттне, Солинджен считает, что определяющим в формировании регионов выступает взаимодействие не по линии «регион – мировая система», а по линии «регион – государство», отводя основную роль внутренним факторам³.

¹ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. № 4. P. 331–358.

² Solingen E. *Regional Orders at Century's Dawn: Global and Domestic Influences on Grand Strategy*. – Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 4.

³ Vayrynen R. Regionalism: Old and New // *International Studies Review*. 2003. Vol. 5. № 1. P. 37.

По мнению Э. Харрелла, достижение участниками региональной идентичности или общего взгляда на ключевые вопросы является важнейшим фактором для успеха регионального проекта в целом и характеризуют то, что называется «региональная целостность» (сплочённость). Её наличие позволяет региону:

- играть определяющую роль во взаимоотношениях между входящими в него государствами и остальным миром;

- стать базой для координации политики внутри самого региона¹.

Идентичность регионов существует в сознании людей, а её источники ищут в культурной близости, формирующейся общей историей, религией, языком и т.д. В обществе должны присутствовать исторические и современные символы, которые разделяет население стран региона, а придание процессам сближения непрерывного характера обеспечивается через их повторение и стандартизацию в рамках региональных организаций². Но региональная идентичность может складываться и по принципу совместной оппозиции «другому» или «чужому», например, общей угрозе безопасности или навязываемым ценностям или нормам. В этом ключе в Восточной Азии имеет место в целом негативное отношение к доминирующим в мире западным ценностям и, напротив, подчёркивается позитивное значение восточных ценностей.

Несмотря на важность, которую общая идентичность и институализация сотрудничества играют в формировании региона, их недостаточно, чтобы создать сообщество безопасности. Этому процессу должно предшествовать выполнение таких предварительных условий, как позитивные экономические изменения и существенное снижение уровня внешних угроз, а также кропотливая работа между правительствами, в рамках международных организаций и социальное обучение. Другими словами, нельзя ожидать появления сообществ безопасности только под воздействием когнитивных и институциональных факторов, а необходимо оцени-

¹ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. Vol. 21. № 4. P. 331–358.

² Paasi A. The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and Constitution of Regional Identity. – Fennia 164, 1986. P. 105–145.

вать также уровни экономического развития и внешних угроз. При этом у конструктивистов нет полной ясности о первичности во взаимоотношениях между идентичностью и региональностью¹. Вопрос в том, является ли разделяемая членами идентичность необходимой предпосылкой для формирования региона (идентичность создаёт регион), или она консолидирует регион после того, как он уже был создан (регион формирует идентичность).

Характеризуя работы проponentов нового регионализма в целом, следует признать, что они подвергаются серьёзной критике как со стороны регионоведов за абстрактность и евроцентричность применяемых ими традиционных теорий международных отношений, так и со стороны сторонников концепции «доминирующего» регионализма, утверждающих господство системы над подсистемами в современном мире.

Механический перенос новыми регионалистами традиционных теорий на региональный уровень ведёт к тому, что результаты многих исследований становятся predetermined заранее и без системного учёта местных факторов оказываются далеки от истины. По мнению регионоведов, проponentам нового регионализма надо создавать новые концепции, двигаясь в исследованиях по направлению снизу-вверх и отталкиваясь от реалий каждого региона, только при таком подходе они смогут существенно обогатить теорию международных отношений. Так, по мнению регионоведа Д. Шамбо, системная теория слишком абстрактна, чтобы адекватно отображать региональную динамику, и он отказался принять видение Китая, представленное одним из классиков неореализма Мершеймером².

Как правило, работающие в традиции позитивизма учёные-экономисты для характеристики регионов обращаются к институционально оформленным организациям (ЕС, НАФТА и др.) и сравнивают достигнутые ими за определённые временные отрезки показатели в области внутри- и внерегиональной торговли. Эти исследования позволяют вести дебаты между сторонниками трансре-

¹ Breslin S. Theorising East Asian regionalism (s). In eds. by Curley M., Thomas N. *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 37.

² Hentz J., Boas M. *New and Critical Security and Regionalism*. – Burlington, VT: Ashgate, 2003.

гиональных и внутрирегиональных отношений, однако, опираясь только на этот количественный параметр, невозможно определить комплексную динамику регионализма. Так, например, Д. Франкель исследовал уровни внутрирегиональной торговли за 1994 г. и выявил, что по величине этого показателя лидировал Меркосур, за которым расположились АСЕАН, НАФТА и ЕС соответственно¹. При этом комплексное исследование глубины интеграции за этот год, проведенное в тех же регионах по девяти различным показателям, показало, что лидером был ЕС, за которым следовал Меркосур.

Не избежали критики коллег и сторонники критической теории Хентц и Хеттне, которые предположили, что слабые государства более склонны к региональной интеграции именно в силу этого качества². Однако регионоведы М. Айоб и Б. Джоб, исследовавшие модели поведения слабых государств, пришли к иному выводу о том, что для последних традиционная дилемма безопасности направлена не вовне, а вовнутрь, то есть на отражение не внешней (как в традиционной теории), а внутренней угрозы³.

Исходя из этого Айоб и Джоб сформулировали три тезиса:

1. Главную угрозу для слабых государств представляют не соседние страны, а внутренние враги: сепаратисты, террористы, партизаны.

2. Региональные организации рассматриваются ими как средство укрепления государства, а не интеграции и развития свободной торговли в духе неофункционализма.

3. Регионализм в третьем мире усиливает индивидуальные суверенитеты одержимых этой идеей государств, так как региональные МПО объединяют скудные ресурсы слабых стран для совместной защиты от внутренних врагов⁴.

¹ Frankel J. *Regional Trading Blocs in the World Economic System*. – Washington D.C.: Institute of International Economics, 1997.

² Hentz J., Boas M. *New and Critical Security and Regionalism Beyond the Nation State*. – Aldershot: Ashgate, 2003. P. 14.

³ Ayoob M. *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System*. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995.

⁴ Job B. *The Insecurity Dilemma: National Security of Third World States*. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1992.

Наконец, по оценке регионоведов, в отличие от Западной Европы, в большинстве регионов мира для обеспечения эффективной безопасности государств одного регионализма в духе сторонников неофункционализма и критической теории недостаточно, а ведущим форматом комплексов региональной безопасности являются не международные организации, а баланс силы или концерт великих держав¹.

Кроме регионоведов, вызов новым регионалистами – с позиций близкого к неореализму системного конструктивизма – бросил Питер Катзенштейн. Ключевой вопрос заключается в том, насколько автономны современные регионы (подсистемы) от мирового гегемонизма (системы), и часть пессимистически настроенных сторонников рефлексивизма, например, Ачара, Фосетт, признают, что автономный регионализм сдаёт позиции под натиском доминирующего регионализма, особенно в условиях инициируемой США мировой войной с терроризмом².

В отличие от неореалистов, Катзенштейн признаёт существование регионов, но, в отличие от новых регионалистов, отказывает регионам в автономии и не находит в них самостоятельного уровня для анализа, рассматривая их как инструменты, с помощью которых гегемон проводит глобальную политику³. Соглашаясь с тем, что регионы открыты и населены преимущественно слабыми государствами, он разворачивает этот тезис против самих новых регионалистов, заявляя, что регионы являются пористой, открытой для проникновения субстанцией, а слабость государств только усиливает соблазн интервенции со стороны гегемона, сила которого превосходит возможности региональных организаций. В этом контексте для целей нашего исследования важно сформулировать тезис по методу

¹ Alagappa M. Regionalism and Conflict Management: A Framework for Analysis // *Review of International Studies*. 1995. № 21. P. 359–387.

² Fawcett L. Regionalism from an Historical Perspective. In eds. by Farrell M., Hettne B., Langenhove L. *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. – London: Pluto Press, 2005.

³ Katzenstein P. *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. – Ithaca: Cornell University Press. 2005.

от противного: наличие в регионе сильных государств снижает шансы интервенции со стороны гегемона.

Катзенстейн принимает и некоторые другие тезисы новых регионалистов, например, то, что тенденция развития регионализма во многих регионах имеет место и что цена вторжения в политически отобилизованные страны третьего мира значительно выросла. Именно поэтому для прикрытия и канализации своей мощи США в критически важных регионах требуются страны-союзники, и Вашингтон использует Японию и Германию в качестве таких узловых государств в рамках небезызвестной модели «втулка-спица» (hub-and-spoke)¹.

Катзенстейн определяет в мире шесть регионов безопасности (Европа, Восточная Азия, Южная Азия, Латинская Америка, Африка и Ближний Восток), и эта классификация во многом совпадает с делением мира и границами оперативной ответственности шести объединённых командований Вооружённых Сил США. Таким образом, он выдвигает тезис о том, что внутренняя динамика развития регионов не существенна, а их границы определены обладающим абсолютной властью Вашингтоном. Используя для анализа модернизированную теорию систем, учитывающую наработки нового регионализма, Катзенстейн бросил последнему серьёзный вызов, постулируя, что регионы создаются в соответствии с политическими предпочтениями гегемона, а не в результате деятельности государств, локальных МПО или воображаемых на основе общей идентичности сообществ².

Взяв за основу идеи Б. Бузана и обобщив теоретические наработки других новых регионалистов и их критиков по поводу возможности выделения регионов как самостоятельного уровня анализа (между государством и мировой системой), Р. Келли зафиксировал общие черты и различия их подходов к оценке трёх теоретических понятий, которые позволяют отличать региональ-

¹ Katzenstein P. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. – Ithaca: Cornell University Press. 2005 P. 4–42.

² Kelly R. Security Theory in the “New Regionalism”// International Studies Review. 2007. № 9 (2). P. 222.

ные структуры от мирового уровня и наметить дальнейшие направления исследований в этой области:

1. **Открытость.** Регионы структурно открыты для интервенции со стороны гегемона и великих держав. Вопрос для дальнейших исследований заключается в том, как часто будет эксплуатироваться эта открытость: Бузан и Лемке полагают, что возможности доминирования со стороны гегемона уменьшаются, а Катзенштейн и другие считают, что, напротив, агрессия с его стороны является и останется широко распространённой практикой.

2. **Территориальная близость.** География формирует дилемму безопасности с учётом того, что возможности большинства стран по проецированию военной мощи ограничены. Исследователи расходятся в подходах к определению регионов (количество предлагаемых комплексов региональной безопасности также варьируется от девяти до бесконечности), что ставит в планы последующих исследований вопросы их более надёжной операционализации; в противном случае, они будут отданы на откуп сторонникам доминирующего регионализма.

3. **Слабые государства.** Исследования специалистов по странам третьего мира показали, что критическая масса слабых государств разворачивает региональную дилемму безопасности вовнутрь, когда местные элиты опасаются внутренних конфликтов больше внешней агрессии. Региональные организации рассматриваются ими как средство укрепления суверенитета, а не развития интеграции. Дальнейших исследований требует модель поведения слабых государств, когда они входят в состав более сильных и структурно развитых региональных комплексов безопасности вместе с великими державами, например в Восточной Азии¹.

Принимая во внимание, что возобновившийся интерес к регионализму как явлению был во многом генерирован продвижением по миру глобализации, значительное число работ по новому регионализму было предпринято в области экономики и нетрадиционной безопасности. Тем не менее, достаточно много исследований было посвящено и проблемам региональной безопасности.

¹ Kelly R. Security Theory in the “New Regionalism”// International Studies Review. 2007. № 9 (2). P. 198–224.

Как нам представляется, следует стремиться к тому, чтобы исследования в рамках нового регионализма имели комплексный характер, так как переко́с в сторону экономики за счёт недооценки проблем безопасности может привести к одномерной и необъективной оценке моделей развития регионов. Например, высокий уровень экономического взаимодействия Китая с Японией и Тайванем может рассматриваться как признак отличных перспектив интеграции, в то время как оценка политических отношений между ними фиксирует тенденции не в пользу регионализма. В этой ситуации только сбалансированная оценка регионализма Восточной Азии как в социально-экономической сфере, так и в области безопасности может обеспечить построение его комплексных моделей, что и является важной задачей данного исследования.

Глава 2. ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕГИОН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ, ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И АКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗМА

Охарактеризовав основные направления концепции нового регионализма, представляется уместным сформулировать подходы к определению границ и характерных особенностей региона, охарактеризовать основные компоненты регионализма Восточной Азии, выявить основных участников сотрудничества и построить теоретическую концепцию, позволяющую прогнозировать динамику регионализма и характер её влияния на модели регионального порядка.

2.1. Геополитические подходы к формированию региона и становление регионализма Восточной Азии

В мире немного так называемых «естественных регионов», чётко определяемых географическими параметрами и государственными границами государств, например, к ним можно отнести Западную Европу или Центральную Америку. Большинство же регионов, имеющих существенное значение, динамично изменяются и формируются в ходе взаимодействия комплекса физиче-

ских, психологических и поведенческих характеристик¹. Они видоизменяются под воздействием возникающих в регионе политических и экономических проблем, особенно меняющихся приоритетов ведущих политических акторов данной группы стран.

Этот аргумент в полной мере относится к подходам к определению как Восточной Азии, так и Азиатско-Тихоокеанского региона, границы которых во многом совпадают друг с другом. В целом, главной особенностью, определяющей направления развития региона, была и остаётся рыночная регионализация, а сотрудничество в формате межправительственных организаций было не столь существенно. Тем не менее, время формирования и меняющиеся модели региональных МПО, по нашему мнению, чётко отражают мировые тенденции развития международных отношений и глобализации.

Так, создание АСЕАН (1967 г.) вполне укладывается в рамки «старого регионализма», в то время как феномен формирования АТЭС (1989 г.) отвечает условиям первой волны теории глобализации, а формат МПО соответственно отражает концепцию первой волны «нового регионализма», представляющую его открытую форму. Формирование же АПТ (1997 г.) логично укладывается в формат второй «скептической» волны теории глобализации и соответственно в рамки второй волны нового регионализма, получившего в Восточной Азии различные определения, например, оборонительный, автономный и др. Наконец, даже не вполне оформившаяся и смыкающаяся с предшественницей третья «трансформаторская» волна теории глобализации также нашла свое выражение в регионе в создании Саммита Восточной Азии (2005 г.). Более подробное обоснование эти теоретические гипотезы получают в третьей и четвёртой главах монографии.

Как и другие вышеупомянутые модели интеграции, идея Тихоокеанской эпохи (или в более позднее время – Азиатско-Тихоокеанского региона) является примером сознательного создания региональной идентичности для достижения конкретных экономических и политических целей. Интерес к практической реализации этой идеи прибывал и убывал, отражая меняющийся уро-

¹ Mansfield E., Milner H. The Political Economy of Regionalism. – NY: Columbia University Press, 1997.

вень энтузиазма США в отношении сотрудничества с Азией¹. Последней по времени попыткой реализации этой идеи и стало создание в 1989 г. при активной поддержке своих союзников (Японии и Австралии) АТЭС, призванной обеспечить процветание всего региона через развитие преимущественно торговой либерализации.

В этом случае под АТР понимаются страны Восточной Азии, а также США, Канада, Австралия и другие. Термин АТР вполне применим для изучения транс-тихоокеанских экономических связей, но не подходит для исследования проблематики безопасности. Например, в рамках Регионального Форума АСЕАН рассматриваются проблемы безопасности СВА и ЮВА, но не Северной и Южной Америки, или Южной части Тихого океана. Это объясняется тем, что взаимозависимость в области безопасности гораздо выше между азиатскими государствами, чем между неазиатскими странами.

Несмотря на очевидный факт, что наиболее сильной в военном отношении державой в регионе являются США, главным узлом и эпицентром проблем безопасности является Китай, для которого базовым понятием является не АТР, а азиатский регион. На основе взаимозависимости в области безопасности, Азия, по мнению Пекина, состоит из таких подрегионов, как СВА и ЮВА (Восточная Азия), а также Южной и Центральной Азии². Это ключевое несовпадение в восприятии базового макрорегиона имеет важные политические последствия, которые заключаются в том, что в формулировании региональной стратегии Пекин смотрит шире Восточной Азии и учитывает также такие геополитические и геоэкономические факторы, как влияние и интересы Индии, России, терроризм, поставки газа и нефти из Центральной Азии, что выразилось, например, в значительной роли КНР в становлении и развитии ШОС³.

¹ Korhonen P. The Pacific Age in World History // Journal of World History. 1996. № 7 (1). P. 41–70.

² Alagappa M. Introduction. In eds. by M. Alagappa Asian Security Practice: Material and Ideational Influences. – Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 3–4.

³ Wang Jisi China's Changing Role in Asia. In eds. by Kokubun Ryosei, Wang Jisi The Rise of China and a Changing East Asian Order. – Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. P. 7.

В этом контексте представляется верной идея А. Воскресенского, который, конструируя регион на универсальной геополитической и геоэкономической основе, полагает, что такие встречные потоки мировых тенденций, как укрепление влияния Китая на его западных границах, включение Китая и Японии в интеграционные процессы со странами АСЕАН, усиление экономических и военно-политических позиций Индии, активизация США в Центральной Азии «стягивают» воедино четыре «старых» региона – Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию, что способствует формированию на обширном пространстве Восточной Евразии нового геополитического регионального комплекса – Большой Восточной Азии¹.

Различия в подходах к изучению регионов связаны также с тем, какой их них (физический или функциональный) выбран в качестве объекта, и напоминают разницу, выявленную М. Кастельсом между «пространством мест» и «пространством потоков». Он определил первое как место, у которого форма, функция и значение ограничены рамками физического соприкосновения. Сформировавшиеся в доиндустриальную и индустриальную эпохи пространства мест исторически определены, но в современном постиндустриальном обществе они могут менять форму под воздействием накладывающихся на них людских, информационных, товарных, финансовых и других трансграничных пространств потоков. Последние по-новому структурируют жизненное пространство социума, материализуясь через организацию социальных практик, работающих через сети, которые имеют собственные центры влияния и менеджерскую элиту, организующие пространство вне зависимости от физической близости объектов².

Очевидно, что для управления пространствами мест и потоков необходимы различные идеи и инструменты. В международных отношениях физические определения регионов обычно применяют государства, которые для контроля границ и территорий создают региональные комплексы безопасности, в том числе в

¹ Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2007. С. 35.

² Castells M. The Rise of the Network Society. Vol. I. The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 1996. P. 412–423; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВЭШ, 2000. С. 354–356.

форме закрытых блоков и союзов. Ключевыми компонентами дискурса по политическому регионализму являются такие понятия, как стабильность самого региона и его вклад в глобальный мировой порядок, безопасность государств-членов и их взаимоотношения между собой и глобальной системой и др.

Напротив, образование функциональных регионов является результатом взаимодействия транс- и субнациональных экономических, экологических и культурных процессов, контролируемых государством только частично. Главными игроками формирующихся под воздействием нетерриториальных факторов функциональных регионов являются неправительственные акторы. При этом экономические регионы создаются транснациональными капиталистическими процессами, экологические – в ходе взаимодействия человеческой деятельности и биосферы, а культурные – гражданскими сообществами на основе общей идентичности и т.д.¹

В условиях глобализации физические и функциональные определения регионов могут рассматриваться как последовательность, при которой территория постепенно уступает место пространству в ходе перехода от физического к функциональному регионализму за счёт роста интерактивных возможностей системы. В международной системе с низкими возможностями физическая близость имеет значение; государства тесно связаны с соседями экономическими и политическими проблемами, и международные отношения доминированы подсистемой. Увеличение интерактивных возможностей международной системы позволяет государствам расширить географические рамки новых контактов, поднимающих эти отношения до уровня, доминируемых системой².

Для целей же нашего исследования принципиально важным представляется тот факт, что при наложении друг на друга двух макрорегионов (экономического – АТР и безопасности – Азии) Восточная Азия является единственным регионом, который входит в оба из них, и, таким образом, является эпицентром общерегиональных политических и экономических процессов. Вышеприведённые теоретические построения получили практическое подтверждение во второй половине 90-х годов, когда обозначил-

¹ Vayrynen R. Regionalism: Old and New // *International Studies Review*. 2003. Vol. 5. № 1. P. 27.

² Agnew J., Corridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory, and International Political Economy*. – London: Routledge, 1995.

ся процесс деконструкции более широкого региона АТР и формирования Восточной Азии с более узким кругом участников. Тем не менее, подходы к формированию этого нового региона, в свою очередь, активно оспариваются как политиками, так и экспертами.

Азиатский финансовый кризис 1997 г. продемонстрировал неспособность как АТЭС, так и АСЕАН обеспечить эффективное управление регионом. Последнее во многом было связано с недостатком политической воли участников и институциональными рамками этих организаций, тем не менее, их географический охват тоже сыграл свою роль. Другими словами, первая была слишком велика, а вторая, наоборот, мала.

По мнению эксперта по вопросам институционального устройства международных организаций В. Аггарвала, чтобы выяснить, заинтересовано ли государство в создании нового международного института, надо проанализировать, как оно оценивает деятельность действующей организации¹. Вот почему признание неэффективности обеих МПО стало одной из причин возрождения интереса к регионализму именно Восточной Азии и вызвало образование АПТ, размер и состав которой, по замыслу создателей, является оптимальным. Прошедший в 2005 г. первый саммит Восточной Азии подтвердил намерение его участников и дальше двигаться по пути интеграции в сторону создания «Восточноазиатского сообщества» (ВАС), хотя принципиальные вопросы задач и организационных принципов его строительства остались открытыми.

Повышение роли Восточной Азии в мировой политике и выделение её в самостоятельный международно-политический регион во многом обусловлено наиболее динамичным экономическим развитием и значительным повышением доли стран этого региона в мировом ВВП, которая с 4% в 1960 г. выросла к 2007 г. до примерно четверти (суммарный восточноазиатский ВВП достиг 80% от ВВП США или ЕС). В качестве локомотива этого процесса выступают страны Восточной Азии и примыкающих к ней регионов, в которых проживает почти половина населения

¹ Aggarwal V. Reconciling Multiple Institutions: Bargaining, Linkages, and Nesting. In eds. by Aggarwal V. Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages and Nesting. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. P. 18–21.

мира (около 3 млрд чел.). Так, годовая цифра роста ВВП Китая составляет в последние несколько лет 9–11%, Индии – 6–8%, стран АСЕАН – 4–5%, Японии – 2–2,5%.

При этом на три страны СВА (Японию, Китай и РК) приходится более 90% региональной экономики. Уступая Пекину в темпах роста ВВП и внешней торговли, Токио остаётся региональным лидером по основным экономическим показателям и влиянию на мировую экономику. Так, ВВП Японии (около 5 млрд долл.) в два с лишним раза превышает ВВП КНР и составляет около 45% ВВП США¹. При этом процесс обретения регионом Восточной Азии роли генератора развития мировой экономики происходит на фоне усиления там национального сознания. Большую популярность в странах региона получила идея «исторического реванша», то есть постепенном возврате к ситуации конца XVIII в., когда Индия и Китай производили около половины мирового ВВП².

При этом последние тенденции в процессе региональной экономической интеграции и сотрудничества в области безопасности свидетельствуют о постепенном расширении геоэкономического и геополитического смысла термина «Восточноазиатский регион». Кореллирующий с географическими рамками Восточной Азии «АСЕАН Плюс Три» становится костяком международной экономической интеграции с более широким участием стран из примыкающих регионов, в частности, Южной Азии, Центральной Азии, Австралии и Океании. В свою очередь, В. Ларин обращает внимание на многогранность процесса взаимодействия России с соседями по Восточной Азии, у которого помимо экономической есть и иные составляющие: политическая, правовая, национальная, культурно-цивилизационная³.

С учетом вышеприведенных аргументов, важно определить, какое количество уровней интеграции точнее характеризует тен-

¹ Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 310.

² Стрельцов Д.В. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 57.

³ Ларин В.Л., Азиатско-Тихоокеанский регион: реалии, проблемы, перспективы // «Морской сборник». 1999. № 4. С. 13.

денции развития АТР за последние десять лет: традиционные три¹: общерегиональный, субрегиональный и естественных экономических территорий, или четыре. По нашему мнению, достаточно оснований, подтверждающих формирование еще одного, истинно регионального уровня – Восточной Азии, – занявшего место между трансрегиональным (АТР) и субрегиональными (ЮВА и СВА) уровнями.

Для регионализма Восточной Азии большое значение имеет ситуация в АСЕАН, участники которой добились значительных успехов в экономической интеграции и формировании общей идентичности. Что касается СВА, то в этом субрегионе процессы институционализации сотрудничества в силу объективных и субъективных причин находятся пока на низком уровне. Подробнее проблемы и достижения регионализма в этих субрегионах, в первую очередь, на основании анализа эффективности и других характеристик МПО будут рассмотрены в третьей главе работы.

Четвёртый уровень интеграции представляют собой так называемые «естественные экономические территории». Такое название американский ученый Р. Скалапино дал появившимся в 90-х годах в ЮВА и в СВА «полюсам» экономического роста, что объективно отражало процесс интернационализации отдельных регионов, в отличие от традиционных взаимодействий между странами, как целостными экономическими и политическими единицами². К началу 90-х подобные программы сотрудничества успешно осуществлялись в ЮВА (например, треугольник развития Индонезия, Малайзия и Сингапур – Singapore-Johor-Batam Growth Triangle, зона развития Большого Меконга, полностью или частично включающая пять стран ЮВА и китайскую провинцию Юннань, – the Greater Mekong Sub-Regional program). Страны СВА (КНР, РФ, РК, КНДР, Монголия), учитывая этот

¹ Отражает точку зрения многих российских экспертов по АТР. См., напр., Кузнецова Н.В. Особенности экономической регионализации в АТР: Материалы международной конференции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. С. 30.

² Минакир П.А. Интеграция Российского Дальнего Востока в АТР и СВА: возможности и реальности // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Отв. ред. Г.С. Витковская, Д. Тренин. – М., 1999. С.14.

опыт, в 1995 г. объединили усилия для сотрудничества в рамках поддерживаемой ПРООН Программы «Гуманган».

Если попытаться поставить анализируемые нами события в исторический контекст, то история знает один длительный прецедент и несколько кратких по времени попыток реализовать планы регионализма Восточной Азии, что будет более подробно рассмотрено в четвёртой главе данной работы. Что же касается современной версии восточноазиатского регионализма, то его материальной базой послужили изменившиеся после подписания в 1985 г. Соглашения Плаза форматы производства, торговли и инвестиций, способствовавшие углублению экономических взаимодействий между странами региона¹. Начиная с 80-х годов и во многом до настоящего времени, основные импульсы для развития интеграции в Азии исходили не от таких МПО, как АСЕАН, АРФ или АТЭС, а от частного бизнеса.

Экономические связи по развитию производства, инвестиций и торговли были и остаются наиболее заметными наполнителями азиатского интеграционного пространства. Японские корпорации и банки возглавили процесс, разместив производственные объекты и финансовые инвестиции первоначально в СВА (РК и Тайвань), а затем и в странах ЮВА. Усилившиеся финансовые институты Гонконга, Тайваня и Сингапура стали увеличивать инвестиции в КНР, способствуя промышленному буму в этой стране. Постепенно поддерживаемые этническими связями и более гибкие китайские производственные сети стали теснить японский бизнес в странах ЮВА².

К середине 90-х годов плотная сеть производственных и банковских связей опутала Восточную Азию. Это нашло свое отражение в значительном росте внутриазиатской торговли. Так, за 30 лет (с 1970 г. по 2000 г.) внутриазиатский экспорт вырос с 30% до 47%, а внутриазиатский импорт – с 30% до 53%³. Таким образом, активно

¹ Evans P. Between Regionalism and Regionalization. In eds. by T.J. Pempel *Remapping East Asia*. – NY: Cornell University Press, 2005. P. 197.

² Hamilton G. What Alan Greenspan Doesn't Know about Asia. In eds. by T.J. Pempel *The Politics of the Asian Economic Crisis*. – Ithaca: Cornell University Press, 1999.

³ McKinnon R., Schnabl G. Synchronized Business Cycles in East Asia and Fluctuations in the Yen/Dollar Exchange Rate. Available at http://www.stanford.edu/~mckinnon/papers/BusinessCycles_EastAsia.pdf.

развивая бизнес-связи по принципу «снизу-вверх», экономическая регионализация внесла существенный вклад в формирование границ и самой концепции регионализма Восточной Азии.

Значительный вклад в развитие региональных инициатив сотрудничества со странами СВА внёсла АСЕАН, которая, по мнению рационалистов, при этом преследовала следующие цели:

- увеличение финансовых, инвестиционных и торговых потоков;

- получение финансирования для реализации региональных проектов;

- усиление «политического веса» АСЕАН в мире как части более крупной и авторитетной структуры.

С точки зрения рефлексивизма, интерес к сотрудничеству с СВА объясняется стремлением создать региональную идентичность, опираясь на «азиатские ценности», и примером подобного подхода может быть идея Экономического Совета Восточной Азии (ЭСВА). С предложением институализировать сотрудничество между ЮВА и СВА путём создания ЭСВА в 1991 г. выступил премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад, когда он впервые официально озвучил идею развития межправительственного регионализма Восточной Азии.

Для Махатира ключевой фигурой в формировании исключительно восточноазиатского блока была Япония, и эту идею он обосновал в совместном труде с японцем Синтаро Исихара¹. Учитывая ключевую роль этой страны для экономики Малайзии и всего региона и нелюбовь Махатира к Западу, его позиция была вполне логичной. Однако неожиданностью стала неспособность и нежелание Токио взять на себя роль лидера. Несмотря на «любимый призыв» от «периферии» к «ядру» воображаемого региона, Япония его отвергла.

Интересным для нашего исследования является то, что существенную роль в процессе зарождения восточноазиатского регионализма сыграли два внешних актора. Так, противодействие ему оказали США, в то время как Европейский Союз помог в реализации проекта. Дело в том, что предложение Малайзии было очень враждебно воспринято в Вашингтоне, который не желал по-

¹ Mahathir Mohammad bin, Ishihara Sintaro The Voice of Asia: Two Leaders Discuss the Coming Century. – Tokyo: Kondansha International, 1995.

явления в АТР малодоступного его влиянию закрытого регионального блока. Оказав сильный политический нажим на Токио, он заблокировал его реализацию. В условиях сильной политической и экономической зависимости от США у Японии не было другого выбора, а невозможность реализовать эту инициативу свидетельствовала о том, что в тот период возможность бросить региональный вызов гегемонии США в АТР практически отсутствовала¹.

Тем не менее, идея интеграции Восточной Азии не умерла и вскоре проявилась вновь в 1996 г., когда был сформирован Форум Европа-Азия (АСЕМ), на заседаниях которого Азию стали представлять все те же страны АСЕАН, а также КНР, РК и Япония. Таким образом, ЕС внёс существенный вклад в формирование азиатской идентичности, а затем и образование АСЕАН Плюс Три (АПТ). Для участия в переговорах с ЕС в формате АСЕМ азиатским странам пришлось определиться, кто же, по их мнению, должен представлять на этих встречах Азию. В результате их выбор пал на ведущие государства Восточной Азии, объединив АСЕАН и три страны СВА в рамках единой группы. Таким образом, ЕС и АСЕМ непроизвольно выступили в роли региональных интеграторов. В результате, уже в 1997 г. была создана АПТ, в рамках которой участники официально приступили к выработке и достижению общерегиональных целей.

Основным же катализатором возрождения идеи интеграции Восточной Азии и весомым предлогом для начала её реализации стал финансовый кризис 1997 г. Среди его наиболее важных последствий можно выделить²:

– проявление неспособности ведущих региональных организаций АТР (АТЭС и АСЕАН) предотвратить начало и смягчить последствия кризиса;

– негативная оценка деятельности МВФ и США, которые, предоставив помощь поражённым кризисом государствам ЮВА с опозданием и в ограниченных объемах, проявили безразличие к судьбе региона по сравнению со странами Американского континента (Мексика, Бразилия) или даже СВА (РК);

¹ Berger M. APEC and its enemies: the failure of the new regionalism in the Asia-Pacific // *Third World Quarterly*. 1999. № 20 (5). P. 1026.

² Севастьянов С.В. Институты азиатско-тихоокеанского и восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // *Россия и АТР*. 2008. № 3. С. 88.

– рост авторитета Японии, предоставившей подвергшимся воздействию кризиса странам (через МВФ и на двусторонней основе) около 80 млрд американских долларов и Китая, который в условиях кризиса воздержался от девальвации юаня, что могло бы еще больше ухудшить финансовое положение стран АСЕАН;

– выдвижение странами региона ряда инициатив по укреплению сотрудничества в Восточной Азии, часть из которых уже вступили в фазу реализации.

В чем же принципиальное отличие ситуации 1991 г., когда инициатива премьер-министра Малайзии не получила развития, и обстановки, сложившейся в Восточной Азии в конце 90-х годов?

В начале 90-х годов, когда была создана НАФТА и ускорены темпы европейской интеграции, у стран Восточной Азии имелись все основания приступить к формированию интегрированного региона. Однако у возможной организации не было лидера, а при его отсутствии развитие сотрудничества очень затруднено. Так, в 1998 г. дальневосточный эксперт П. Минакир отметил усиление тенденций к формированию экономической интеграционной группировки в Восточной Азии, у участников которой темпы роста внутрирегиональной торговли и инвестиций превысили соответствующие показатели для их связей с США. В то же время он полагал, что «пока ни одна из стран Восточной Азии не готова взять на себя роль лидера региональной экономической и политической интеграции»¹. Однако качественные изменения в этой сфере происходили очень быстро, и, начиная с 1999 г., два государства (КНР и Япония) стали проявлять готовность возглавить процесс сотрудничества в Восточной Азии².

¹ Минакир П.А. Интеграция Российского Дальнего Востока в АТР и СВА: возможности и реальности // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / отв. ред. Г.С. Витковская, Д. Тренин. – М., 1999. С. 17.

² Впрочем, этот тезис признаётся не всеми специалистами. Так в 2005 г. известный канадский международник Пол Эванс полагал, что в Восточной Азии нет страны способной и, возможно, заинтересованной возглавить процесс политического сотрудничества. Скорее, АПТ сможет двигаться вперёд только при условии, что ни одна из стран не будет играть доминирующую роль в регионе. See Evans P. Between Regionalism and Regionalization. In eds. by T. J. Pempel *Remapping East Asia*. – NY: Cornell University Press, 2005. P. 201.

В то же время уже на начальном этапе сотрудничества стала очевидной конкуренция между Китаем и Японией за лидерство в Восточной Азии. Так, Пекин не поддержал принципиально важное предложение Токио о создании Азиатского валютного фонда (АВФ), прямо заявив, что основным препятствием является «отсутствие доверия, которое требуется для образования наднационального регионального института». По мнению представителя КНР, нет никаких оснований полагать, что АВФ будет эффективнее, чем МВФ или двусторонние соглашения¹. Со своей стороны, Токио оспорил поддерживаемое Пекином «исключительно азиатское» видение региона, материализовавшееся в формуле АПТ. Так, в 2005 г. при поддержке ряда стран Япония смогла придать «вторую жизнь» более широкой концепции регионостроительства, добившись включения в состав новой МПО, получившей название Саммит Восточной Азии, помимо участников АПТ ещё трёх государств (Индии, Австралии и Новой Зеландии).

Тем не менее, даже эта расширенная версия Восточной Азии не включает в состав США, которые, с одной стороны, остаются важнейшим экспортным рынком для многих стран региона, а с другой – сохраняют мощное военное присутствие, поддерживаемое развёрнутой в регионе группировкой ВС и наличием системы двусторонних договоров о взаимной безопасности с ведущими странами АТР, в том числе с Японией, РК и Австралией. В этот регион необходимо включить и Россию, имеющую здесь важные государственные интересы и обладающую богатыми энергетическими и другими ресурсами. Эти примеры свидетельствуют о том, что не существует единственного региона Восточной Азии даже в области безопасности, не говоря уже о торговле, финансах и т.д., то есть меняющиеся проблемы будут формировать различные модели этого региона.

Одной из причин того, что Восточной Азии вряд ли удастся быстро достичь высокого уровня интеграции, является широкое разнообразие населяющих её государств. Последние резко отличаются основными религиями, формами государственного управления, уровнем благосостояния населения, демографическими характеристиками, подходами к оценке исторических событий и

¹ Yongding Y. On Economic Cooperation between Asian Economies // Proceedings of the 11th Hokkaido Conference for North Pacific Issues. – Sapporo, 1999. P. 6.

т.д. Несмотря на разнообразие, для понимания этого региона будет правильным делать принципиальное различие между странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

СВА включает в состав две великих державы (Китай и Японию), которые оказали долговременное влияние на развитие Восточной Азии в целом. Так, китайское цивилизационное и культурное влияние имеет историю нескольких тысячелетий, а инициированные Японией во второй половине прошлого века процессы индустриализации способствовали их распространению на РК, Тайвань, а затем и страны ЮВА. Что касается последних, то соответственно процессы индустриализации и экономической модернизации произошли в них значительно позже и были не столь глубоки в силу, в первую очередь, негативных последствий колонизации со стороны европейских государств¹.

Огромная разница в объёмах экономик делает различие в удельном весе двух регионов весьма значительным, а «подъём» Китая ещё больше усилит и закрепит стратегическое доминирование СВА над ЮВА. Вышеперечисленные различия, а также нерешённые меж-корейская и территориальные проблемы, присутствие глобального внешнего актора (США), широкий спектр японо-китайских противоречий серьёзно препятствуют эффективному сотрудничеству в рамках Восточной Азии².

Тем не менее, имеются и противоположные оценки. Например, Р. Стаббс полагает, что, в условиях действия явных тенденций усиления интереса и необходимости регионального сотрудничества, существуют веские основания считать, что АПТ вырастет в ведущую МПО Восточной Азии. Этому способствуют общий цивилизационный и исторический опыт стран региона, окончание «холодной войны», общие культурные особенности и др. При этом схожие экономические институты и подходы к экономическому развитию, пересекающиеся инвестиционные потоки, увеличивающаяся доля внутрирегиональной торговли и специфическая форма капитализма в течение нескольких десятилетий способствовали регионализации Восточной Азии. Не менее

¹ Yoshihara K. The Rise of Ersatz Capitalism in Southeast Asia. – Manila: Manila University Press. 1988.

² See, for example, Hund M. ASEAN Plus Three: toward a new age of pan-East Asian regionalism? A sceptic's appraisal // Pacific Review. 2003. № 16 (3). P. 383–417.

важно, что регулярные встречи политических лидеров помогли формированию чувства общего предназначения и идентичности, становлению особого характера деловых и политических отношений в регионе. В результате эти тенденции привели к тому, что идея «Восточной Азии» глубоко укоренилась в мышлении и диалоге политических лидеров региона¹.

Для оценки региона с геополитических позиций необходимо опереться на ряд понятийных идентификаций теории общей районологии, например: ядро, периферию, коммуникационную сеть, границу. Так, ядром называют часть региона, в котором с наибольшей плотностью и интенсивностью выражены его признаки и где действие регионообразующих факторов достигает наибольшей силы. Оно способно принимать на себя свойства центра диффузии, что проявляется в более высокой концентрации населения, производства и капитала, и, распространяя потоки вещества, энергии и информации, передавать свои освоенческие признаки окружающему пространству².

Наличие ядра предполагает существование периферии, которая одновременно противостоит и дополняет его. Удалённая от центра, она имеет более низкий уровень всех видов инфраструктуры и, соответственно, внутрисистемных контактов. В этой связи важнейшей характеристикой периферии выступают потенциальные возможности этой территории, которые, несмотря на недоразвитость, позволяют ей выстраивать определённые формы функционального взаимодействия с центром, что обеспечивается региональной коммуникационной сетью. Примерами такого взаимодействия являются природные, общественные, производственные и политические связи между людьми. Граница является наиболее изменчивым элементом региона, определяющим пространственный предел распространения влияния ядра на его территорию, то есть она устанавливает место функционирования территориальной системы в пространстве³.

¹ Stubbs R. ASEAN Plus Three: Emerging East Asian Regionalism? // Asian Survey. 2002. № 42 (3). P. 440–455.

² Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.

³ Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики. – Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 38–41.

Одной из основ для проведения границ регионов служат изменения в их геополитическом потенциале. Так, усиление ядра ведёт к территориальному росту региона и наоборот¹. При этом каркас региона может отличаться полиядерностью, когда он изначально складывается из двух или более ядер, что до некоторой степени характерно для формирующегося региона Восточной Азии. Исходя из вышеизложенного, геополитический регион можно понимать как «устойчивое во времени территориальное образование, отличающееся от других преобладающим типом освоения территории, совокупностью природных, социальных, экономических и политических подсистем, связанных между собой единой структурой управления».

Для того чтобы определить, если ли основания говорить о формировании в Восточной Азии некоторых черт подлинных, связано функционирующих регионов, способных стать эффективными субъектами международных отношений, нами использована концепция «региональности» Хеттне. В её рамках последний сформулировал пять основных признаков, которыми должны отвечать такие регионы². Ниже приведены эти признаки и сформулированы предварительные гипотезы, характеризующие то, насколько соответствует им Восточная Азия (окончательная трактовка будет дана в Послесловии данной монографии):

1. Географическая граница, природно-ресурсные и экологические характеристики

Определение ключевого региона как включающего 13 государств (10 стран АСЕАН, Китай Японию и РК) и не включающего Северную Америку, Южную Азию, Россию, Монголию, Австралию, Новую Зеландию, оспаривается, но подтверждено составом ведущего проекта регионализма Восточной Азии – АПТ³.

¹ Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973. С. 558.

² Hettne B., Inotai A., Sunkel O. Globalism and The New Regionalism. – NY: St. Martin's Press, 1999.

³ Evans P. Between Regionalism and Regionalization. In eds. by T.J. Pempel Remapping East Asia. – NY: Cornell University Press, 2005. P. 198.

2. Социальная система, выходящая за пределы региона и представляющая собой региональное сообщество безопасности

Хотя, по некоторым оценкам, сообщество безопасности уже существует в ЮВА¹, его создание в масштабе всей Восточной Азии в силу известных структурных ограничений представляется сложной проблемой.

3. Развитое институциональное сотрудничество в экономической, политической и культурной сферах

Достигнутые уровни институционализации сотрудничества в этих областях, хотя и ниже, чем в Европе, но вполне обнадеживающие, о чём свидетельствует деятельность таких институтов, как АСЕАН, АПТ и др.

4. Общие морально-политические и культурные ценности

В этой области ситуация более противоречива. С одной стороны, присутствуют такие объединяющие черты, как конфуционизм, предрасположенность к авторитарной форме государственного управления, азиатские формы ведения бизнеса, с другой – культивирование исключительно «азиатских ценностей» было поставлено под сомнение азиатским финансовым кризисом.

5. Способность региона выступать в качестве субъекта, обладающего чёткой идентичностью, легитимностью и структурой для принятия стратегии развития и общих решений

В этой части достигнуты осязаемые успехи, хотя, в силу институциональных особенностей региональных МПО, имеют место ограничения в принятии коллективных решений, что отражает приоритеты государств в этой области, лидеры которых не склонны передавать часть суверенитета наднациональным МПО, как это практикуется в ЕС. Тем не менее, есть достаточно оснований считать страны Восточной Азии членами определённой

¹ Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. – London: Routledge, 2001.

политической и экономической группы, а не просто набором государств, населяющих одну и ту же часть планеты¹.

Вышеназванные признаки региональности не исчерпывают всех особенностей регионов и могут быть расширены за счёт, например, демографического фактора, который, при некоторых условиях, может вести к выравниванию людского потенциала по обе стороны государственной границы. Более подробное рассмотрение комплекса этих признаков, применительно к реалиям Восточной Азии, являются важной исследовательской задачей монографии.

2.2. Основные акторы и компоненты регионализма Восточной Азии

В сравнении с европейским континентом, порядок безопасности в азиатском геополитическом регионе отличается значительно меньшим уровнем институционализации. Для него характерны имеющие долгую историю антагонизмы и территориальные споры, что, по мнению некоторых экспертов, стоящих на неореалистических или неолиберальных позициях, является достаточным основанием считать, что регион весьма подвержен конфликтам и нестабильности, однако опыт нескольких прошедших десятилетий свидетельствует о том, что всё не так однозначно.

Во времена разгара «холодной войны» (50–70-е гг.) регион был погружён в глубокий хаос. Современная же Восточная Азия гораздо более стабильна и безопасна и уже почти 30 лет не знает крупных войн (последними были вторжение Вьетнама в Камбоджу в 1978 г., и ответное наступление Китая на СРВ в 1979 г.). Успешно урегулирован ряд важных территориальных споров, в том числе Китая с Россией и Вьетнамом. Что касается современной Восточной Азии, то в XXI веке военные расходы продолжают расти. Для Японии они составляют около 1% ВВП, а для Китая – порядка 2,5% ВВП, при этом по абсолютным размерам военного бюджета по-прежнему лидирует Токио, опережая Пекин на 10–15%.

В целом, Восточная Азия обладает как потенциалом конфликтности, так и ресурсом совместного развития. В конце теку-

¹ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. – Palgrave Macmillan, 2007. P. 12.

щего десятилетия тенденции стабильности преобладают над факторами дестабилизации политической ситуации в регионе, а возрастание взаимозависимости в экономике, финансах и всех видах безопасности в ведущих для региона «парах» Китай – США и Китай – Япония определяют пределы ухудшения их политических отношений. При этом переход Китая к рыночной экономике впервые в истории региона предоставляет столь необходимые возможности регионального интеграционного соразвития, способного усилить позиции Восточной Азии среди мировых экономических центров. Однако США и Япония продолжают воспринимать Китай как политически «чужого», хотя экономически «своего» рыночного «партнёра-конкурента», и в результате идея создания многосторонней региональной системы безопасности продолжает наталкиваться на трудно преодолимые препятствия¹.

Основными традиционными угрозами для Восточной Азии и соответственно главными препятствиями на пути формирования региональной МПО в области безопасности являются конфликты вокруг Тайваня и Корейского полуострова, а также территориальные споры, в которые вовлечены Япония, Китай, РК, Россия, ряд стран АСЕАН, однако, несмотря на периодические обострения напряжённости, они не переросли в военные действия.

Тайваньский конфликт является важнейшим для американо-китайских отношений и основной причиной негативной реакции Пекина на американскую гегемонию, систему военных союзов и развёртывание системы ПРО в регионе.

Северокорейскую ядерную проблему Пхеньян использует как способ обеспечения выживания режима без изменения его тоталитарного характера. При этом межкорейский конфликт не столь опасен для взаимоотношений между региональными державами, более того он имеет тенденцию к постепенному разрешению.

Территориальные споры остаются не разрешёнными. В то же время двусторонние переговоры в поисках компромиссов и углубление региональной экономической интеграции ограничивают их негативное воздействие на безопасность. Всплески напряжённости по этой проблематике и эпизодически обостряющиеся китайско-японские и корейско-японские разногласия по вопросам

¹ Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 309–311.

трактовки исторических событий, как правило, не выходят за рамки «дипломатических войн».

Таким образом, есть всё больше оснований считать, что, хотя окончательное разрешение этих конфликтов и споров в среднесрочной перспективе маловероятно, участвующие в них стороны выработали и следуют правилам, позволяющим держать их под контролем и до минимума снизить вероятность развязывания военных действий.

Важнейшим фактором стабилизации политической ситуации в Восточной Азии является сотрудничество в ходе шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР, самим фактом существования такого формата работающее на тенденцию формирования многосторонней региональной системы безопасности. Важным новым моментом является достигнутая в феврале 2007 г. договорённость стран «шестёрки» о выделении в отдельную группу переговоров о безопасности и сотрудничестве в СВА в целом. Так, Корейская проблема становится лишь частью, хотя пока и важнейшей, переговорного процесса. Это значит, что пять стран (РФ, КНР, США, Япония и РК) получили возможность обсуждать и более широкий спектр региональных проблем, независимо от желания Пхеньяна участвовать или не участвовать во встречах¹.

Если же упомянуть новые и «нетрадиционные угрозы» безопасности Восточной Азии, то к ним, прежде всего, следует отнести такие, как: энергетическая и продовольственная безопасность, экологические и природные катастрофы, угрозы эпидемий, терроризм, пиратство и т.д. Как правило, эти новые вызовы имеют двоякое воздействие. С одной стороны, они сдерживают экономический рост, угрожают социальной стабильности региона, могут усиливать конкуренцию в борьбе за ресурсы. Однако благодаря углубляющейся взаимозависимости региональных экономик они способны играть и объединительную роль, побуждая страны к новому, более высокому уровню политического и экономического взаимодействия.

Регионализм в области безопасности Восточной Азии проявляется в таких формах, как: военные контакты между странами, концентрирующаяся вокруг США система двусторонних союзов,

¹ Михеев В.В. Указ. соч. С. 312–313.

а также региональные и субрегиональные МПО. Основные компоненты регионализма в безопасности слабо связаны между собой, а несогласованность их взаимодействия время от времени вызывает напряжение, особенно между региональными державами, а также между гегемоном (США), активно укрепляющим и оптимизирующим двусторонние союзы безопасности, и усиливающимся Китаем, который, не являясь участником последних, заинтересован в их свёртывании или, как минимум, ослаблении.

Очевидно, что содержание и особенности вышеупомянутых «комплексов безопасности», в том числе сложившихся на Корейском полуострове и вокруг Тайваня, невозможно объяснить без учёта того, что они развиваются в контексте и под влиянием как глобальных, так и региональных тенденций. Первые определяются, прежде всего, динамикой оси Вашингтон – Пекин, а вторые – оси Пекин – Токио. В роли своего рода «возмутителя спокойствия» выступает опирающийся на возрастающую экономическую мощь Китай. Новое качество международной активности КНР вызывает трения, а иногда и кризисы в её отношениях с главными партнёрами и одновременно оппонентами в Азии – США и Японией.

При этом многие американские политики оперируют категориями не «мирного возвышения», а «подъёма Китая» как фундаментального вызова США, полагая, что практические действия Пекина направлены на ограничение влияния Вашингтона в Восточной Азии, в том числе путём создания региональных организаций без его участия. Отражением таких взглядов, учитывающих как необходимость американо-китайского торгово-экономического сотрудничества и значительную роль КНР в мировой политике в целом, так и задачу сдерживания этой растущей мощи, стало формулирование нескольких политических концепций, определяющих политику Вашингтона в отношении Пекина. Это, прежде всего, концепция «conengagement», содержащая элементы классического «сдерживания» (containment) и «вовлечения» (engagement). Иногда эту концепцию называют политикой «пристального наблюдения» или «предостережения».

Более радикальна стратегия «огораживания» или «окружения» (hedging), которая предусматривает перегруппировку американских войск и структуры военных баз, выдвигая их ближе к

границам Китая¹. Другим её компонентом является уплотнение системы военных союзов США как по периметру границ Китая, так и на всём пространстве АТР. Первостепенное внимание уделяется укреплению и модернизации двусторонних военных союзов с Японией и Австралией, при этом Вашингтоном прорабатываются возможности трансформации «расширенных» двусторонних отношений с Токио и Канберрой в трехстороннюю региональную систему безопасности².

Кроме того, США предоставляют всеобъемлющую поддержку Индии в экономической, военной и технологической сферах, укрепляя её влияние в мире и регионе, и одновременно способствуют повышению уровня партнёрских отношений Дели с Токио и Канберрой.

В дополнение к первым двум концепциям, в 2005 г. в отношении Китая с Вашингтоном была выдвинута ещё одна – «ответственного акционера» (responsible stakeholder), в которой акцент сделан не на сдерживание, а на вовлечение Пекина в существующую систему международных отношений в качестве её легитимного члена – при выполнении им ряда условий (отказ от государственного регулирования рынка и поддержки ряда «проблемных» государств, проведение политической реформы, обеспечение прозрачности военных расходов и др.) и принятии установленных правил игры.

В практической политике Вашингтон применяет в отношении Пекина оба подхода (и сдерживание, и вовлечение). При этом руководство и экспертное сообщество КНР не приемлют первый их них. Что касается рекомендаций второго подхода, то,

¹ Более подробно см. Воронцов А.В. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 29–31.

² 13 марта 2007 г. была подписана «Совместная декларация о сотрудничестве в области безопасности между Японией и Австралией». Ранее эти две страны поддерживали не прямые контакты через двусторонние союзы безопасности с США. В настоящее время три страны повысили уровень стратегического диалога до уровня министров обороны. Подписание резолюции вызвало озабоченность Китая, рассматривающего её как попытку изоляции от остального мира. См.: The Strategic Balance in Northeast Asia 2007. – Seoul: The Korea Research Institute for Strategy, 2007. P. 98–99.

даже если следовать западным оценкам, китайские военные расходы на порядок ниже американских, приглашение же в качестве рядового акционера, а не в совет директоров «компании» (мирового сообщества) устраивает Пекин далеко не во всём.

Тем не менее, при всей противоречивости отношений США и Китая просматривается общая тенденция к сближению. Так, в 2007 г. представители МИД Великобритании утверждали, что за последние три года состояние отношений между этими двумя государствами существенно улучшилось, обе стороны пришли к выводу, что объединяющие их начала сильнее и многочисленнее, чем разъединяющие¹. Пекин поставил Вашингтон в центр своей внешней политики и дал понять, что признаёт его мировое лидерство и готов к сотрудничеству на основе совпадения интересов. Взамен Китай настаивает на том, чтобы традиционный набор критики по правам человека, свободе слова, Тибета, курса юаня и т.д. оставался на периферии повестки дня двусторонних отношений².

Отношения Китая и Японии, в силу параллельного политического возвышения на основе глобальной экономической роли, характеризуются более высокой степенью конфликтности и частой сменой конфигурации отношений соперничества / сотрудничества. С одной стороны, огромная экономическая взаимозависимость толкает к поиску путей соразвития. С другой – усиливается борьба за влияние на международной арене, в том числе за лидерство в Большой Восточной Азии и на пространстве АСЕАН, что тормозит региональные интеграционные процессы.

В то же время, рассматривая региональную безопасность как комплексное явление, важно отметить, что производство, международная торговля развиваются в странах Восточной Азии ускоренными темпами, а благосостояние их граждан значительно выросло. Даже финансовый кризис 1997 г., вопреки прогнозам, не подорвал стабильности. Напротив, способность азиатских стран преодолеть его последствия путём проведения экономических реформ и усиления сотрудничества стала свидетельством воз-

¹ Воронцов А.В. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 27.

² Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 314.

росшей национальной и региональной жизнеспособности государств.

Региональные институты в области безопасности также вносят существенный вклад в формирование норм поведения, сглаживание острых углов между различными подходами (гегемонизм, баланс силы, институционализм, конструктивизм и др.) к поддержанию безопасности Восточной Азии. В третьей главе работы рассмотрена деятельность Регионального Форума АСЕАН, формально созданного в интересах укрепления безопасности АТР, а практически занимающегося выработкой мер доверия в области безопасности Восточной Азии.

Что касается СВА, то в условиях отсутствия действующих МПО региональной безопасности, в этой же главе автор счёл необходимым исследовать уроки деятельности недавно прекратившей существование КЕДО – Организации развития энергетики Корейского полуострова. Часть из них были учтены при создании и становлении механизма шестисторонних переговоров по проблемам безопасности Корейского полуострова. В целом, по некоторым оценкам, модель безопасности региона, во многом основанная на формальных и неформальных договорённостях и правилах, ближе к комплексной взаимозависимости, чем к классическим принципам неореализма¹.

Как было упомянуто, двигателями интеграционных процессов в Восточной Азии являются три основных актора (государства, экономические структуры и гражданские сообщества), выступающие комплексные сетевые взаимодействия в рамках двух осуществляемых с различных направлений процессов: регионализма и регионализации. В третьей и четвёртой главах работы основной упор сделан на исследовании одного из ведущих компонентов регионализма – деятельности государств по формированию межправительственных организаций в области безопасности и экономики на трансрегиональном (АТР), субрегиональном (СВА и ЮВА) и региональном (Восточной Азии) уровнях.

При сравнении опыта европейской и азиатской интеграции становится очевидно, что в последнем случае ключевую роль играли государства и частные корпорации. В то же время, в силу

¹ Alagappa M. Introduction. In eds. by M. Alagappa Asian Security Order. – Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 9–10.

приверженности преимущественно авторитарным формам правления и неизменности роли государства как главного арбитра политического процесса, влияние на него гражданского общества как внутри государств, так и на региональном уровне остается в Восточной Азии весьма слабым, что сдерживает развитие чувства идентичности и глубины «региональности».

В соответствии с постулатами глобализации, под воздействием глобальных экономических процессов государство передаёт часть управленческих функций другим акторам. Что же касается стран Восточной Азии, то, во многом отказав в этом слабо развитому гражданскому обществу, они поделились с частным сектором полномочиями в управлении экономической деятельностью. Понимание государствами того, что в современном мире предоставление различных коллективных продуктов, например, таких, как поддержание стабильности международной валютной системы или преодоление кризисов безопасности, подобных ситуации на Корейском полуострове, можно обеспечить только на основе коллективных действий, привело к усилению интереса к развитию регионального сотрудничества и социальных партнёрств.

В условиях глобализации государствам приходится иметь дело с дилеммой, заключающейся в несовпадении политических и экономических пространств. В условиях всё большего смещения экономической активности за пределы национальных границ государств «операционный суверенитет» последних ставится под сомнение и вынуждает их искать новые пути адаптации к глобальным и внутренним вызовам, в том числе вступать в региональные МПО, перестраивать внутригосударственные структуры, например, повышать уровень независимости Центральных банков и т.д.

Хотя уровень институализации межгосударственного сотрудничества в Восточной Азии в области безопасности и экономики существенно отстаёт от европейского, за последние 15 лет число МПО в этом регионе значительно выросло, в том числе за счёт появления таких важных для нашего исследования, как АРФ, АПТ, Саммит Восточной Азии и др. По образному выражению П. Эванса, «миска с лапшой азиатского регионализма ... не

такой густая, как её визави (тарелка со спагетти) в Европе, но с завершением «холодной войны» она быстро заполняется»¹.

При всей важности региональных МПО государства используют и другие каналы для развития трансграничных сетей сотрудничества, осуществляя его на основе долговременных соглашений о развитии торговли, инвестиций, сотрудничества в финансовой сфере, передаче технологий, предоставлении финансовой помощи, развитии культурных, образовательных, научных, спортивных и других обменов. Для решения транснациональных приграничных проблем, государства достигают специальных договорённостей, в которых определены участники, характер проблем и пути их решения. Такие формы сотрудничества по узкой проблематике существенно дополняют его другие формы, осуществляемые в рамках региональных МПО. Как правило, помимо государств в трансграничном сотрудничестве участвуют и другие акторы.

Вторым важнейшим актором интеграции Восточной Азии являются частные корпорации и финансовые институты, которые создают комплексную региональную экономическую сеть через развитие кросс-национального производства, инвестиций и торговли. Как правило, транснациональные и многонациональные корпорации в выстраивании экономической стратегии исходят из инвестиционной привлекательности ведения бизнеса за рубежом, возможностей рационализации производства и максимизации прибыли, а не от того, насколько региональное сотрудничество развито на официальном уровне².

Третьим участником интеграции Восточной Азии являются объединяемые под общим названием гражданского общества различные МНПО, общественные организации, движения и т.п. Как правило, они нацелены на решение конкретных трансграничных проблем, таких, как: миграция, организованная преступность, негосударственный терроризм, загрязнение окружающей среды, охрана природных ресурсов, медицинские пандемии и т.д. Зачастую они не являются приоритетом ни для правительств стран, ни для региональных МПО. Напротив, их эффективному

¹ Evans P. Nascent Asian Regionalism and Its Implications for Canada // Paper prepared for the Asia Pacific Foundation of Canada's Roundtable on the foreign Policy Dialog and Canada-Asia Relations. – March 27, 2003.

² Ibid. P. 16.

решению больше соответствует неформальный характер сотрудничества, когда инициатива исходит либо от региональных администраций, либо от НПО, научного сообщества или частного сектора ряда приграничных стран¹.

Эти участники, создавая трансграничные коалиции для решения специфических задач, формируют всё большее число кросс-региональных сетей, внося свой вклад в формирование идентичности Восточной Азии. Как правило, формирующиеся трансграничные сети сотрудничества не направлены на подрыв национального суверенитета, однако в отдельных случаях правительства государств, в интересах сохранения всей полноты власти, предпочитают, чтобы приграничные регионы имели меньше, а не больше таких связей. Так, Китай и ряд стран ЮВА проявляли враждебность в отношении НПО. В результате даже в области охраны окружающей среды, где последние имели наиболее сильные позиции, эффективность их деятельности была не очень высокой, в целом их вклад в регионализацию Восточной Азии пока не является значительным².

Что же касается двух других акторов – лидеров региональной интеграции Восточной Азии (государства и частные корпорации), то оценки их вклада в эти процессы разнятся в зависимости от точки зрения и профессиональной принадлежности экспертов. Так, например, Р. Гилпин полагает, что в течение длительного исторического периода именно экономические взаимодействия стали теми сетями, которые крепко связали Восточную Азию. По его оценке, экономическая регионализация, вызванная деятельностью частного бизнеса, а не такие МПО, как АСЕАН или АТЭС, способствовали эффективному развитию региональной экономики³.

Схожей точки зрения придерживается и Т.Д. Пемпель, считающий, что страны Восточной Азии, по сравнению с европейским континентом, не склонны развивать более глубокую регио-

¹ Dupont A. East Asia Imperilled: Transnational Challenges to Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

² Pempel T.J. Introduction In eds. by T.J. Pempel Remapping East Asia. – Cornell University: Cornell University Press, 2005. P. 20–23.

³ Gilpin R. The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the Twenty-first Century. – Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 266.

нальную интеграцию через создание межправительственных организаций, не желая делиться с ними частью суверенитета при принятии обязывающих решений, а также в условиях отсутствия согласия о целях, для реализации которых они формируются. В первую очередь, по его мнению, это касается ведущих стран региона (Китая и Японии), которые не заинтересованы в том, чтобы достижение целей их внешней политики было ограничено рамками региональных МПО, где значительный вес имеют страны ЮВА¹.

Другие исследователи, в первую очередь, политологи, полагают, что ведущую роль в регионализме Восточной Азии играют государства. Так, по мнению М. Бисона, ключевая роль и позитивный опыт государств Восточной Азии в развитии экономики стали особенностью и привлекли внимание к региону². Что касается роли конкретных государств, то принципиальную теоретическую и практическую значимость приобрёл дискурс о том, какая из стран (Китай или Япония) выйдет на лидирующие позиции в регионализме Восточной Азии, и, как следствие этого, динамика отношений между какими государствами сыграет ключевую роль в развитии региона.

Быстрый рост китайской экономики на фоне затяжной рецессии в Японии на рубеже XX–XXI вв. привёл к существенному укреплению позиций КНР и, напротив, снижению экономического веса Японии в мировом и региональном масштабе. Так, например, доля Японии в мировом экспорте сократилась с 11,6% в 1992 г. до 5,9% в 2005 г., а удельный вес китайского экспорта за те же годы вырос с 2,6% до 7,5%³.

Большинство исследователей, к которым можно отнести К. Омае, М. Бисона, Ш. Бреслина, Д. Шамбо, А. Воскресенского, Д. Кана и других, уверены, что роль будущего регионального лидера принадлежит Китаю. По мнению Бисона, поразительный рост Китая оказал глубокое влияние на мировую экономику и

¹ Pempel T.J. Conclusion: Tentativeness and Tensions in the Construction of an Asian Region. In eds by T. J. Pempel *Remapping East Asia*. – Cornell University: Cornell University Press, 2005. P. 257.

² Beeson M. *Regionalism and Globalization in East Asia*. – Palgrave Macmillan, 2007. P. 19.

³ Саплин-Силановский Ю. КНР – Япония. Кто будет лидером в Восточной Азии? // *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 2. С. 25.

привёл к принципиальной реконфигурации международных отношений как самой Восточной Азии, так и между этим регионом и остальным миром. При этом состояние японо-китайских отношений будет главным для будущего развития сознательно сконструированного, единого региона, модель которого, скорее, будет ближе к НАФТА, чем к ЕС. По оценке Ш. Бреслина, политические предпочтения китайской элиты станут главным фактором, который определит будущие модели регионализма Восточной Азии¹.

В этом контексте на долговременную перспективу возникает ключевой вопрос: сможет ли Китай, а вместе с ним и остальные развивающиеся азиатские государства продолжить дальнейшее успешное развитие в условиях ограниченных природных ресурсов и «проблемной» истории региона. Для ответа на него необходимо определить модели региональной интеграции, которые в наибольшей степени обеспечат реализацию политико-экономического потенциала «поднимающегося» Китая и других стран региона в решении этих вопросов.

А. Воскресенский полагает, что Китай уже преуспел в трансформации в доминирующую региональную державу с определёнными глобальными интересами и создал жизнеспособную экономическую модель, альтернативную западной форме капитализма. К 2025 году 21% мирового населения будет жить в странах китайской цивилизации, что станет солидной базой для попыток Пекина тем или иным образом структурировать это экономическое пространство. При этом Китай сможет закрепить свою роль доминирующей региональной державы и даже стать глобальным актором только при условии, что он получит доступ к природным запасам и, в первую очередь, энергетическим ресурсам России. Таким образом, укрепление российско-китайского сотрудничества в этой и других областях рассматривается Воскресенским как существенный вклад России в обеспечение бескризисного развития Китая и Восточной Азии в целом².

¹ Breslin S. Theorizing East Asian regionalism. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 39.

² Voskressenski A. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia. In eds. by Iwashita A. *Eager Eyes Fixed on Eurasia*. – Vol. 2, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 3–46.

В то же время, учитывая чувствительность международного сообщества к «подъёму Китая», как пекинское руководство, так и научное сообщество страны трезво оценивают достигнутый экономический прогресс и чётко осознают колоссальный разрыв, который ещё существует в области национального богатства, стандартов жизни, уровня науки и технологий между Китаем и развитыми государствами. При этом они считают, что преувеличение китайских достижений в экономике и других областях может дать ненужные практические результаты, например, сокращение финансовой помощи, усиление давления на Пекин по поводу ревальвации юаня и др.¹

В этой связи интересна судьба предложенной в 2003 году советниками президента Ху Цзиньтао теории «мирного подъёма», в соответствии с которой растущие экономические и торговые связи Китая со своими партнёрами сделают войну между ними нереальной и обеспечат их совместное мирное поступательное развитие. Хотя основные идеи этой теории не претерпели изменений, в 2005–2006 годах её название было выведено из употребления (семантика слова «подъём» оказалась слишком агрессивной), и ему на смену пришли такие формулировки, как «гармоничное развитие» и «мирное сосуществование гармоничного сообщества»². В предложенной концепции формирования гармоничного мира основной акцент делается не на многополюсности мира и присущей ей конкуренции, а на многосторонности в международных отношениях и сотрудничестве. Кроме того, она даёт возможность малым странам, которые не могут быть полюсами, но которых в мире большинство, не чувствовать себя вне большой политики и открывает для них возможности поиска своей «ниши в международных делах»³.

¹ Wang Jisi China's Changing Role in Asia. In eds. by Kokubun R., Wang J. *The Rise of China and Changing East Asian Order*. – Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. P. 4.

² Voskressenski A. *The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia*. In eds. by Iwashita A. *Eager Eyes Fixed on Eurasia*. – Vol. 2, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 24.

³ Лебедева М.М. Такие разные государства // «Приватизация мировой политики»: локальные действия – глобальные результаты / Отв. ред. М.М. Лебедева. – М.: Голден-Би, 2008. С. 93–94.

Среди экспертов, полагающих, что роль Японии в становлении и развитии регионализма Восточной Азии ничуть не меньше, чем Китая, выделяется К. Пайл, который, полемизируя с оппонентами, озаглавил недавний труд «Поднимающаяся Япония»¹. По его мнению, отношения в треугольнике «Китай, Япония и США» и то, смогут ли два последних государства конструктивно принять и адаптироваться к вызову со стороны «ревизионистского» Китая, во многом определяют новый региональный порядок Восточной Азии.

По мнению россиян В. Михеева и Д. Тренина, нынешнее «мировое политическое возвышение» Японии совпадает по времени с возвышением Китая, что создаёт новую ситуацию в Восточной Азии, когда Токио больше, чем когда бы то ни было прежде, нуждается в надёжных партнёрах на Азиатском континенте. При этом стоящие перед Японией и Россией стратегические задачи объективно побуждают их смотреть друг на друга не через призму традиционных международных отношений, но, прежде всего, как на взаимный ресурс развития. Япония для РФ – важный фактор подъёма восточных регионов, а Россия для Токио – существенный потенциальный ресурс формирования благоприятной международной политической и экономической среды².

Наконец, Питер Катзенштейн отказывается от традиционного подхода о том, что модели регионализма и регионализации Восточной Азии были и будут производными от доминирующих в регионе в различные исторические отрезки времени национальных моделей (в 80-е годы прошлого века это была Япония, в 90-е годы – США, а с начала нынешнего столетия – Китай), и вместо этого предлагает оперировать понятием сосуществования их отдельных элементов, которые трансформируются в гибридную модель регионализма. Очевидно, что в этом подходе просматривается сходство с теорией равноположенного развития А. Богатурова³.

¹ Pyle K. *Japan Rising*. – NY: Public Affairs Books, 2007.

² Михеев В.В., Тренин Д. *Россия и Япония как ресурс взаимного развития: взгляд из XXI века на проблему XX века*. – М.: Московский Центр Карнеги, 2005. С. 4–6.

³ Богатуров А.Д. *Современный мир: система или конгломерат? // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв*. – М.: НОФМО, 2002. С. 129–144.

В труде Катзенштейна, как и в книге Пайла, подчёркивается, что существует огромный экономический, военный и технологический разрыв между сегодняшней Японией и тем, где Китай будет ещё только завтра. Япония остаётся важной силой в Восточной Азии, вместе с США, Китаем и другими странами сможет предложить региону широкий спектр политических и экономических альтернатив. Начавшаяся китаизация региона в области производства, торговли, инвестиций, культуры и других сферах не делает его копией Китая, а по-разному преломляется в различных странах Восточной Азии, которые ранее уже абсорбировали отдельные элементы японизации и американизации. Ключевым термином для характеристики идущих в Восточной Азии процессов представляется «гибридизация», которая позволяет выйти за рамки традиционного мышления в духе силовых иерархий и цивилизационных дуализмов и отказаться от простого экстраполяции на регион доминирующих национальных или цивилизационных моделей¹.

Целенаправленные усилия государств по развитию регионализма Восточной Азии исследованы в последующих главах, что позволит оценить, какая из предложенных выше моделей лидерства более жизнеспособна. Важнейшим теоретическим и практическим вопросом будет то, насколько предопределёнными являются интеграционная траектория и модели регионализма Восточной Азии. Другими словами, ключевой вопрос в том, окажут ли движимые глобализацией западные образцы экономической организации, политического представительства и межправительственного сотрудничества доминирующее воздействие на будущие модели регионализма Восточной Азии, или уже работающие в регионе образцы политического, экономического и социально-культурного устройства достаточно сильны и будут институализированы в моделях, основывающихся, преимущественно, на азиатских ценностях. Для ответа мы рассмотрим как практическую деятельность государств по развитию регионализма Восточной Азии, так и варианты перспективного видения региона, принятые в программных документах ведущих МПО.

¹ Katzenstein P. East Asia – Beyond Japan. In eds. by P. Katzenstein, Shiraishi T. Beyond Japan: the dynamics of East Asian regionalism. – Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 1–33.

Так, например, в подготовленном в 2001 г. «группой мудрецов» Восточной Азии докладе будущее видение региона было амбициозно определено как реально действующее региональное сообщество, затрагивающее все сферы социальной активности. В то же время, по оценке П. Эванса, основные черты сообщества определены в нём достаточно абстрактно, не упомянуты такие присущие Западу концепции, как демократии, наднациональных институтов или гражданского общества, а приоритет отдан менее обязывающей, объединяющей повестке, включающей борьбу с бедностью, оказание помощи в развитии, социальную справедливость и равенство. Эфемерный характер восточноазиатского регионализма проявляется и в том, что он остаётся за пределами широкого общественного обсуждения¹.

По нашей оценке, процесс формирования основных компонентов сообщества (безопасности, экономического и социокультурного) может начаться на базе уже действующих в регионе разнообразных сетей сотрудничества, а также политического процесса, активно идущего в формате АПТ и других МПО. В ходе исследования важно выяснить то, насколько возможно на практике формализовать сотрудничество в рамках сообщества. Очевидно, что оно не достигнет уровня ЕС, но заслуживает внимания гипотеза о том, что постепенно уровень институционализации будет повышаться, в результате региональная архитектура станет более комплексной, состоящей из многочисленных МПО и МНПО.

2.3. Подходы к определению международного порядка и оценке влияния политики регионализма на формирующийся порядок Восточной Азии

В интересах оценки влияния государств (через реализуемые ими проекты регионализма) на формирование регионального порядка Восточной Азии, а также оценки условий, при которых возможно изменение последнего, необходимо уточнить подходы к определению международного порядка.

¹ Evans P. Between Regionalism and Regionalization. In eds. by T.J. Pempel Remapping East Asia. – Ithaca: Cornell University, 2005. P. 206–207.

В его изучении многие исследователи отталкиваются от формулировки представителя английской школы международных отношений Хедли Булла, представившего его как «определяемое правилами регулирование межгосударственных взаимодействий, создающее и поддерживающее определённые ценности и нормы международного общества»¹. В целом, для английской школы характерно отождествление международного порядка с международным обществом, и соответственно порядок включает три базовых цели этого общества: стремление всех государств к безопасности; их заинтересованность в выполнении достигнутых соглашений; забота о сохранении суверенитета. При этом международное общество суверенных государств находится в процессе перехода к сообществу людей (т.е. к мировому сообществу) и от международного порядка к мировому. Последнее означает, что по мере такого перехода формируется международное общественное сознание и распространённое по всему миру чувство сообщества².

Сторонник этой школы Э. Харрелл разработал свой вариант трёхмерной концепции построения международного общества. Низшее звено представлено у него *минимализмом* (порядок поддерживается на основе общих интересов и не чётко определённых правил), средний уровень – *плюрализмом* (государства взаимодействуют на основе согласованных правил и норм, выполнение которых обеспечивают общие институты), высшая форма – *коммунитаризмом* (консенсус и солидарность в постановке и выполнении широкого спектра задач в коллективных интересах сообщества государств)³.

Коммунитаристская теория международного порядка базируется на трансформаторском подходе в теории международных отношений, который стремится обеспечить мировой порядок путём изменения культурно-институционального контекста, в котором существуют государства, и формирования у последних чув-

¹ Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. – New York: Columbia University Press, 1995. P. 8–16.

² Цыганков П.А. *Теория международных отношений*. – М.: Гардарики, 2002. С. 159.

³ Hurrell A. *Society and Anarchy in the 1990s*. In eds. by B. Roberson *International Society and the Development of International Relations*. – London: Pinter, 1998.

ства коллективной идентичности, общей политической и экономической судьбы и идеологии и т.п. Основная задача этого порядка – устранить условия возникновения войн и таким образом обеспечить постоянный мир на основе солидарности и общности государств, что делает применение силы нерациональным и неуместным.

Построение мирового или регионального сообщества в духе коммунитаризма может достигаться двумя основными методами:

– принятие общей политической и экономической идеологии, например, коммунизма и социализма (марксизм и неомарксизм), или демократического развития (республиканский либерализм и демократический мир);

– принятие общих культурных ценностей и общей политической и экономической судьбы (построение ЕС на основе международной экономической и политической интеграции)¹.

Первый метод, предполагающий внутреннюю трансформацию государства и изменение типа политического режима, имеет давнюю историю и глубоко укоренён в традициях марксизма и республиканского либерализма Канта. В то время, как коммунизм потерпел крах по всему миру, уходящая корнями в либерализм Канта теория демократического мира вышла на первые роли. Её ключевой аргумент заключается в том, что тип политического режима является основным определяющим фактором в вопросах войны и мира и что демократии не воюют друг с другом².

Важнейшее значение эта теория придаёт консолидации и расширению демократического сообщества. Для реализации этих планов в современном мире применяются три основных способа: интервенция (под различными предлогами), подталкивание (через поддержку заданных условий и процессов) и следование примеру (по желанию самих государств). Развязанная США в 2003 г. без санкции ООН война в Ираке является примером первого из них, и такие действия классифицируются во многих регионах мира, особенно в странах Азии, как политический империализм и угроза их государственности. Расширение демократического со-

¹ Alagappa M. The Study of International Order. In eds. by M. Alagappa Asian Security Order. – Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 60–62.

² Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. 1989. № 12 (3). P. 3–35.

общества в Европе и приём в члены ЕС осуществляется по желанию самих государств после выполнения ими комплекса предварительных условий (наличие демократии и рыночной экономики). Промежуточное положение между двумя вышеназванными занимает метод подталкивания к демократии – через оказание прямой или косвенной поддержки для формирования нужных экономических и политических условий, что было реализовано в ходе так называемых «цветных революций» на Украине, в Грузии и других странах.

Второй метод построения сообщества – международная интеграция – предусматривает радикальную трансформацию политического режима государства, ведущую к созданию наднационального сообщества. Исходной посылкой этой теории является то, что функциональные и экономические императивы сотрудничества позволяют преодолевать политические разногласия.

Реализация этой модели нашла своё отражение в европейской интеграции, изучению которой уделяли самое серьёзное внимание такие учёные, как К. Дейч, Э. Хаас, Д. Най, во многом опираясь на теорию функционализма, разработанную Д. Митрани¹. Согласно выдвинутой им концепции рамификации, функциональное сотрудничество в одной области, чаще всего оно начинается в экономической или социальной сфере, порождает потребность в таком же взаимодействии в другой области, что, в свою очередь, ведёт к необходимости создания специализированных институтов для координации процесса сотрудничества и таким образом – к ускорению процесса политической интеграции². Сторонник неофункционализма Хаас развил теорию Митрани на опыте европейской интеграции 50-х годов прошлого века, уделяя особое внимание роли наднациональных организаций в процессе развития интеграции.

Ученые разработали целостную концепцию, позволяющую определить несколько вариантов достигнутого региональными

¹ Mitrany D. Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. – London, 1946.

² Цыганков П.А. Теория международных отношений: Хрестоматия. – М., 2002. С. 316.

организациями уровня международного сотрудничества, которые определяются в соответствии с уровнем социально-экономической взаимозависимости и институционализации сотрудничества, наличием общих ценностей и культурных традиций. По уровню развития различают пять вариантов (три первых характеризуют низкие степени, два последних – высокие, включающие элементы интеграции) сотрудничества в регионах¹:

1. Региональное сотрудничество – процесс, включающий рост всех видов неправительственных связей, преимущественно в экономической области, а также взаимодействия в политической и социальной сфере.

2. Региональная общность: сходство исторических, культурных и социальных традиций, ведущее к выработке разделяемого участниками чувства принадлежности к определенному сообществу.

3. Региональное межгосударственное сотрудничество: государства заключают между собой соглашения и координируют правительственные усилия в решении общих проблем.

4. Региональная экономическая интеграция: наиболее распространенная форма, осуществляемая в интересах торговой либерализации и экономического роста (в зависимости от уровня развития, Баласса разработал четыре основных ступени этой интеграционной модели: зоны свободной торговли, таможенные союзы, общие рынки, экономические союзы)².

5. Региональная политическая интеграция: совокупное воздействие четырех вышеупомянутых процессов ведет к образованию политически единой группировки, оказывающей значительное влияние как на внутривнутриполитический курс входящих в нее государств, так и на мировой политический процесс.

При этом процесс политической интеграции включает в себя не только формирование институциональных механизмов сотрудничества и выработку процедур принятия обязательных для исполнения решений, но и формирование у членов группировки

¹ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. Vol. 21. № 4. P. 334–338.

² Balassa B. The Theory of Economic Integration.– London: Allen & Unwin, 1961.

ровок общих ценностей, социально-политического единства и культуры мирного разрешения споров¹.

Вышеприведённая модель экономической и политической интеграции создана исключительно на опыте европейской интеграции, и процесс её реализации оказался длительным и трудным. Вопреки ожиданиям неофункционалистов, для того, чтобы запустить реформы экономического характера, потребовалась сильная политическая воля лидеров государств, и в целом принятие и выполнении политических решений было главной силой, продвигавшей вперёд процесс европейской интеграции. Кроме того, члены сообщества должны были продемонстрировать приверженность демократии и рыночной экономике, что, согласно данной теории, способствует миру, безопасности и процветанию.

С учётом больших различий в доминирующих политических и экономических моделях данная теория не способна адекватно объяснить положение дел и прогнозировать подобные процессы в других регионах мира. Например, продвижение демократии западного типа в странах Азии рассматривается как угроза их государственности. Что касается Восточной Азии, то сотрудничество в финансовой сфере оказалось здесь более насущной задачей, чем либерализация торговых отношений, и оно получило приоритетное развитие, не дожидаясь создания таможенного союза и даже зоны свободной торговли. Таким образом, необходимо признать отсутствие установленных этапов и стандартного процесса интеграции, модели реализации которой в различных обстоятельствах широко варьируются.

Важным инструментом для прогнозирования моделей регионального порядка представляется критическая теория, позволяющая выстроить спектр или континуум порядка и выявить изменения в его организации. С учётом наработок представителей этой теории и английской школы, Мутаяй Алагаппа определил международный порядок как «формальное или неформальное регулирование, обеспечивающее определяемое правилами

¹ Butler F. Defining Regionalism and Integration. In eds. by Baylis J., Smith S. The Globalization of World Politics, – Oxford, 1997. P. 411.

взаимодействие суверенных государств для достижения ими частных и общих целей». При этом исследователь подчёркивает два момента. Во-первых, порядок не является какой-то идеальной субстанцией, а отражает степень его достижения. Его спектр простирается от тотального беспорядка, сравнимого с законом джунглей, до политического сообщества, объединенного главенством закона. Во-вторых, порядок не возникает ниоткуда. Он создаётся в ходе исторического процесса, динамично изменяется через борьбу, конфликт, сотрудничество, а его тип варьируется исходя из основополагающего принципа международной системы и динамики международной политики, определяемой духовными и материальными факторами¹.

В определении международного порядка Алагатта делает акцент на «определяемое правилами взаимодействие», подчёркивая, что оно осуществляется государствами системно, на основе установленных правил, к которым могут относиться международные принципы, нормы, процедуры, законы и пр. Для того чтобы обеспечить взаимодействие на основе установленных правил, должны быть удовлетворены следующие условия:

– правила должны существовать и быть понятными для участников, они должны быть признаны участниками либо формально, либо в ходе практических действий;

– поведение всех государств должно соответствовать правилам, а за их нарушение должно следовать неминуемое наказание;

– применение силы не исключается, но осуществляется в соответствии с принятыми принципами, нормами и процедурами.

Базовые правила сосуществования и сотрудничества государств вырабатываются с течением времени, и в зависимости от условий и целей международного социального взаимодействия эти правила и соответствующие им типы международного порядка широко варьируются во времени и пространстве. Базируясь на работах представителей английской школы (Булл, Хар-

¹ Alagappa M. The Study of International Order. In eds. by M. Alagappa Asian Security Order. – Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 39–41.

релл), Алагатта предложил три основных типа мирового и регионального порядка (инструментальный, нормативно-контрактный и коммунитаристский), которых мы будем придерживаться в этой работе. Предложенные типы порядка коррелируют с тремя основными парадигмами в изучении международных отношений (неореализм, неолиберализм и неомарксизм соответственно).

Ведущие государства широко понимаемого региона Восточной Азии в своем видении тяготеют к инструментальному региональному порядку безопасности, при этом политику единственной супердержавы (США) во многом отражает концепция гегемонии с чертами либерализма; великие державы (КНР, Япония, Россия) в подходах к региональному порядку опираются на концепции баланса силы (и до известной степени – концерта) и институционализма. Для средних и малых государств Восточной Азии больше характерен институционализм¹. Безусловно, предложенная трактовка является упрощенной. Так, страны часто одновременно используют концепции баланса силы и концерта в рамках инструментального подхода; государство-лидер может применять концепцию гегемонии на мировом уровне и баланса силы – на региональном и т.п.

Рассмотрев основные концепции, использованные в этом исследовании, необходимо сформулировать теоретический подход, который позволит:

- оценить влияние регионализма на модели и содержание формирующегося порядка Восточной Азии;
- прояснить условия, которые необходимы для качественного изменения этого порядка.

Резкие изменения в распределении мощи и интересах великих держав, что в рационалистических парадигмах является основным признаком для объяснения изменений внутри порядка, помогают обосновать трансформацию биполярного мира в однополярный, произошедшую по окончании «холодной войны». Но изменения в распределении мощи не способны определить

¹ Alagappa M. Constructing Security Order in Asia. In eds. by M. Alagappa Asian Security Order. – Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 72–73.

содержание будущего порядка, и для её решения мы обратимся к критической теории, сторонники которой полагают, что содержание будущего порядка во многом зависит от ценностей и идей, определяющих политические и экономические идентичности ведущих мировых держав. Региональный порядок достигается за счёт концептуализации «идеологии регионализма» как политики и проекта, в которых государства и неправительственные акторы сотрудничают в интересах создания структур регионального управления.

Таким образом, сторонники этого подхода подключают нормативные элементы и теоретический аппарат либерального институционализма и конструктивизма¹. При этом они, как правило, разрабатывают последовательные этапы или континуум регионального порядка, кульминацией которого является создание новой региональной организации или сообщества безопасности.

Изменения в рамках одного типа порядка или смена самого типа порядка могут быть вызваны качественными изменениями трёх его основных параметров: организационного принципа устройства системы; распределения силы; идейного наполнения и легитимности. Изменения, например, от биполярности к гегемонии и наоборот, происходят в рамках одного инструментального порядка, так как, хотя меняется формат, его базовые принципы остаются в силе.

Смена же самого порядка требует фундаментальных изменений его ключевых элементов: целей, инструментов и концепций. Так, смена инструментального порядка на нормативно-контрактный потребует перехода от частных целей, силового подхода и простого сосуществования государств к общим целям и сотрудничеству на основе согласованных норм и правил. Смена нормативно-контрактного порядка на коммунитаристский, в свою очередь, потребует принципиального изменения идеологии государств, усиления их социальной сплочённости и готовности разделить свою экономическую и политическую судьбу и,

¹ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. № 21. P. 331–358.

более того, поделиться частью государственного суверенитета с соседями по региону.

При этом сам факт и содержание изменений, происходящих, как в рамках одного порядка, так и даже смену самого порядка в целом, не всегда возможно определить сразу, так как чёткие критерии легко установить в теории, но трудно определить, соответствуют ли им произошедшие изменения или нет. Поэтому часто определение сути и характера изменений мирового или регионального порядков является спорным вопросом, получающим различные интерпретации экспертов.

Резюмируя, можно отметить, что взаимоотношения между мощью, интересами и идеями носят комплексный характер, и последние становятся доминирующими только при условии, что их выдвигают наиболее сильные и они учитывают интересы ведущих акторов, которым должен соответствовать новый порядок¹. При этом изменение идей носит постепенный и эволюционный характер. Более радикальное изменение наступает тогда, когда происходят изменения в распределении мощи и интересов доминирующих держав, и в этой обстановке содержание нового порядка во многом и определяется ценностными установками новых доминирующих держав или державы².

¹ Krasner S. Westphalia and All That. In eds. By J. Goldstein, R. Keohane Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change. – Ithaca: Cornell University Press, 1993.

² Alagappa M. The Study of International Order. In eds. by M. Alagappa Asian Security Order. – Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 66.

Глава 3. ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ И СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Исследование международных организаций и прогноз развития Восточной Азии невозможны без сравнения с более ранним опытом АСЕАН, которая стала базовой для формирования всех институтов восточноазиатского регионализма. Для того чтобы глубже уяснить серьезные противоречия и застарелые проблемы, с которыми сталкиваются ведущие государства (в первую очередь, Китай и Япония) при организации регионального сотрудничества, необходимо обратиться к опыту многосторонних институтов Северо-Восточной Азии. Особое внимание необходимо уделить также изучению конкурирующих с межправительственными организациями Восточной Азии институтов открытого азиатско-тихоокеанского регионализма (АТЭС и АРФ). Этой проблематике и посвящена третья глава монографии.

3.1. АСЕАН как базовая модель для институтов многостороннего сотрудничества Восточной Азии

АСЕАН является успешной региональной МПО, проявившей себя как основной фокус и инициатор развития многостороннего

сотрудничества в Восточной Азии¹. История АСЕАН отражает изменения в подходах государств к созданию регионального порядка и служит примером для других МПО, способных сыграть подобную роль в формировании идентичности Восточной Азии. При всех своих недостатках этот институт был и остаётся наиболее долговременной МПО, оказавшей важнейшее влияние на формирование ЮВА как самостоятельного и значимого региона.

Последний тезис представляется особенно актуальным с учётом того, что сама идея выделения Юго-Восточной Азии в самостоятельный регион является сравнительно новым феноменом и во многом является следствием исторической случайности, когда на его формирование огромное значение оказали внешние факторы. Дело в том, что сам термин «Юго-Восточная Азия» был впервые применён британцами (внешним актором) во время второй мировой войны. Они использовали его для характеристики стран, которые сегодня входят в состав АСЕАН, в ходе боёв с японцами в Бирме и прилегающих районах². Вот почему осознанная постановка цели и создание региональных институтов столь необходимы и во многом определяют региональные порядки.

Формирование в 1967 г. АСЕАН вполне укладывается в рамки теории «старого регионализма». В условиях разгара «холодной войны», приводившей к реальным военным конфликтам между капиталистическими и социалистическими странами, государства принимали все возможные меры для защиты полученной независимости и противостояния гегемонизму. С другой стороны, становление Европейского Сообщества (в настоящее время – Европейский Союз) вызвало практический интерес к региональной интеграции в других регионах, в том числе в ЮВА.

Таким образом, комбинация хрупкости политических режимов стран региона и их большой подверженности агрессии или вмешательства со стороны внешних сил стали катализатором регионализма ЮВА, который, по замыслу создателей этой МПО, должен способствовать стабилизации региона как в экономиче-

¹ АСЕАН создан в 1967 г., когда в него вошли Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Позднее к ним присоединились: в 1984 г. – Бруней, в 1995 г. – Вьетнам, в 1997 г. – Лаос и Мьянма, и в 1999 г. – Камбоджа (см. приложение 1).

² Emmerson D. Southeast Asia: What's in a Name? // Journal of Southeast Asian Studies. 1984. № 15(1). P. 1–21.

ской сфере, так и в области безопасности¹. Новая МПО предоставила своим членам возросшие возможности совместного реагирования на общие угрозы. Тот факт, что впоследствии они не так часто прибегали к этому, свидетельствует о многочисленных вызовах, продолжающих сдерживать региональное сотрудничество.

Основной упор в основополагающей Бангкокской декларации АСЕАН (1967 г.) был сделан на развитие экономического, технического и культурного сотрудничества. Однако в подтексте ясно просматривалось стремление участников усилить внутреннюю и региональную безопасность, а экономическое сотрудничество, скорее, рассматривалось как средство для решения этой задачи. Первый период развития АСЕАН (1967–1975 гг.) протекал не очень гладко, что было неудивительно для экспертов, так как предыдущие попытки создания региональных институтов сотрудничества, например, Ассоциации Юго-Восточной Азии (Таиланд, Малайзия, Филиппины) и Инициативы МАРPHILINDO (Малайзия, Филиппины, Индонезия), потерпели крах из-за конфликтов между членами организаций. Несмотря на неудачи этих попыток, они стали предпосылками для создания АСЕАН, которая позднее использовала апробированные ими принципы деятельности².

Во второй фазе развития (1975 – начало 1990-х годов) региональный и международный статус АСЕАН стал расти. Важную роль в этом сыграло подписание в 1976 г. Декларации Согласия (Concord) АСЕАН и Договора о дружбе и сотрудничестве, уточнивших цели и задачи организации. Успешное вмешательство АСЕАН в 80-е годы в процесс урегулирования вооружённого конфликта между Вьетнамом и Камбоджей укрепило международную репутацию МПО как одной из наиболее успешных в незападном мире. В то же время следует отметить, что этот крупный дипломатический успех АСЕАН был вызван тем, что при разрешении проблемы интересы стран МПО совпали с политическими предпочтениями более сильных игроков (США и КНР). Говорить же о том, что эти державы изменили подходы и поведе-

¹ Frost F. Introduction: ASEAN since 1967 – origins, evolution and recent developments. In eds. by A. Broinowski ASEAN into the 1990s. – London: Macmillan, 1990. P. 1–31.

² Weatherbee D. International Relations in Southeast Asia: The Struggle for Autonomy. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. P. 69.

ние под воздействием деятельности АСЕАН, было бы сильным преувеличением.

В этой связи важно отметить, что находящиеся в геополитическом окружении крупных региональных держав страны АСЕАН постоянно стремились позиционироваться в качестве системообразующего центра или ядра, вокруг которого выстраиваются вновь создаваемые региональные МПО, такие как АРФ, АСЕМ, АПТ, Саммит Восточной Азии. Довольно часто лидеры стран АСЕАН заявляли о необходимости удержать в новых организациях место коллективного лидера, сохраняя за собой, по их выражению, «место водителя». Однако когда в эти новые «машины» (АПТ, Саммит Восточной Азии и другие) сели такие крупногабаритные «пассажиры», как Китай, Япония и другие, эта задача становится для АСЕАН всё более трудно разрешимой.

Стремлением усилить политико-экономический вес и выступить в качестве глобального актора можно объяснить и растущий список стран, являющихся официальными партнёрами по диалогу АСЕАН. Об этом же свидетельствует и ускоренный прием в состав организации всего за четыре года (1995–1999 гг.) четырёх новых членов из бывшего коммунистического лагеря – Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Взаимное притяжение между этими странами было столь велико, что последние были приняты в АСЕАН, в отличие от опыта ЕС, без выполнения каких-то предварительных требований или условий, в том числе идеологического характера. Таким путём АСЕАН разрешил характерную для большинства МПО проблему институционального членства: в неё вступили все страны ЮВА, кроме недавно получившего государственную независимость Восточного Тимора.

За долгие годы деятельности был выработан общий набор институциональных норм, идейных и организационных принципов МПО, получивший обобщённое название «путь АСЕАН» (the ASEAN Way). Последний, с одной стороны, способствовал живучести МПО, с другой – стал причиной её невысокой эффективности. Поведенческие нормы «пути АСЕАН» проистекают из пары индонезийских (по другим оценкам – малайских) концепций: диалога «мушаварах» (musyawarah) и консенсуса «муфакат» (muafakat). Сам термин, трактовки которого разнятся, охотно применяется лидерами стран АСЕАН для характеристики их об-

щения между собой, в отличие от многосторонних форматов, применяемых на Западе.

Известный эксперт Амитав Ачара характеризует «путь АСЕАН» как «процесс региональных взаимодействий и сотрудничества, базирующийся на постепенности, неформальности, консенсусе, личных политических связях, неконфронтационной манере ведения переговоров, большей значимости процесса по сравнению с результатом»¹. Такой формат общения практически исключает для местных элит возможность «потери лица» в процессе диалога и сильно контрастирует с западной моделью, для которой характерны жёсткое соперничество и чёткая юридическая основа. В принятой модели скорость продвижения МПО в решении задач определяется темпом «последнего верблюда в караване», а основополагающим является принцип невмешательства во внутренние дела членов организации, исходя из безусловности суверенитета государств.

Однако по мере развития организации эти нормы и ценности не оставались статичными, начиная с середины 1990-х годов, члены АСЕАН стали вести дебаты по поводу целесообразности изменения подходов к принципу невмешательства. Так, в 1998 г. бывший в то время премьер-министром Таиланда Сурин Питсуван предложил новый подход, получивший название «гибкого втягивания» («flexible engagement»), который позволяет странам АСЕАН давать комментарии по поводу внутривосточных событий в других государствах-членах этой организации и даже рекомендовать им предпринять определённые действия в случае, если эти вопросы напрямую или косвенно затрагивают общие интересы участников².

Хотя большинство стран АСЕАН не поддержало предложение Таиланда в полном объёме, был выработан общий подход, названный «усиленное взаимодействие» («enhanced interaction»), который позволяет странам АСЕАН давать комментарии по по-

¹ Acharya A. Culture, Security, Multilateralism: The “ASEAN Way” and Regional Order. In eds. by K. Krause Culture and Security: Multilateralism, Arms Control, and Security Building. – London: Frank Cass, 1999. P. 55–84.

² Pitsuwat S. Currency Turmoil in Asia: the Strategic Impact // Remarks made at the Asia Pacific Roundtable. – Malaysia, Kuala-Lumpur, 1 June 1998.

воду внутривосточных событий в других государствах-членах МПО, но не разрешает прямую интервенцию.

Уже в 1999 г. странам АСЕАН пришлось вернуться к этому вызову, когда всплеск насилия в Восточном Тиморе остро поставил перед ними вопрос: как далеко могут пойти члены МПО и могут ли они напрямую включиться в решение проблемы. Возникшая ситуация была чрезвычайно чувствительной для стран АСЕАН, и прецедент (возможная интервенция этих государств на территорию Индонезии) не был создан, а возглавить усилия по подавлению насилия пришлось ООН. Этот опыт свидетельствует о стремлении членов АСЕАН перепоручить решение наиболее чувствительных проблем международным организациям, обладающим легитимными полномочиями добиться результата, а значит, и о хрупкости региональных механизмов безопасности, и необходимости подходить к решению подобных проблем осторожно и без спешки¹.

За последние семь-восемь лет страны этого субрегиона демонстрируют ежегодный рост ВВП на уровне 4–7%. При этом наиболее высокие темпы роста зафиксированы во Вьетнаме, Сингапуре и Индонезии (6–7%). К менее благополучным следует отнести Мьянму, Камбоджу, Филиппины и др. Что касается экономического сотрудничества внутри АСЕАН, то оно ограничено рядом факторов, в первую очередь, схожей страновой структурой экспорта и импорта, то есть их основные партнёры находятся за пределами региона (США, ЕС, Япония, КНР), а торговая взаимозависимость между странами МПО весьма незначительна. Из старожилов АСЕАН в положительную сторону можно выделить только Сингапур и Малайзию, имеющих наибольшие объёмы взаимных товарных потоков и растущий товарооборот с Таиландом. Индонезия и Филиппины, напротив, ведут себя на внутриазиатском рынке очень пассивно².

Ещё одна проблема, которую можно проанализировать на опыте АСЕАН, – это возможности средних и малых стран оказы-

¹ Curley M., Thomas N. Introduction. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 10.

² Кузнецова Н. Процессы экономической интеграции в АТР: сотрудничество и соперничество // *Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Отв. ред. В. Соколов*. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 315–316.

вать влияние на ход регионального развития. Со времени образования АСЕАН между его членами не произошло ни одного серьёзного конфликта, есть основания полагать, что в этом большая заслуга данной МПО, способствовавшей стабильности в ЮВА. В то же время достижения АСЕАН весьма скромны, а её благоприятные перспективы не очевидны. Институциональные возможности АСЕАН реально влияют на политические процессы в регионе будут подрываться с двух направлений. С одной стороны, расширение АСЕАН привело к почти непреодолимым сложностям в социализации новых членов, таких как Мьянма. С другой – появление всеобъемлющих региональных институтов, таких как АПТ, угрожает АСЕАН превращением в малозначимое собрание в рамках более крупной структуры¹.

Так, произошедшие в Мьянме протесты против правящей военной хунты и их жестокое подавление инициировали жёсткую критику многих государств мира, но не вызвали решительных действий со стороны АСЕАН, направленных на восстановление демократических свобод в этой стране. Всё это серьёзно ухудшило политический фон, на котором в ноябре 2007 г. прошёл юбилейный Саммит АСЕАН, а принятый по его результатам Устав АСЕАН стал компромиссом, который выразился в том, что, хотя теоретически в нём предполагалось учесть опыт интеграции ЕС², в тексте документа остались только пожелания.

Во время разработки так называемой «группой мудрецов» Устава АСЕАН её члены планировали подготовить юридически обязывающий документ, разрешающий наложение санкций на членов, грубо нарушающих демократические права и свободы, и вводящий правило принятия решений на основе большинства. Ничего из этих предложений не попало в текст Устава. Защита прав и свобод граждан названа в качестве приоритета АСЕАН, однако основополагающие принципы невмешательства во внут-

¹ Narine S. ASEAN into the twenty first century: problems and prospects // Pacific Review. 1999. № 12 (3). P. 357–380.

² Отношение к этой МПО в странах АСЕАН носит двойственный характер: с одной стороны, ЕС является для них вдохновляющим примером, с другой – объектом ревности, так как его успехи, по заявлениям лидеров и экспертов стран АСЕАН, невозможно повторить в силу различия условий между ЮВА и Западной Европой.

ренные дела стран-членов и принятия решений консенсусом остались незабытыми¹.

Тем не менее, к достижениям саммита следует отнести принятие важных программных документов: Устава и программы экономического развития. Последняя предусматривает формирование к 2015 г. экономического сообщества АСЕАН, представляющего собой общий рынок и объединённую производственную базу стран МПО, полностью интегрированных в мировое сообщество. Страны-участники, вдохновлённые успехом в разработке этого документа, поручили соответствующим министерствам разработать и представить к рассмотрению на очередном саммите АСЕАН, который планировалось провести в конце 2008 г. в Таиланде, программы построения к 2015 г. сообществ АСЕАН в области безопасности и социокультурной сфере.

Другим важным результатом саммита стало институциональное укрепление АСЕАН, выразившееся в решениях о назначении странами-членами постоянных представителей в секретариат организации, более регулярном проведении саммитов МПО (каждые полгода вместо ежегодных), совершенствовании информационной инфраструктуры секретариата и укреплении механизма разрешения споров по выполнению принятых экономических правил и решений. В то же время надо учитывать, что утверждённый на саммите 2007 г. Устав АСЕАН ещё должен пройти процедуру ратификации странами-участниками.

Большую важность самого документа, а также его скорейшей ратификации отмечал бывший министр иностранных дел Таиланда Сурин Питсуван, утверждённый на прошедшем саммите новым Генеральным секретарём АСЕАН. По его оценке, в Уставе изложены конкретные шаги, которые должны сделать страны АСЕАН на пути от диалога и консультаций к решению стратегических задач, позволяющих этой МПО играть роль регионального лидера. Только ратификация и выполнение положений Устава сделают АСЕАН релевантным для решения стоящих перед ним политических, экономических и социальных задач, в том числе таких, как: достижение странами-участницами стабильного экономического роста, обеспечение необходимого баланса между

¹ Сумский В.В. АСЕАН на рубеже сорокалетия // Север – Юг – Россия 2007: Ежегодник / Под ред. В.В. Сумского и В.Г. Хороса. – М.: ИМЭМО, 2008. С. 97–107.

такими глобальными державами, как США, Япония, Китай и Индия, а также большего понимания между мусульманским и западным мирами (половина населения стран АСЕАН – мусульмане, большинство из которых придерживаются умеренных, а не фундаменталистских взглядов)¹.

По иронии судьбы страна, которую Сурин представляет (Таиланд), переживающая после азиатского финансового кризиса периоды политической нестабильности, в известной степени затормозила выполнения этих амбициозных задач. Очередной 14-й Саммит АСЕАН должен был пройти 15–18 декабря в Таиланде, однако, в связи острейшим политическим кризисом, власти страны приняли решение перенести его на март 2009 г. Это сообщение последовало после того, как Конституционный суд Таиланда удовлетворил иск оппозиции и принял решение о роспуске правящей Партии народной власти. В соответствии с этим решением действующий премьер Сомчат Вонгсават и ряд других политиков правящей партии на пять лет лишаются права заниматься политической деятельностью, что неизбежно приведет к серьезным перестановкам в правительстве.

Что касается отношений России с АСЕАН, то с середины 90-х годов во внешнеполитическом курсе страны их значение существенно выросло. В 1996-1998 гг., когда министром иностранных дел был Евгений Примаков, Россия стала полноправным партнёром по диалогу АСЕАН и членом АТЭС, что подтвердило её признание в качестве серьёзного актора, имеющего право участвовать в решении региональных проблем.

Примаков признал в АСЕАН один из полюсов современного мира, играющий ключевую роль в интеграционных процессах АТР и Восточной Азии и способный выступить механизмом для подключения к ним России. В последующие годы президент России Путин и министр иностранных дел Лавров и дальше способствовали развитию сотрудничества России со странами АСЕАН в многостороннем формате, стремясь выстроить надёжную систему региональной безопасности и вступить в ряд новых региональ-

¹ Pitsuvan S. Charter Key to ASEAN Revitalization // Observer, Winter 2008, East-West Center. P. 7.

ных МПО, создание которых инициировали страны АСЕАН, в которых отсутствует доминирование США¹.

Сталкиваясь со сложными проблемами в развитии многостороннего сотрудничества в СВА, Россия, так же как и страны «северной тройки» (Китай, Япония, РК), почувствовала, что эффективный путь для включения в процессы восточноазиатского регионализма может лежать не только через СВА, но и через сотрудничество со странами АСЕАН. При этом и основной «проводник» при движении в сторону формирующегося региона Восточной Азии у всех оказался один и тот же – премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад, роль которого во втягивании Китая и Японии в становление регионализма Восточной Азии подробно описана в следующей главе.

Махатир приложил серьёзные усилия для повышения статуса Москвы в глазах сообщества стран АСЕАН, надеясь таким образом сбалансировать доминирование в регионе США, которые, по его мнению, демонизировали китайскую угрозу, что могло вызвать поляризацию стран и подрыв единства АСЕАН. В период президентства Б. Ельцина Россия была очень заинтересована в продаже вооружений в ЮВА, чтобы обеспечить выживание ВПК и пополнить валютные резервы. После распада СССР Москва предлагала странам региона свое относительно недорогое оружие, часть оплаты за которое была готова получать не валютой, а товарной продукцией.

Большинство стран ЮВА были связаны долговременными отношениями в этой сфере с США и первоначально не были готовы принять предложения Москвы, поэтому особенно важен был прорыв, когда в 1994 г. Малайзия подписала с РФ соглашение о покупке партии из 18 истребителей МИГ-29 общей стоимостью \$550 млн. Вдохновлённая этим примером Индонезия в 1997 г. заключила соглашение с РФ о покупке 12 штурмовиков СУ-30 и 8 вертолётов МИ-17. Вьетнам в 1995-1997 гг. также приобрёл у России 12 штурмовиков СУ-27. Однако в связи с азиат-

¹ Kato Mihoko Russia's Multilateral Diplomacy in the Process of Asia-Pacific Regional Integration: The significance of ASEAN for Russia. In eds. by Iwashita Akihiro *Eager Eyes Fixed on Eurasia*. – Vol. 2, Hokkaido University: Slavic Research Center, 2007. P. 145.

ским финансовым кризисом 1997 г. выполнение соглашений столкнулось с серьёзными трудностями¹.

В экономической сфере также наметился прогресс, однако проблема была в том, что позитивное развитие началось от очень низкого базового уровня. Так, торговый оборот между Россией и АСЕАН вырос с одного млрд в 1998 г. до 3,1 млрд амер. долларов в 2004. Однако даже такой рост не позволил догнать уровень товарооборота АСЕАН, например с Новой Зеландией, который в 2004 г. составил 3,5 млрд амер. долларов. При этом российский экспорт в страны АСЕАН составил в 2004 г. всего 1% от международного товарооборота страны, а для АСЕАН в этом же году аналогичный показатель составил лишь 0,3%².

Существенное улучшение этих показателей является важной задачей для России, так как в соответствии с официально утверждёнными критериями членства в большинстве организаций с участием АСЕАН, например в Саммите Восточной Азии, наличие у страны кандидата на вступление тесных взаимоотношений со странами ЮВА, в том числе в экономической области, является обязательным. Взаимные усилия для решения этой задачи, в первую очередь, со стороны РФ, сделают её для стран АСЕАН более привлекательным партнёром в многосторонних организациях регионального сотрудничества Восточной Азии.

3.2. «Туманган» и КЕДО как модели межправительственного сотрудничества СВА на принципах «естественной экономической территории» и функционального подхода

Повышенное внимание к Северо-Восточной Азии вызвано тем, что, с одной стороны, здесь пересекаются геополитические интересы наиболее значимых акторов мировой и региональной политики (КНР, РФ, США, Японии), и это объективно препятствует быстрому развитию интеграционных тенденций, особенно

¹ Buszynski L. Russia and Southeast Asia. In eds. by Hiroshi Kimura Russia's Shift toward Asia. – Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. P. 187–191.

² ASEAN Statistical Year Book 2005. – Jakarta: ASEAN Secretariat, 2005. P. 70–73.

на правительственном уровне. С другой стороны, только этот регион может способствовать включению Дальнего Востока РФ в процесс международного сотрудничества.

Политические и экономические предпосылки формирования в СВА единого региона, хотя и имеют место, но находятся пока в зачаточном состоянии. Исходя из этого ученые определяют границы региона с учетом складывающихся геополитических интересов и включают в его состав еще несколько государств, географически находящихся за его пределами.

В научной литературе можно выделить несколько подходов к определению понятия этого региона. Наиболее распространенным из них является вариант, включающий в состав СВА следующие государства и отдельные территории: Северо-Восточный Китай (провинции Хейлунцзян, Цзилинь и Ляонин), Дальний Восток России, Японию, РК, КНДР и Монголию¹. В таком варианте площадь региона составит 8,28 млн кв. км (20% всей площади суши Восточной Азии), а общая численность населения – 300 млн человек (10% численности населения Азии).

Расширительное толкование региона характерно для китайских ученых, которые в некоторых случаях включают в его состав не только Северо-Восточный, но и Северный Китай (города центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь, провинции Хэбэй и Шаньдун, автономный район Внутренняя Монголия), ДВ РФ, Японию, РК, КНДР, Монголию². В отдельных случаях иностранные ученые расширительно трактуют и российский компонент, включая в состав СВА еще и Сибирь³, рассчитывая получить надёжный доступ к природным запасам этого региона. Наличие и возможность хозяйственного освоения природных ресурсов, локализованных на какой-либо территории, служит естественным основанием для перестройки геопространства и формирования регионов.

¹ Интересы России и перспективы сотрудничества в СВА / Под ред. М.Л. Титаренко // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 5.

² Guo Li Sino-Russian Trade and the Regional Rconomic Integration in Northeast Asia // Paper prepared for the North East Asia Regional Cooperation Conference. – Toronto, Canada, 2001. С. 28.

³ Rozman G. Restarting Regionalism in Northeast Asia. University of British Columbia. – Vancouver, 2000. P. 15–17.

Напротив, ряд американских, японских и других ученых предлагают включать в понятие региона СВА только те страны и территории, которые либо непосредственно прилегают к Японскому морю, либо тесно связаны с его прибрежными районами. Такой подход, получивший название японо-морского, включает в состав региона Дальний Восток России, Северо-Восточный Китай, КНДР, РК и японо-морские префектуры Японии¹.

Существует еще так называемый североамериканский подход, особенно характерный для канадских ученых. Последние с учетом геополитических интересов предлагают оперировать понятием Северной части Тихого океана (Northern Pacific), который дополнительно включает в свой состав страны Северной Америки, в первую очередь, США и Канаду. Подобный подход свидетельствует о стремлении Оттавы не остаться за рамками СВА, в то время как для Вашингтона эта проблема не является столь же актуальной, так как ученые большинства государств, учитывая наличие у США серьезных политико-экономических интересов и обязательств в СВА, считают правомерным включение этой страны в состав региона², несмотря на то, что её территория находится за его пределами.

Согласие с правомерностью формирования геополитического пространства Северной части Тихого океана недавно продемонстрировали и дальневосточные ученые, выпустив монографию «Геополитическое развитие Северной Пацифики»³. Помимо прочего, такая логика конструирования геополитического региона, как минимум, позволяет Дальнему Востоку России со всеми своими проблемами не выпасть за его рамки, как на институциональном уровне произошло с Восточной Азией.

Современную ситуацию в СВА можно охарактеризовать как процесс формирования международно-политического региона, характеризующегося наличием ряда серьёзных проблем в области безопасности. С точки зрения российского участия особенно

¹ Огава К. Перспектива развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 4.

² Batbayar T. Mongolian Perspectives on Northeast Asian Regional Development. In eds. by Akaha T. Politics and Economics in Northeast Asia. – NY., 1999. P. 222.

³ Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волыничук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики. – Владивосток: Дальнаука, 2007.

важно состояние межкорейских отношений, так как их неурегулированность блокирует переход ряда инициатив регионального сотрудничества из теоретической в практическую плоскость.

Перспективы регионального сотрудничества в СВА характеризуются экспертами в рамках широкой шкалы оценок: от пессимистичных до вполне оптимистичных. К более осторожным оценкам склонны независимые эксперты (например, российские ученые В. Ларин, В. Гельбрас, американцы Ц. Акаха, Г. Розман, японец Х. Кимура и др.). Среди них заслуживают внимания выводы Ц. Акаха, выделяющего пять основных факторов, препятствующих развитию международного сотрудничества в регионе:

- негативный исторический опыт в восприятии странами друг друга;

- нестабильность взаимоотношений ведущих стран региона, в процессе формирования которых преобладают глобальные, а не региональные интересы;

- авторитарная мощь государства, превалирующая над силами гражданского общества, что ограничивает интегрирующее воздействие международных экономических связей и социальных обменов;

- большое влияние проявлений национализма и территориальных проблем, сдерживающих международные инициативы неправительственных участников и другие направления развития международного сотрудничества;

- значительные различия в государственном устройстве, социально-общественной структуре и уровне экономического развития¹.

На этом основании он заключает, что «СВА остается географическим понятием, не являясь ни политической единицей, ни интегрированным регионом. Как следствие этого, в СВА отсутствуют институциональные рамки для многостороннего сотрудничества, и большинство усилий по координации политики государств осуществляется по двусторонним каналам»². При этом межгосударственные противоречия усиливаются наличием как цивилизационных (между Россией и другими странами), так и культурных конфликтов (между Китаем, Японией и Корейскими государствами).

¹ Akaha T. Non-Traditional Security Cooperation in Northeast Asia // United Nations University Seminar on Non-Traditional Security in Northeast Asia: the Institutional Dimension. – Singapore, 2001. P. 8–9.

² Ibid. P. 9.

К схожим аргументам прибегает и В. Ларин, который считает, что принадлежащая к ортодоксальной христианской культуре Россия не воспринимается как равный партнер в Восточной Азии, где набирают силы процессы «азиатизации Азии», основанные на стремлении защитить свои культурные ценности от наступления западной массовой культуры. Он полагает, что «экономическая интеграция нашего Дальнего Востока в Восточную Азию трудна, но возможна, политическая – проблематична, культурная – нереальна». Вместе с тем отмечает, что «тесное взаимодействие со странами региона – это оптимальный, а может, и единственный шанс для наших Дальневосточных территорий решить свои многочисленные экономические и социальные проблемы»¹.

В то же время заслуживает внимания мнение Р. Скалапино, который в качестве главной угрозы безопасности и развития СВА на перспективу определил совокупное воздействие проблем перенаселения, ухудшения экологии и нехватки источников электроэнергии, продовольствия и питьевой воды². Главным источником транснациональных угроз безопасности, по его мнению, может стать Китай, уже сегодня испытывающий дефицит многих природных ресурсов, а энергетические потребности которого к 2015 г. (по сравнению с 1995 г.) утроятся. В том, что эти угрозы не преувеличены, можно убедиться, ознакомившись с особенностями современной китайской экономики. Ежегодно под угрозой возникновения серьезных социальных проблем КНР обязана создавать десятки миллионов новых рабочих мест, что обеспечивают только максимально возможные темпы ежегодного экономического роста.

Оптимистичные оценки, в которых основной акцент делается на потенциальных возможностях сотрудничества в СВА, более характерны для представителей МПО, например ПРООН, а также МНПО экономической направленности, профессионально разрабатывающих проекты регионального развития, и некоторых экспертов³. Председатель Экономического Форума СВА (Гонолулу,

¹ Ларин В.Л. Дальний Восток России и страны АТР: проблемы взаимодействия // Морской сборник. 1999. № 4. С. 13.

² Scalapino R. Northeast Asia at a Historical Turning Point. In eds. by Akaha T. Politics and Economics in Northeast Asia. – NY, 1999. P. XXI–XXII.

³ По нашему мнению, представителей этих групп можно отнести к категории «оптимистов по должности», так как при противоположном варианте аргументации их деятельность во многом теряет смысл.

Гавайи) Ли-Джей Чо, например, так афористично охарактеризовал его перспективы: «СВА обладает огромным потенциалом из-за различий в уровне развития, как между странами, так и на провинциальном уровне. Различия, при их правильном использовании, генерируют энергию и новые возможности, подобно тому, как покоряют быструю реку для производства электроэнергии»¹. Некоторые из российских ученых, например, П. Бакланов, не соглашаясь с аргументацией Акахи или Ларина, также склонны полагать, что большие различия в культуре, традициях народов, уровнях социально-экономического развития, численности и плотности населения, являются не препятствиями, а скорее предпосылками интеграции Дальнего Востока России в СВА².

Многие эксперты сходятся во мнении, что основой новой системы экономического сотрудничества в СВА могла бы стать комбинация в едином экономическом комплексе богатых энергетических ресурсов дальневосточных краев и областей России, значительных ресурсов дешевой рабочей силы Китая и КНДР, капиталов и технологии Японии и Республики Кореи. Эти оценки нашли свое отражение в выдвинутых во второй половине 80-х гг. концепциях экономической интеграции СВА: «Кольца Желтого моря» и «Кольца Японского моря». Обе концепции предусматривают создание «полюсов роста», где концентрируются передовые технологии и формы хозяйственной деятельности.

Сутью концепции «Кольца Японского моря» является ускорение экономического развития прилегающих к японо-морскому побережью территорий России, Китая, Японии, КНДР и Республики Корея³. К числу крупномасштабных проектов в рамках этой концепции относятся: развитие района реки Туманной – с участием России, КНР, КНДР и РК (проект «Туманган»), развитие зоны морского порта Далянь (КНР, провинция Ляонин), форми-

¹ Cho L. Opening Remarks // Proceedings of the 9th NEAEF. – Tianjin, 1999. P. 5.

² Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. – Владивосток: ДВГАЭУ, 2001. С. 11.

³ Процессы экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и их значение для развития Дальнего Востока // Информационно-аналитическая справка / Российский институт стратегических исследований. – М., 1996. С. 11.

рование сельскохозяйственного района в долине Саньцзянпин (КНР, провинция Хэйлунцзян), освоение и разработка ресурсов природного газа на шельфе о. Сахалин, разработка лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, и ряд других.

Япония играла основную роль в разработке данной концепции, реализация которой способна принести Токио такие экономические выгоды, как диверсификация источников поступления электроэнергии, снижение международных транспортных издержек, улучшение экологической обстановки в регионе. В то же время в самой Японии не выработана единая позиция относительно приоритетов сотрудничества с СВА. С одной стороны, вышеназванная концепция пропагандируется научными и политическими кругами японо-морских префектур. С другой – в Токио не готовы признать её в качестве общенациональной инициативы. Еще более сдержанной эта позиция стала после вступления в практическую фазу проекта «Туманган», который, по мнению японских экспертов, выгоден прежде всего двум провинциям Северо-Восточного Китая (Цзилинь, Хэйлунцзян)¹.

Другая концепция региональной интеграции, ставящая целью расширение экономического сотрудничества прибрежных государств Желтого моря и Бохайского залива (Япония, РК, КНДР, прибрежная часть КНР), получила название «Кольцо Желтого моря и Бохайского залива». Идеологами данной концепции выступили ученые Китая, а ее замысел предусматривает привлечение иностранных, прежде всего японских, инвестиций для ускорения экономического развития прилегающих к Бохайскому заливу провинций КНР. Южной части Японии реализация этой концепции позволяет активизировать экономическое взаимодействие с теми районами Кореи и Китая, с которыми у нее имелись традиционные связи. Для РК она предоставляет возможность активизации экономики западного побережья, а для КНДР – вовлечь в систему мирохозяйственных связей экономические центры страны.

С учетом рассмотренного выше комплекса факторов, препятствующих развитию сотрудничества в СВА, а также набирающих силу тенденций регионализма Восточной Азии, следует заклю-

¹ Интересы России и перспективы сотрудничества в СВА / Под ред. М.Л. Титаренко // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 26.

чить, что политико-экономические условия для полномасштабной реализации предложенных концепций экономической интеграции в СВА пока отсутствуют. В этих условиях более реальной представляется реализация в СВА не полномасштабных концепций интеграции, а их отдельных элементов. Основанный на концепции «модульного подхода» процесс регионального взаимодействия в отдельных областях деятельности ведет к расширению отношений сотрудничества, возникающих, например, при совместном решении проблем развития энергетики, транспорта и защиты окружающей среды¹.

Завершая характеристику основных концепций многостороннего сотрудничества в СВА, следует упомянуть эссе Г. Розмана «Возрождение регионализма в Северо-Восточной Азии», предложившего новые пути решения проблем². По его оценке, именно Дальний Восток России является ключом к развитию сотрудничества в СВА, так как при населении всего в 6,5 млн человек не потребуется много усилий, чтобы, создав несколько центров экономического роста, возобновить процессы международного сотрудничества на этих богатых природными ресурсами территориях.

В схематичном варианте эта идея выдвигалась ранее Р. Скалапино. По его мнению, «...несмотря на плачевное состояние дальневосточной экономики, и колоссальные затраты, требующиеся на развитие инфраструктуры в интересах более полной эксплуатации природных ресурсов региона, Дальний Восток России является в высшей степени логичным кандидатом для развития экономического взаимодействия с ближайшими соседями. Он, несомненно, станет частью одной или нескольких естественных экономических территорий, которые вырастут в будущем»³.

В этой связи заслуживает внимания тот факт, что многие ученые в США, Японии, странах ЮВА давно уже рассматривают перенаселенность Китая как геополитическую проблему мирового масштаба. В этой связи они на уровне «второй дорожки» об-

¹ Ivanov V. The Energy Sector in Northeast Asia: New Projects, Delivery Systems, and Prospects for Cooperation. – Vancouver: UBC, 2000. P. 29.

² Rozman G. Restarting Regionalism in Northeast Asia. – Vancouver: UBC, Canada, 2000.

³ Scalapino R. Foreword. In eds. by Akaha T. Politics and Economics in the Russian Far East. – London, 1997. P. XVI.

суждают возможность «ослабления давления китайского фактора в случае, если бы его удалось локализовать, «канализировав» избыток народонаселения на мирное и эволюционное освоение недонаселенных ареалов Дальнего Востока в контексте экономического сотрудничества между Китаем и Россией»¹.

Развив вышеупомянутые идеи, Розман предложил РК, Японии, США и Канаде совместными усилиями вовлекать Северо-Восточный Китай и ДВ РФ в рамки регионального сотрудничества. В качестве его главной движущей силы эксперт предлагает формирование нескольких центров экономического роста. Наиболее перспективным из них он считает проект «Туманган», который более подробно будет рассмотрен ниже. Город Саппоро (Япония) может стать экономическим центром территорий, примыкающих к Охотскому морю. В силу активного участия в проектах развития энергетики и стратегического транспортного положения, третьим центром роста может стать город Иркутск.

Основной упор в районе реализации «Тумангана» должен быть сделан на развитие транспорта и материального производства, в сфере влияния Саппоро – на разведку и добычу морских ресурсов, а также туризм, и в районе Иркутска – на развитие энергетики, транспорта, металлообработки. Таким образом, по замыслу автора, каждая из трех стран (Китай, Япония, Россия) получает сферу преимущественного влияния и привлечения инвестиций. Кроме того, он предложил создать еще несколько центров экономического роста на основе российско-китайских приграничных связей. В случае, если эта концепция не получит поддержку стран региона, Розман прогнозирует новое разделение СВА, но уже не по идеологическому, а по экономическому признаку, когда менее развитые районы не смогут воспользоваться преимуществами глобализации и будут исключены из процессов сотрудничества.

Интересным представляется тот факт, что китайской стороне не потребовалось дополнительных внешних стимулов для «вовлечения» в сотрудничество с Россией. Напротив, на третьей сессии ВСНП девятого созыва (март 2000 г.) была законодательно утверждена новая активная внешнеэкономическая стратегия Китая «идти вовне». Ее главным содержанием стало эффективное

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. – М., 1997. С. 283.

использование экспорта капитала для освоения природных ресурсов других государств, завоевание новых рынков сбыта и т.п. Практически одновременно с принятием стратегии в издающейся в Москве китайской газете был опубликован подробный план крупномасштабного прорыва китайской продукции на рынок Дальнего Востока и Сибири (вплоть до крупных городов Урала)¹.

Ухудшение социально-экономической обстановки в ходе проводившихся в 90-е годы политических и экономических реформ привело к резкому оттоку населения с Дальнего Востока, который в известном смысле стал жертвой изменений, произошедших после окончания «холодной войны»². За 15 лет его покинули более полутора миллионов жителей (население ДВ РФ сегодня составляет около 6,5 млн человек). В условиях сокращения финансовой поддержки со стороны правительства дальневосточные субъекты РФ начали расширять торгово-экономические связи со странами СВА и США, и, по мнению дальневосточных ученых, «Дальний Восток – при подключении России к интеграционным процессам в АТР – должен стать субъектом внешнеэкономической деятельности с определенными правами»³.

Основной чертой Дальнего Востока России является периферийность, что выражается в слабой освоенности и недонаселенности территорий. При огромном размере региона для экономического освоения и заселения пригодны лишь небольшие участки (Приморье, Приамурье и Сахалин), остальное – зоны особо сурового климата и побережья с замерзающими на зиму портами. Таким образом, если рассматривать территорию к востоку от Байкала как единый ареал, то реализация присущих ему экономических тяготений к странам, контролирующим наиболее экономически развитые, климатически благоприятные участки тихоокеанского побережья, возможна только «опосредованно – через обеспечение проницаемости географической зоны, заключенной

¹ Более подробно см.: Гельбрас В.Г. Россия и внешнеэкономическая стратегия КНР: Материалы международной конференции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. С. 14–27.

² Sevastyanov S. Russian Reforms: Implications for Security Policy and the Status of the Military in the Russian Far East. In eds. by Ziegler C., Thornton J. Russia's Far East: A Region at Risk. – Seattle, 2002. P.225-226.

³ Ларин В.Л. Дальний Восток России и страны АТР: проблемы взаимодействия // «Морской сборник». 1999. № 4. С. 14.

между российскими границами и тепловодными портами восточно-азиатского побережья – через территории Китая и Кореи»¹ и акватории Японского, Желтого и Восточно-Китайского морей. Воздействием этих факторов объясняется то, что по уровню развития внешнеэкономических связей среди дальневосточных субъектов лидируют Приморский, Хабаровский края и Сахалинская область.

Характеризуя интеграционные процессы на Дальнем Востоке России, в том числе на межгосударственном уровне, П. Бакланов выделяет их следующие компоненты: экономические, гуманитарные (включая научные, культурные, экологические и др.) связи, и взаимодействия через международные организации². При этом американский ученый Д. Арасэ выделяет три показателя для характеристики япономорского сотрудничества: динамика развития международных связей и обменов, уровень институализации, степень выработки взаимоприемлемых норм поведения и чувства региональной общности³.

По оценке Арасэ, лидерами япономорского сотрудничества являются субнациональные власти (руководители административно-территориальных единиц государств: префектур, провинций, краёв и областей). Инициированные ими двусторонние контакты обеспечили благоприятные условия для развития связей в области бизнеса, образования, научных и культурных обменов и привели к формированию взаимодополняющих друг друга институтов многостороннего сотрудничества. В то время как субнациональные администрации стран СВА были инициаторами создания региональных сетей сотрудничества, значительную поддержку в этом процессе им оказали научные и образовательные сообщества, транснациональные корпорации, бизнес-ассоциации, международные организации (в порядке убывания важности).

За последние 15 лет в СВА образовано значительное число международных институтов, как в области экономического со-

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. – М., 1997. С. 272–273.

² Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России: Материалы международной конференции. – Владивосток: ДВГАЭУ, 2001. С. 4–6.

³ Arase D. Sub-national Authorities and the Construction of a Japan Sea Community // A Paper for the 2001 Hong Kong Convention of International Studies. 2001. P. 3–4.

трудничества, так и в сфере безопасности, однако только два из них получили статус МПО: *Программа развития района реки Туманной («Туманган»)* и *Организация развития энергетики Кореяского полуострова*.

Научный интерес к «Тумангану» вызван тем, что он является единственным в СВА примером межправительственного сотрудничества, осуществляемого Программой развития ООН (ПРООН) и странами СВА в соответствии с принципами развития «естественной экономической территории».

Первая международная научная конференция, посвященная этому проекту, состоялась в июне 1990 года в г. Чанчунь (провинция Цзилинь, КНР). Представители Китая выступили на ней с инициативой совместными усилиями создать «золотой треугольник» в районе, где сходятся границы КНР, РФ и КНДР, с целью активизации сотрудничества и стимулирования комплексного развития экономики региона. Уже в июле 1991 г. на конференции в Улан-Баторе (Монголия) ПРООН приняла предложение КНР, КНДР, РК и Монголии стать координатором усилий стран-участниц проекта и выразила готовность оказать финансовую поддержку программе технического сотрудничества. В октябре 1991 г. в Пхеньяне под эгидой ПРООН прошла очередная конференция, где к четырем вышеназванным странам-участницам проекта в качестве наблюдателей присоединились Япония и СССР (в ноябре того же года последний получил статус полноправного члена).

На этой конференции был принят так называемый «План развития Программы», согласно которому ПРООН взяла на себя обязательства оказать помощь странам-участникам в поиске средств на реализацию проекта, а также в осуществлении таких видов деятельности, как:

- разработка плана совместного развития района реки Туманной;
- проведение технико-экономических обоснований проектов;
- развитие международной торговли и инвестиций;
- проведение исследований экономической и финансовой направленности¹.

¹ Studies in Support of the Tumen River Area Development Program // Korea Institute for Economic Policy. – Seoul, 1994. P. 21–27.

По итогам конференции проект получил официальное название – Программа развития района реки Туманной (Tumen River Area Development Program – TRADP). В 1991 г. ПРООН выделила 3,5 млн долларов на оказание технической помощи в рамках её первого этапа (1992–94 гг.), открыла офис для руководства Программой в Нью-Йорке и организовала проведение двух первых встреч Комитета по управлению Программой (Сеул – февраль 1992 г., Пекин – октябрь 1992 г.).

В ходе этих мероприятий международные консультанты ПРООН, без согласования со странами-участниками, придали широкой гласности разработанные ими предварительные планы, в которых утверждалось, что на развитие инфраструктуры региона будут привлечены финансовые инвестиции в размере не менее 30 млрд долларов. Впоследствии выяснилось, что эта нереалистическая (на столь ранней стадии проекта) оценка объема инвестиций не учитывала планы, приоритеты и торгово-промышленный потенциал прибрежных государств, что привело к формированию у участников завышенных ожиданий по поводу возможностей проекта стимулировать развитие сотрудничества.

Международными экспертами ООН были предложены две основные формы реализации Программы: первая (в духе «постепенного» развития сотрудничества) предусматривала создание раздельно управляемых национальных СЭЗ (этот вариант поддерживали КНДР, РК и Россия). Вторая же (в соответствии с «классической» моделью организации сотрудничества и с учетом опыта стран ЮВА) предполагала формирование на стыке границ трех государств единой международной экономической зоны, имеющей надгосударственный статус (эта форма была приоритетом для КНР и Монголии). На втором заседании Комитета по управлению Программой в Пекине было решено рассматривать формирование национальных СЭЗ как первый этап, а создание единой международной экономической зоны как конечную цель Программы¹.

В июле 1994 г. на встрече в Москве проявилась тенденция к расширению района реализации Программы, когда КНДР обосновала целесообразность включения в неё СЭЗ «Раджин-

¹ Протоколы второго заседания Комитета по управлению Программой. – Пекин, КНР. 1992. Октябрь. С. 5–10.

Сонбон». В свою очередь, РФ представила концепцию участия в «Тумангане» Приморского края, сформулированную учеными Тихоокеанского института географии ДВО РАН¹. В ходе её обсуждения эксперты ООН согласились с российскими аргументами о том, что трансконтинентальные транспортные маршруты, ведущие из Северо-Восточного Китая и Монголии в направлении Японии, РК и США, втягивают в свою орбиту не только порты Хасанского района, но и весь транспортный узел Южного Приморья. Таким образом, на встрече в Москве произошла переоценка программы «Туманган», которая прекратила свое существование в том виде, в каком она была задумана ее создателями.

В декабре 1995 г. на шестом совещании Комитета по управлению программой (ООН, Нью-Йорк) были подписаны правительственные соглашения «О создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии» (Россия, РК, КНДР, КНР, Монголия), «О создании Координационного комитета по развитию района реки Туманной» (Россия, КНР, КНДР), а также парафирован меморандум «О взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии»².

Настоящими соглашениями была официально определена территория «района экономического развития бассейна реки Туманной», в которую были включены: СЭЗ «Раджин-Сонбон» (КНДР), Яньбянь-Корейский автономный округ, включающий СЭЗ «Яньцзи» и «Хуньчунь» (КНР), город Владивосток, СЭЗ «Находка» (РФ).

Второй этап Программы (1997–2000 гг.) отличался от первого тем, что, во-первых, основной упор был перенесен с идеи формирования международной СЭЗ в дельте реки Туманной на

¹ Бакланов П.Я., Каракин В. Проект «Туманган»: гипотезы и реалии // «Красное знамя». 1993. 18 ноября.

² О создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии: Соглашение; О создании Координационного комитета по развитию района реки Туманной: Соглашение; О взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии: Меморандум. – Нью-Йорк. 1995. 6 декабря.

преимущественное развитие национальных СЭЗ. Во-вторых, руководство Программы перешло от ПРООН к межгосударственным органам, сформированным странами-участницами, что позволило сопредельным государствам (Россия, КНДР, КНР) самим определить приоритеты развития Программы. Для РФ ими стали проекты, обеспечивающие благоприятные условия транзита иностранных грузов через российские порты, в том числе: модернизация морского порта в поселке Зарубино и создание современной системы российско-китайских пограничных переходов. Главной целью КНР было обеспечить более короткий путь для транспортировки грузов из провинций Цзилинь и Хейлуцзян. Для обеспечения эффективного транспортного сообщения г. Хунчунь с российскими и северокорейскими портами Китаем в короткий срок были построены железнодорожная ветка до российской границы и шоссе до границы с КНДР. Пхеньян сконцентрировал основное внимание на развитии СЭЗ «Раджин-Сонбон».

Концептуальные изменения Программы усилили разнонаправленность позиций сторон, в результате чего ПРООН столкнулась с проблемой снижения интереса Москвы, Пекина и Пхеньяна к проектам сотрудничества регионального масштаба. Для повышения эффективности управления Программой в каждой стране были сформированы группы во главе с национальными координаторами для обеспечения взаимодействия между правительствами, местными администрациями и сформированным в 1994 г. Секретариатом в Пекине (до этого он функционировал в Нью-Йорке).

Первоначально планировалось, что Тумэньский секретариат будет находиться в Пекине три года (1997–1999 гг.), однако в 1999 г. было решено, что в интересах эффективности Программы следует продлить срок его размещения в столице КНР. В ходе второго этапа программы объемы привлеченных иностранных инвестиций были более чем утроены (в 1994 г. они составляли \$248 млн, а в 1998 г. – \$788 млн)¹. Это можно оценить как существенное достижение, учитывая, что инвестиции были сделаны в развитие отдаленного района с неразвитой инфраструктурой и населением численностью всего около 4 млн человек. Темпы

¹ Davies I. Regional Cooperation in Northeast Asia. – Vancouver, 2000. P. 22.

привлечения инвестиций оказались ниже, чем в южных районах КНР, но выше, чем во Вьетнаме, СНГ или Южной Азии.

Членство стран-участниц в различных международных финансовых организациях являлось серьезным препятствием для получения долговременных кредитов. Для преодоления этих проблем в 1997 г. Консультативная комиссия Программы поддержала заявки РФ и КНДР на вступление в Азиатский банк развития (АзБР). В 1999 г. руководство банка рассмотрело вопрос о возможности включения Программы в сферу своей финансовой активности, но противодействие Японии членству в банке КНДР, а также отсутствие в составе АзБР России привело к принятию его руководством решения отказаться от какого-либо участия в «Тумангане». В целом финансирование проектов развития инфраструктуры в районе Туманган крупными банками (Мировой банк, ЕБРР, АзБР) было чрезвычайно ограниченным, в первую очередь, из-за отсутствия поддержки предлагаемых проектов на правительственном уровне стран-участниц.

Со временем стало очевидным, что, несмотря на подписание межправительственных соглашений, в политике стран-участниц национальные приоритеты стояли выше региональных, а позиции РК и КНДР во многом определялись общим состоянием двусторонних отношений. Причинами, препятствующими успешной реализации Программы, стали: недостаток у участников политической воли, институциональных знаний, малоэффективная деятельность национальных команд. Во многих случаях в их состав не включали представителей местных администраций, экспертов и бизнесменов, что снижало результативность мероприятий.

В некоторых случаях правительства поддерживали инициативы местных властей, но при этом не обеспечивали их с финансовой стороны. Так, например, Пхеньян предоставил району Раджин-Сонбон статус СЭЗ, который не был подкреплён выделением средств государственного бюджета на реализацию проектов развития инфраструктуры. Схожая обстановка имела место в Приморском крае, когда в 1991 г. СЭЗ «Находка» получила соответствующие её статусу привилегии, а уже в 1993 г. была их лишена (частично они были восстановлены в 1999 г.).

Примером мер по улучшению отношений на местном уровне была утвержденная китайским МИД в 1999 г. инициатива Яньбянь-Корейского автономного округа предоставить российским

гражданам возможность безвизового въезда в КНР через Хунчунь как средства развития приграничной торговли. Похожий прорыв имел место в отношениях между КНР и РК, когда в 2000 г. южнокорейским гражданам, прибывающим из РК на пароме в Зарубино и затем пересекавшим границу КНР в Хунчунь, китайская виза предоставлялась при пересечении российско-китайской границы. Подобная практика предоставления визы непосредственно при пересечении границы может служить моделью для других стран региона.

В 1998 г. руководство ПРООН второй раз в истории Программы сделало ставку на вариант, при котором основными полномочиями наделялся главный финансовый донор, а внимание концентрировалось на общерегиональном компоненте сотрудничества. Разработчиком новой концепции Программы выступил ее директор Д. Хасбэнд, имевший опыт работы в должности советника программы экономического сотрудничества с участием шести стран ЮВА, которые избегали схем сотрудничества, подлежащих утверждению на межправительственном уровне¹.

В результате предложенных концептуальных изменений с середины 1998 г. ПРООН прекратила финансирование практически всех проектов, реализуемых в отдельных странах и направленных на переобучение персонала, развитие инвестиционной привлекательности территорий и т.д. В этой ситуации наиболее успешно диверсифицировали источники финансирования китайские участники. Так, для строительства международного терминала аэропорта в Яньцзи они получили экспортные кредиты из Южной Кореи. Финансирование же большинства проектов распределялось между министерствами, правительством провинции Цзилинь и местными администрациями, или осуществлялось частным бизнесом. Для Приморского края и СЭЗ «Раджин-Сонбон» основными средствами финансирования оставались прямые иностранные инвестиции, преимущественно, в развитие морских портов и телекоммуникаций².

Из-за отсутствия существенных результатов в ходе реализации второго этапа Программы страны-участницы пришли к вы-

¹ Husband D. New Directions for the Tumen Program // Proceedings of the NEAEF. – Yonago, Japan, 1998. P. 164.

² Davies I. Regional Cooperation in Northeast Asia. – Vancouver, 2000. P. 34–42.

воду, что она должна быть снова реформирована, а в случае неудачи реформы – закрыта. Руководство ПРООН согласилось с их позициями, и разработкой новой Программы занялся возглавивший Тумэньский секретариат Ц. Гомбо, таким образом, с 2001 г. начался третий этап развития «Тумангана».

По оценке Гомбо, к достижениям программы надо отнести, во-первых, то, что она заложила основу для развития многостороннего сотрудничества по целому ряду направлений, а, во-вторых, то, что в ее рамках создан институциональный механизм межправительственного взаимодействия, в котором участвуют пять из шести стран СВА¹. Из-за значительного удаления от столичных городов, малой численности населения и других причин проблемы развития территорий, входящих в «Туманган», не стали приоритетными для правительств стран СВА. При этом, учитывая необходимость привлечения для совершенствования региональной инфраструктуры огромных финансовых и людских ресурсов, эта задача не может быть решена без их активного участия.

Основными задачами третьего этапа программы стали следующие:

- укрепление институциональной структуры МПО;
- выполнение задач по экономическому развитию региона, сфокусировав усилия на пяти секторах: торговли и инвестиций, транспорта и коммуникаций, энергетики, туризма и охраны окружающей среды².

При этом Гомбо сделал акцент на необходимости координации политики стран СВА в развитии торговли, транспорта, энергетики в масштабе всего региона, а не только в узких рамках Программы «Туманган». Во время восьмого заседания Консультативной комиссии, которое прошло в 2005 г. в городе Чанчунь в канун десятилетия со дня основания МПО, последняя было переименована в «Расширенную Туманганскую Инициативу» – РТИ (Greater Tumen Initiative – GTI), что официально закрепило рас-

¹ Gombo T. Issues of Regional Economic Cooperation in Northeast Asia // Summary of Presentations, Northeast Asia Economic Conference. – Niigata, Japan, 2001. P. 4–5.

² Yacheistova N. Greater Tumen Initiative and economic regional cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. Tumen Secretariat, Vladivostok, 2007.

ширение её географических границ. Страны-участницы РТИ согласовали решение о продлении программы на последующие 10 лет и подтвердили готовность играть главную роль в её выполнении (в том числе за счёт увеличения привлекаемых собственных финансовых ресурсов) при сохранении поддержки со стороны ПРООН. Был также принят План стратегических действий РТИ на 2006–2015 гг., конкретизировавший вклад участников в выполнение основных задач третьего этапа программы.

Принципиально важным является подключение к решению этих задач частного сектора и налаживание сотрудничества в формате государственно-частных партнёрств. Практические шаги в этой области были предприняты в ходе девятого заседания Консультативной комиссии, которое состоялось в ноябре 2007 г. во Владивостоке. Были рассмотрены вопросы создания в формате РТИ трёх советов в области содействия развитию в регионе бизнеса, энергетики и туризма (Business Advisory Council – BAC, Energy Board, and Tourism Council). Задачами создаваемых структур является налаживание практического диалога между правительствами и частным сектором в интересах реальных проектов регионального сотрудничества.

Первое ежегодное заседание Делового совета (BAC) – важного инструмента государственно-частного партнёрства – состоялось уже в ноябре 2007 г. во Владивостоке. Следующим шагом в развитии РТИ станут десятое заседание Консультативной комиссии, Инвестиционный форум и уже третье заседание Делового совета, проведение которых запланировано на апрель 2009 г. в г. Улан-Батор, Монголия.

В целом, за более чем 13 лет программа достигла определённых результатов в развитии региональных инфраструктурных проектов, продвижении торговли, инвестиций и т.д. При этом как МПО она продемонстрировала высокую институциональную стойкость, преодолев несколько кризисов во взаимоотношениях между странами-членами и основным донором (ПРООН), принявшим меры по устранению институциональных препятствий сотрудничеству, скорректировав «классическую» модель с учетом специфики СВА.

Серьезным институциональным препятствием на первом этапе Программы была проблема несправедливого распределения результатов от сотрудничества, когда большинство предлагавав-

шихся проектов учитывало, в первую очередь, интересы КНР. Активные усилия России, КНДР и РК привели к изменению направлений развития и расширению географических рамок Программы. В настоящее время в неё вошли проекты, направленные на усиление роли Приморского края как транзитно-транспортного узла между ведущими полюсами мировой экономики. В то же время, несмотря на то, что учеными ДВО РАН совместно с администрацией Приморского края была подготовлена Концепция российской части Программы¹, на национальном уровне она не разработана. Отсутствие последней препятствует выделению средств федерального бюджета для финансирования мероприятий российской части Программы, что замедляет реализацию совместных проектов. В то же время КНР и КНДР утвердили национальные программы участия в «Тумангане» и сформировали специальные административные органы для координации её исполнения.

Важным институциональным недостатком МПО является проблема неполного членства: в ее состав не входит Япония, которая могла бы стать финансовым донором. Опыт программы продемонстрировал также, что, не являясь приоритетной для правительств, она не способна получить такой статус и у международных финансовых институтов.

История реализации проекта позволяет определить модель сотрудничества, в наибольшей степени соответствующую особенностям региона. Дважды предпринятая попытка ПРООН применить модель сотрудничества, отдающую приоритет национальным органам руководства и общерегиональным проектам, потерпела неудачу. Чрезмерная централизация административных полномочий в руках ведущего финансового донора ведет к тому, что последний не уделяет должного внимания процессу консультаций с государствами, учету их национальных интересов и региональной специфики, что затрудняет процесс сотрудничества и снижает его результативность. Этот тезис нашел подтверждение и в ходе прошедшей в 2000 г. в Бангкоке (Таиланд) еже-

¹ Концепция российской части программы развития области экономического развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO) / Научная библиотека Тихоокеанского института географии ДВО РАН. – Владивосток, 1996.

годной конференции стран зоны развития Большого Меконга (the Greater Mekong Sub-Regional program)¹.

Среди причин того, что поиск более эффективной модели «Тумангана» затянулся на длительный срок, можно назвать склонность к шаблонному мышлению, характерную для руководства международных организаций, а также сдерживающее влияние таких факторов, как культурные различия, негативная историческая память и отсутствие доверия между государствами.

В заключение можно отметить, что за последние несколько лет странами-участницами ГТІ предприняты согласованные меры по укреплению институциональной структуры МПО, сосредоточению усилий на фокусных направлениях сотрудничества и активному подключению к нему частного сектора. Принято давно лоббируемое Москвой расширение географических рамок программы. Что же касается позиции РФ по отношению к программе в целом, то на заседании Инвестиционного форума РТИ во Владивостоке в 2007 г. в докладе руководителя российской делегации было высказано намерение «содействовать созданию необходимых условий для развития РТИ», а также выражена надежда на то, что «проекты РТИ обеспечат поддержку мероприятиям, осуществляемым в рамках Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», поскольку деятельность РТИ направлена на достижение тех же целей на территории РФ, что и Правительства Российской Федерации»².

Организация развития энергетики Корейского полуострова (The Korean Peninsula Energy Development Organization – КЕДО) рассматривается нами в качестве примера незавершенной модели институционализации многостороннего сотрудничества в СВА, построенной на принципе функционального подхода. С одной стороны, этот пример имеет ограниченный характер, так как его главной целью было служить выполнению рамочного Женевского соглашения, достигнутого между США и КНДР по вопросам нераспростра-

¹ Proceedings of the 9th GMS Ministerial Meeting. – Bangkok, January 2000.

² Presentation by the Head of the Russian Delegation (Ministry of Economic Development and Trade). Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. Tumen Secretariat, Vladivostok, 2007.

нения оружия массового поражения. С другой – деятельность КЕДО позволяет оценить условия, в которых был достигнут прогресс в решении более широкого круга вопросов, включая энергетическую безопасность и экономическое сотрудничество.

Образование КЕДО в марте 1995 г. стало результатом соглашения, достигнутого с целью прекратить программу развития ядерного оружия КНДР в обмен на строительство в этой стране двух ядерных реакторов «на легкой воде» (отходы от деятельности последних практически не могут быть использованы для производства такого оружия) мощностью 1000 мегаватт каждый. Кроме того, документ предусматривал поставку КНДР 500 тысяч тонн нефти ежегодно (до завершения строительства первого реактора нового типа) в качестве компенсации Пхеньяну за ту электроэнергию, которая не будет выработана в связи с остановкой северокорейских ядерных реакторов.

КЕДО была задумана как механизм, в соответствии с которым РК и Япония возьмут на себя главную долю финансовых расходов по строительству реакторов. В состав организации в 1995 г. вошли США, РК и Япония, которые стали членами ее Исполнительного комитета. В 1997 г. в Совет директоров КЕДО также было включено Европейское объединение по атомной энергии (ЕВРАТОМ) в обмен на обязательство ежегодно представлять 20 млн долларов на обеспечение деятельности этой организации. КЕДО предлагала и другим странам войти в её состав, внося финансовый вклад на решение задач¹.

С точки зрения науки о международных отношениях условия ведения переговорного процесса между США и КНДР, а также обстоятельства создания КЕДО в целом соответствуют теоретическим подходам неореалистов (Вашингтон жестким силовым давлением вынудил Пхеньян согласиться с предлагаемыми условиями). Что же касается институциональной структуры КЕДО, то она выстроена в соответствии с принципами неолиберализма. Решения в КЕДО принимались по принципу консенсуса, а струк-

¹ Членство стран, не входящих в совет директоров, не является постоянным и отражает их финансовый вклад в деятельность КЕДО в отчетном году. Так, в 1998 г. финансовый вклад в деятельность КЕДО был внесён Австралией, Индонезией, Новой Зеландией, Сингапуром, Финляндией, Францией и Чехией – более подробно см. ежегодные отчеты (KEDO Annual Report) за 1995–2000 гг.

тура управления МПО (Исполнительный комитет, возглавляемый директором из США и двумя его заместителями, представляющими РК и Японию), обеспечила достойное место Сеулу в многостороннем процессе переговоров, а также участие в нём Японии.

Первоначально перед КЕДО были поставлены три основных задачи:

- способствовать режиму нераспространения ядерного оружия на Корейском полуострове и за его пределами;
- обеспечить выполнение основных условий рамочного соглашения;
- служить примером разрешения регионального политического кризиса в рамках многосторонней организации сотрудничества¹.

Анализ задач свидетельствует о том, что создатели КЕДО изначально расширительно трактовали мандат МПО, предлагая её в качестве модели многостороннего сотрудничества в области безопасности США. Одним из аргументов американских экспертов в пользу заключения соглашения было мнение о том, что крах КНДР как государства неминуем, что сделает необязательным выполнение его условий². Тем не менее, к концу 1995 г. стало очевидным, что именно КЕДО стала ведущим механизмом в переговорном процессе с КНДР.

Весьма сложным оказалось согласование общей переговорной позиции между США, РК и Японией. Финансовые проблемы стали испытанием пределов возможного сотрудничества между ними в вопросах выполнения обязательств по поставкам в КНДР нефти и строительству ядерных реакторов (на согласование финансовых обязательств потребовалось более трех лет). Лишь в ноябре 1998 г. члены Исполнительного комитета приняли резолюцию, в соответствии с которой общие расходы по проекту были определены в объеме \$4,6 млрд. В соответствии с этим документом, РК и Япония взяли на себя основные расходы по поставке КНДР атомных реакторов (70% от общей суммы расходов и \$1 млрд соответственно). ЕВРАТОМ согласился внести оставшуюся часть денежных средств на эту статью расходов. Ответст-

¹ KEDO Annual Report. 1996/1997. P. 1.

² Nisch L. US Policy Towards North Korea: The Collapse Theory and Its Influence // Annual International Symposium of Korea National Defense University. 1996. August. P. 5.

венность за финансирование поставок нефти в КНДР и за другие возможные финансовые издержки, могущие возникнуть в ходе деятельности КЕДО, документ возложил на США¹.

Подписывая соглашение в 1995 г., американская администрация полагала, что расходы из государственного бюджета США на выполнение обязательств по КЕДО не превысят 30 млн долларов в год². Однако впоследствии надежды Вашингтона компенсировать хотя бы часть из общей суммы расходов на поставки нефти в КНДР (50–60 млн американских долларов в год) за счет международного сообщества государств не оправдались.

Ошибки администрации США, совершенные на стадии подготовки и заключения соглашения с КНДР, вызвали целый ряд негативных последствий, в том числе:

– задержки в поставках нефти, что давало повод Пхеньяну выражать сомнение в намерении США и КЕДО выполнить обязательства по проекту и возможность выдвигать дополнительные требования;

– обострение напряженности в американо-японских и американо-корейских отношениях, что снижало возможности Вашингтона играть роль безусловного лидера МПО.

В целом у американской политической элиты не сложилось единого мнения по вопросу эффективности КЕДО. Лейтмотивом некоторых оценок стало то, что финансирование и строительство в КНДР ядерных реакторов «на легкой воде» сомнительно с экономической точки зрения и не является лучшим вариантом обеспечения долговременных энергетических нужд КНДР. В качестве альтернативы предлагались варианты строительства более дешевых источников получения энергии и в более сжатые сроки³.

Важным препятствием на пути выполнения целей КЕДО стало неучастие в ней двух влиятельных государств региона: России и Китая. Первое из них полагало, что США незаслуженно вытес-

¹ Справочные документы по деятельности организации, документ №8: Financing the Light-Water Reactors. – Available online: www.kedo.org.

² Christopher W. “U.S. Agreement With North Korea” // Transcript of testimony of Secretary of State, US Senate Foreign Relations Committee. – 1995. January 24.

³ Hayes P. Supply of Light-Water Reactors to the DPRK. In eds. by Kihl Y., Hayes P. Peace and Security in Northeast Asia: The Nuclear Issue and the Korean Peninsula. – NY., 1997. P. 76.

нили его из проекта по финансовым и политическим причинам, а второе считало, что активное участие в работе МПО может негативно сказаться на двусторонних отношениях Пекина и Пхеньяна и косвенно усилить позиции США на Корейском полуострове.

Российские подходы к деятельности МПО определяются долгой историей сотрудничества с КНДР в области ядерной энергии, в том числе планами строительства реактора аналогичного типа на той же самой площадке, которая впоследствии была выбрана КЕДО. Критику России вызвал двойной стандарт, применяемый США в вопросах обеспечения ядерной безопасности. Так, Вашингтон поддержал план предоставления КНДР реакторов «на легкой воде», строительство которых осуществляется в РК, одновременно выступая против российского проекта строительства аналогичного реактора в Иране на основании того, что он, якобы, может способствовать распространению ядерного оружия. В результате отклонения предложения построить атомные реакторы для КНДР в России Москва не проявила заинтересованности в финансировании КЕДО, но предоставила научно-техническую информацию о результатах исследований места будущей установки реакторов, проведенных в 80-х годах¹.

Учитывая большое число критических замечаний в адрес МПО, представляет интерес заявление, сделанное в 2001 г. исполнительным директором КЕДО Андерсоном². Оно было посвящено рассеиванию двух так называемых «мифов» о КЕДО, появление которых, по его мнению, было вызвано пропагандистской компанией Пхеньяна, незнанием журналистами, а иногда и экспертами, фактического состояния дел, а также использованием республиканцами (в период нахождения у власти президента Клинтона) трудностей, возникавших в выполнении программы, в своих узко понимаемых партийных интересах.

Первый «миф» он сформулировал как: «КЕДО безнадежно отстала от графика и/или не способна функционировать», и привел для его опровержения следующие аргументы:

– несмотря на то, что за прошедшие годы имели место серьезные проблемы в области безопасности (инциденты с подводной

¹ Clay J., Mansourov A. The North Korean Nuclear Program: Security, Strategy, and New Perspectives from Russia. – NY, 1999. P. 15–21.

² Anderson D. Myths of KEDO // Presentation at Georgetown-Pacific Century Institute. – Washington D.C., March 25, 2001.

лодкой и запусками ракет КНДР), проект планомерно продвигался вперед. В местечке Кумхо подготовлена площадка и инфраструктура для строительства реакторов, заказы на их основные компоненты размещены на заводах РК и Японии;

– создана эффективная система управления организацией: Секретариат в Нью-Йорке (около 40 чел.), и небольшой офис КЕДО в Кумхо, которые осуществляли руководство деятельностью более тысячи инженеров, техников и рабочих из РК, КНДР и Узбекистана;

– позитивное развитие КЕДО показало руководству КНДР, что конструктивные взаимоотношения с внешним миром возможны.

Второй «миф» был сформулирован как: «наличие более быстрой и дешевой альтернативы» строящимся атомным реакторам. В ходе полемики с воображаемыми оппонентами он привел следующие аргументы:

– с учетом уже созданной во время строительства первого атомного реактора системы инфраструктуры возведение на этой же площадке второго однотипного реактора обойдется вдвое дешевле;

– альтернативные варианты не являются идеальными. Так, на реализацию предлагаемых вариантов поставки электроэнергии из России (строительство АЭС в Приморском крае, газопровода для поставки сжиженного газа с месторождений острова Сахалин и др.) потребуются многие годы и миллиарды долларов;

– действующий проект на четыре года опережает любой, который может быть предложен, и с учетом того, что для пересмотра старого и выработки условий нового контракта потребуются длительные переговоры, ни один из альтернативных вариантов не может быть осуществлен ранее того, который уже реализуется в рамках КЕДО;

– при изменении проекта будет необходимо доказать Пхеньяну, что оно предлагается в его интересах, а это является непростой задачей.

Оценивая КЕДО в целом, следует отметить, что сам факт деятельности МПО, созданной для решения как комплекса проблем безопасности Корейского полуострова, так и экономических вопросов подтверждает позитивный потенциал многосторонних

институтов в регионе¹. Созданный прецедент привел к появлению других инициатив в ряде областей политики и экономики. КЕДО помогла выработать практику многосторонних подходов в установлении диалога с КНДР и способствовала развитию политического диалога Пхеньяна с Сеулом, Токио и Вашингтоном.

В то же время КЕДО как возможная модель многостороннего регионального сотрудничества имела серьезные ограничения:

1. Образование МПО было вызвано появлением ядерной угрозы со стороны КНДР. В отсутствие прямой угрозы безопасности региону аналогичная схема многостороннего сотрудничества, например, в экономике, может быть невозможна.

2. Принципиальным институциональным недостатком КЕДО было неполное членство (в составе исполнительного комитета не было Китая и России), что снижало привлекательность организации в качестве модели сотрудничества в СВА².

3. Перед лицом серьезных политических и экономических кризисов МПО продемонстрировала ограниченную институциональную живучесть, при этом существенную роль в прекращении её деятельности сыграли межпартийные разногласия между демократической и республиканской администрациями США.

С приходом в Белый Дом на смену демократической администрации Б. Клинтона республиканской администрации Д. Буша-младшего представители последней обвинили КНДР в невыполнении обязательств по проекту и постепенно привели дело к его остановке. Таким образом, последний стал заложником межпартийной борьбы в США, что поставило под сомнение эффективность американского лидерства в региональных проектах безопасности в целом и в Восточной Азии в частности. Другим важным фактором стала недооценка роли Москвы, которая на всех этапах кризиса призывала к его мирному решению путём диалога.

Этот недостаток был учтён в работе межправительственного механизма для обсуждения вопросов безопасности Корейского полуострова – «Четырёхстороннего переговорного процесса», в который с 1997 г. входили США, КНР, КНДР и РК. Для повыше-

¹ Ishayev V. Emerging Northeast Asia: Progress and Problems of the 1990's. // Proceedings of the 12th Northeast Asia Economic Conference. – Niigata, 2001. P. 6.

² Snyder S. The Korean Peninsula Energy Development Organization. – Vancouver, 2000. P. 20.

ния эффективности сотрудничества в 2003 г. членство в этой организации было предоставлено Японии и России, хотя, справедливости ради, надо упомянуть, что на включении Москвы в этот многосторонний формат настоял именно Пхеньян, надеявшийся, что, играя на переговорах роль модератора, РФ будет в должной мере учитывать интересы КНДР. Таким образом, с 2003 г. в СВА действует механизм шестисторонних переговоров по проблемам безопасности Корейского полуострова, который включает в состав все страны региона (кроме Монголии), и по сути стремится к решению тех же задач, которые были поставлены перед КЕДО.

О том, как скоро завершатся эти многосторонние переговоры, пока говорить рано, однако позитивной стороной процесса является конструктивное сотрудничество, которое выработалось в ходе взаимодействия США и КНР, от качества взаимоотношений которых во многом зависит безопасность региона. Активную роль в переговорах играет и Россия, использующая эту возможность для усиления своих позиций как влиятельного регионального игрока.

Для Москвы принципиально важно избежать прямого военного конфликта между КНДР и РК, либо силового решения, вызванного интервенцией третьей стороны, так как такое развитие событий приведёт к нестабильности на Корейском полуострове, новому витку гонки вооружений в странах СВА, что способно дестабилизировать безопасность дальневосточных территорий РФ. Одновременно это ухудшит социально-экономическое положение проживающего там российского населения, так как в этом случае Корейский полуостров не станет воротами России в АТР, будут заморожены масштабные проекты поставки российских энергетических ресурсов в страны региона, соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей и др.¹

Не заинтересованная в силовом разрешении кризиса Россия выступает в качестве посредника и связующего звена между странами-участницами этого эксперимента по многостороннему сотрудничеству в области безопасности СВА, вновь и вновь призывая их к тому, чтобы шаг за шагом путём переговоров преодо-

¹ На Yongchool, Shin Beomshik Non-proliferation and Political Interests: Russia's Policy Dilemmas in the Six-party Talks. In eds. by Iwashita Akiro Eager Eyes Fixed on Eurasia. – Vol. 2, Slavic Research Center, Sapporo, 2007. P. 181–183.

левать возникающие проблемы. Дело в том, что в подходах ведущих игроков к решению проблемы безопасности Корейского полуострова в целом и решения проблемы ядерного разоружения КНДР в частности существовали принципиальные различия. США предпочитали Ливийскую модель (отказ от ядерного оружия под воздействием экономических санкций и угрозы применения силы), а Китай и КНДР – Украинскую модель (отказ от ядерного оружия на условиях выплаты экономической компенсации и предоставления гарантий безопасности)¹.

В подобной ситуации очень важно найти компромисс, и Москва вносила существенный вклад в его поиск, пытаясь максимально сместить центр тяжести переговорного процесса от Ливийской к Украинской модели решения проблемы. Даже после проведения КНДР испытательных пусков ракет большой дальности 5 июля 2006 г. и подземных ядерных испытаний 9 октября 2006 г., согласившись на введение одобренных резолюцией ООН № 1718 от 14 октября 2006 г. невоенных санкций, Москва вместе с Пекином смогли удержать Вашингтон от применения против Пхеньяна военной силы.

В ходе шестисторонних переговоров Россия представила для обсуждения план урегулирования проблем региона, включающий создание межправительственной организации обеспечения безопасности СВА, и страны-участницы диалога всё больше осознают, что эти предложения отвечают их общим интересам². Подписав в феврале 2007 г. в ходе очередного раунда переговоров Пекинское соглашение, Россия обязалась предоставить КНДР энергетические ресурсы или экономическую помощь стоимостью не менее 100 млн амер. долларов, что ещё раз подчёркивает конструктивную позицию, занятую Москвой в разрешении проблем безопасности полуострова.

¹ Park John Inside Multilateralism: The Six-party Talks //The Washington Quarterly. Vol. 28. 2005. № 4. P. 84–85.

² Ha Yongchool, Shin Beomshik Non-proliferation and Political Interests: Russia's Policy Dilemmas in the Six-party Talks. In eds. by Iwashita Akiro Eager Eyes Fixed on Eurasia. – Vol. 2, Slavic Research Center, Sapporo, 2007. P. 192–196.

3.3. АТЭС и АРФ как модели открытого регионализма Азиатско-Тихоокеанского региона

Проанализировав особенности многостороннего институционального строительства в двух субрегионах Восточной Азии, перейдем к изучению трансрегионального азиатско-тихоокеанского регионализма, основной характеристикой которого является его открытый характер.

Для общей характеристики сотрудничества уместно использовать признаки региона, предложенные Томпсоном, основными из которых являются географическая близость, интенсивное взаимодействие и признание этой подсистемы в качестве самостоятельного региона внешними и внутренними акторами. С учётом вышеизложенного, очевидно наличие факторов, препятствующих международному сотрудничеству в рамках АТР, таких, как географическая удаленность государств, а также беспрецедентность объединения государств со столь значительными политическими, экономическими и культурно-цивилизационными различиями. Некоторые исследователи, например, россиянин Алиев Р.Ш.-А. (Арин О.)¹, настаивают на том, что выделение АТР в самостоятельный регион искажает ситуацию, сложившуюся в мировой политической системе. В качестве альтернативы он предлагает оперировать не понятием АТР в целом, а делать оценки на уровне его субрегионов.

Включение стран в состав АТР по признаку вхождения в бассейн Тихого океана отражает проэкономический, преимущественно англо-саксонский, подход к формированию региона, с основной опорой на транстихоокеанские связи в развитии торговли, инвестиций и т.д. Официально сотрудничество в экономической сфере на Азиатско-Тихоокеанском уровне оформлено в виде межправительственной Организации – Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В эту организацию входят 21 страна (приложение 1) и территория региона с

¹ Арин О.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. – М., 1997.

населением 2,5 млрд человек, ВВП свыше 18 трлн долл. США и 47% объема мировой торговли¹.

Появлению АТЭС способствовала деятельность созданного в 1980 г. Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству – СТЭС (Pacific Economic Cooperation Conference – PECC). В формате этой МНПО к диалогу по экономическому сотрудничеству в АТР привлекаются национальные комитеты стран-участниц, формирующиеся по трехстороннему принципу – от правительственных, деловых и научных кругов. Нарботанные СТЭС институциональные механизмы и успешный опыт многостороннего сотрудничества были использованы при создании АТЭС (1989)².

Этот факт стал как проявлением воздействия глобализации в азиатском регионе, так и практическим воплощением долго вынашиваемой США идеи тихоокеанского регионализма, которую они реализовали при активной поддержке своих союзников (Японии и Австралии). В этих целях последние предоставили интеллектуальный капитал и политическое лидерство, что свидетельствовало об их обеспокоенности формированием торговых блоков в других регионах, а также стремлении не оказаться за бортом, а, наоборот, укрепить связи с быстро развивающимся регионом Восточной Азии, от которого во многом зависело их собственное экономическое будущее. Например, для Австралии, активно расширяющей экспорт природных ресурсов в быстро индустриализирующуюся Азию, этот шаг имел и принципиально важное значение. Решение о «втягивании» Австралии в Восточную Азию было не случайным актом, а результатом длительной общенациональной публичной дискуссии о национальной идентичности, оказавшей влияние не только на позицию этой страны, но и на перспективы развития моделей регионализма³.

¹ Якубовский В.Б. Камо грядеши, АТЭС? // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 67.

² Севастьянов С.В. Тенденции и перспективы развития политической и экономической интеграции в АТР: Материалы межрегиональной научной конференции «Социально-экономические, правовые и культурные процессы современной цивилизации». – Владивосток, 1999. С. 222.

³ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 223–224.

В целом же создатели Форума АТЭС рассматривали его как противодействие «крепости Европа», которая активно двигалась к созданию общего рынка. Для не-североамериканских стран это также было попыткой защититься от возможного подъёма протекционизма в Северной Америке. Таким образом, основные мотивы создания АТЭС были экономического и торгового характера, хотя довольно быстро её деятельность приобрела и высокий уровень политической значимости.

Всего за четыре года организация прошла путь от конференции на уровне министров (иностранных дел и экономики) до саммита с участием основных государств АТР, который в 1993 г. в Сиэтле инициировал президент США Билл Клинтон. Повышение статуса позволило усилить содержательную часть мероприятий и сократить время, необходимое для принятия важных решений, так как лидеры государств, организуя ежегодный саммит, стремились к тому, чтобы в его ходе были достигнуты существенные результаты¹. В 1998 г. официальным членом АТЭС стала Россия, что явилось прорывом для российской внешней политики в регионе.

Несмотря на формально консультативный статус, эта МПО осуществляет разработку региональных правил и норм ведения торговли, инвестиционной и финансовой деятельности, отражая общемировую тенденцию интернационализации хозяйственной деятельности государств. АТЭС руководствуется принципом открытого регионализма, суть которого заключается в том, что развитие сотрудничества и снятие ограничений на движение товаров, денежных и людских потоков внутри АТР сочетается с соблюдением принципов ВТО и отказом от протекционизма в отношении стран – не членов этой организации, которые на взаимной основе получают доступ ко всем преимуществам от многостороннего сотрудничества. Таким образом, реализация этого принципа служит предпосылкой глобализации мировой экономики.

АТЭС предоставляет участникам значительную свободу действий. Решения принимаются на основе консенсуса, что сдерживает доминирование наиболее влиятельных участников и позволяет учитывать позиции всех заинтересованных сторон. Секрета-

¹ Morrison C. The Evolution of an Institution. In eds. by Aggarwal V., Morrison C. Asia-Pacific Crossroads. – NY., 1998. P. 10.

риат АТЭС не велик, он не имеет полномочий, чтобы добиваться выполнения членами решений организации. При этом МПО действует на основе «согласованных односторонних мер», выполнение которых юридически не обязательно для участников. Страны-участницы принимают на себя обязательства по либерализации торговли и инвестиций добровольно, то есть они действуют независимо, но с оглядкой на партнёров. Подобный порядок принятия и исполнения решений, как и модель деятельности МПО, в целом, соответствуют традициям азиатской традиционной философии и принципам уже рассмотренного «пути АСЕАН».

По ряду оценок, пик в деятельности АТЭС пришёлся на 1994–1995 г., когда были определены задачи формирования в регионе системы свободной торговли и инвестиций, а затем объявлен план продвижения в этом направлении на базе сочетания односторонних и коллективных действий. В соответствии с Бюргорской декларацией от 1994 г., создание зоны свободной торговли для промышленно развитых стран намечено на 2010 г., а для развивающихся – на 2020 г. Тем не менее, перспективы формирования на базе МПО полномасштабной интеграционной группировки представляются неопределёнными, что во многом связано с несовпадением приоритетов в развитии АТЭС, которых придерживаются развитые англо-саксонские и развивающиеся азиатские государства.

Так, США заинтересованы в быстрой и полной либерализации торговых и финансовых потоков и открытии рынков стран Восточной Азии, на долю которых приходится большая часть их внешнеторгового дефицита. Вот почему Вашингтон, и в этом его поддерживают Канада, Австралия и ряд других стран, настаивает на повышении уровня институционализации АТЭС и на обязательности принимаемых решений. Со своей стороны, развивающиеся страны Восточной Азии отстаивают добровольный характер этого процесса и выдвигают на первый план не либерализацию торговли, а содействие экономическому и техническому сотрудничеству (ЭКОТЕК).

Что касается Пекина, то он активно участвует в деятельности как СТЭС, так и АТЭС. КНР выступила организатором ежегодного совещания СТЭС в 1990 г. в Пекине и Саммита АТЭС в 2001 г. в Шанхае, в которых в качестве членов организаций участвовали представители Тайваня и Гонконга. Системная работа в АТЭС

позволила Пекину повлиять на модель деятельности МПО с учётом собственных интересов. Так, при принятии Богорской декларации Пекин смог отстоять принцип опережающего открытия рынков развитых государств для товаров из развивающихся стран. В целом, Китай вносит существенный вклад в работу АТЭС, в первую очередь, по таким направлениям, как развитие экономического и технического сотрудничества, среднего и малого бизнеса и др.¹

Для поддержания институциональной стабильности организации ее члены прибегали к таким мерам, как снятие с повестки дня вопросов либерализации торговли, по которым отсутствовал консенсус, и передача их для обсуждения в ВТО. В этих же целях в 2000 г. представители Канады предложили пойти на еще один компромисс и уделить основное внимание не либерализации торговли и финансовой сферы, а другой важнейшей задаче АТЭС – всемерному развитию мер по содействию торговле, в реализации которых заинтересованы все члены организации².

Несмотря на серьезные потрясения, вызванные неспособностью как-то воспрепятствовать азиатскому экономическому кризису, и острые противоречия между членами организации, АТЭС как международный институт проявил достаточную живучесть. Более того, на саммите в Куала-Лумпур (Малайзия, 1998 г.) в разгар финансового кризиса прозвучали идеи придать экономической и финансовой интеграции в рамках АТЭС более обязывающий характер. Тем не менее, по мере преодоления кризиса, на последующих саммитах они не получили практического развития. Существенный негативный вклад в это внесла Япония, которая воспрепятствовала включению продукции рыбной и лесной отраслей в список, подпадающий под действие программы «ранней добровольной секторной либерализации» (РДСЛ). Вашингтон, не найдя понимания Токио по этой проблематике, вскоре переключил основное внимание на согласование условий вступ-

¹ Wanandi J. China and Asia Pacific Regionalism. In eds. by Kokubun Ryosei, Wang Jisi *The Rise of China and a Changing East Asian Order*. – Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. P. 43.

² Woo Y., Wilson J. *Cutting Through Red Tape: New Directions for APEC's Trade Facilitation Agenda*. – Asia Pacific Foundation of Canada, 2000. P. 11–15.

ления Китая в ВТО как важнейшее направление либерализации торговли в АТР¹.

Тематика РДСЛ была передана на рассмотрение ВТО, и этот опыт показал, что АТЭС не готов к проведению торговых переговоров в их традиционном понимании. Более того, по мнению Э. Линкольна, окончание активных усилий АТЭС по продвижению программы РДСЛ зафиксировало кризис идентичности МПО². С другой стороны, в более широком плане тупик в реализации РДСЛ показал, что концепция ускоренного продвижения к построению общерегиональной ЗСТ не нашла поддержки у менее развитых стран-членов Форума³.

Когда же возникла необходимость сначала предотвращения, а затем преодоления азиатского финансового кризиса, опора на принцип открытого регионализма не помогла пострадавшим странам. АТЭС не смог, с одной стороны, смягчить негативного воздействия внерегиональных сил, с другой – выработать механизмы, чтобы обязать азиатские страны, имевшие существенные валютные резервы, оперативно помочь соседям по региону. Несогласия в подходах к оценке причин возникновения кризиса отразились даже в дебатах о его названии. В странах Северной Америки и ЕС его называли «азиатской инфекцией», вызванной нежеланием азиатских государств следовать классическим правилам рыночной экономики. Напротив, в Азии считали, что их беды были связаны с приверженностью США и МВФ так называемому «Вашингтонскому консенсусу» и проведением ими драконовской политики, подорвавшей финансовую устойчивость ряда стран региона. Для них справедливым названием этих негативных явлений является «кризис МВФ»⁴.

¹ В этом решении есть очевидная логика, так как ВТО является более авторитетной, чем АТЭС межправительственной организацией, имеющей сходную повестку либерализации торговли, но при этом соблюдение требований ВТО обязательно для государств-участников.

² Lincoln E. East Asian Economic Regionalism. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2004. P. 130.

³ Якубовский В.Б. Камо грядеши, АТЭС? // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 70.

⁴ Higgot R., Breslin S. Studying Region: Learning from the Old, Constructing the New // New Political Economy. 2000. № 5 (3). P. 333–352.

Подобные оценки вызвали широкую поддержку создания азиатских институциональных механизмов, способных изменить глобальную финансовую архитектуру и стать эффективным противовесом мощи вне-азиатских акторов. Активизировались поиски новых идей и концепций развития региональной и субрегиональной экономической интеграции, стали выдвигаться идеи создания единой азиатской валюты, Азиатского валютного фонда и т.п. Реальные проекты интеграции уже реализуются на субрегиональном уровне, например, лидеры стран АСЕАН давно рассматривают свою организацию в качестве первопроходца азиатского регионализма. Однако финансовый кризис нанёс определённый ущерб этой МПО, и в результате на позицию лидера региональной интеграции в последние годы вышла АПТ¹.

Существенной проблемой для АТЭС многие годы были достаточно произвольные критерии при приёме новых членов. Хотя расширение членства имело свою политическую логику, недостаточные экономические связи новых участников со странами региона ослабляли значимость экономической проблематики и способствовали дальнейшему размыванию институциональной идентичности АТЭС. 21 член АТЭС, помимо этой общерегиональной МПО, входят также в НАФТА, Меркосур, ШОС, АПТ, Южно-Тихоокеанский форум и другие региональные организации, успешно решающие задачи развития сотрудничества в своих регионах. Очевидный с конца 1990-х годов спад в деятельности АТЭС постепенно ведёт к деконструкции «тихоокеанского» региона, между странами которого отсутствуют как интенсивная регионализация, так и развитые исторические и культурные связи, что, в свою очередь, свидетельствует о низком уровне региональности. Американская или австралийская идентичности сильно отличаются от восточноазиатской, и говорить о наличии общего регионального сознания не приходится².

¹ Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 24–25.

² Bonnor J. Australia and East Asia: The Debate Over a Regional Consciousness. In eds. by A. Baginda, A. Bergin Asia-Pacific's Security Dilemma: Multilateral Relations Amidst Political, Social and Economic Changes. – London: ASEAN Academic Press, 1998.

С другой стороны, именно разнообразие участников и широкий подход к членству обеспечили этой организации уникальную роль в жизни АТР: только саммиты АТЭС собирают вместе лидеров ведущих мировых и региональных держав (США, Япония, Китай, Россия), а также стран ЮВА, Тайваня и других. Ежегодные саммиты стали для них отличной возможностью проведения так называемых двусторонних встреч «на обочине» для обсуждения широкого круга вопросов двусторонних и региональных отношений. Как следствие этого, повестка дня саммитов АТЭС стала расширяться за счет включения в нее, помимо экономических проблем, вопросов сотрудничества в области безопасности. Так, в 1999 г. в Новой Зеландии было оперативно согласовано решение об отправке войск ООН в Восточный Тимор¹, а в 2001 г. в КНР была принята резолюция, осуждающая терроризм².

В то же время неспособность МПО решить изначально главную задачу либерализации торговли вызывает недовольство, в первую очередь, США, Канады, Австралии и других участников. В то же время Япония и РК не заинтересованы в быстром продвижении АТЭС в этом направлении, так как это может заставить их открыть для внешней конкуренции политически чувствительные сектора промышленности и сельского хозяйства. Таким образом, та и другая причины способствовали ослаблению поддержки и интереса к АТЭС³. Серьезные проблемы по продвижению торговой либерализации на мировом (ВТО), макрорегиональном (АТЭС) и субрегиональном (АФТА) уровнях во многом привели с конца 90-х годов к быстрому росту числа двусторонних торговых соглашений в АТР.

¹ В СБ ООН это решение было поддержано КНР, что, по мнению директора Института мировой экономики и политики Юй Юндина, носит знаковый характер, свидетельствуя о готовности Пекина рассматривать варианты многосторонних режимов региональной безопасности. См.: Yongding Y. On Economic Cooperation between Asian Economies // Proceedings of the 11th Hokkaido Conference for North Pacific Issues. – Sapporo, 1999. P. 73.

² Важность этого события заключается в том, что на саммите в Шанхае впервые в рамках АТЭС, главной задачей которого является торгово-экономическое развитие, была принята политическая декларация.

³ Ravenhill J. The new bilateralism in the Asia-Pacific // Third World Quarterly. 2003. № 24 (2). P. 299–300.

Первоначально лидером в этой области стал Сингапур, недовольный медленной торговой либерализацией в регионе, но при этом не имеющий развитого сельскохозяйственного сектора, что делало его удобным партнёром на переговорах. США, постепенно пересмотрев свою позицию, также подключились к этому процессу, рассматривая заключение двусторонних транстихоокеанских торговых соглашений в более широком контексте укрепления региональной безопасности и поддержания влияния Вашингтона в АТР. Что касается стран Азии, то первые такие соглашения США подписали: с Сингапуром – в 2003 г., с Австралией – в 2005 г. и, наконец, с РК – в 2007 г. Заключение последнего соглашения стало стимулом для начала подобных переговоров с рядом других стран и обеспечило Вашингтону возможность в определённой степени держать под контролем процессы регионализма Восточной Азии.

После финансового кризиса 1997 г. для стран восточноазиатской части АТР политико-экономический фокус сместился с торговых на финансовые потоки, что и стало приоритетом в деятельности АПТ. Однако этот принципиально важный фактор не нашёл реального отражения в деятельности АТЭС, а Вашингтон предпочёл другие механизмы для устранения последствий кризиса и реализации своих внешнеполитических целей в регионе. Таким образом, страны Восточной Азии на практическом опыте всё больше осознают, что США активно пользуются привилегией использования многосторонних подходов «по заказу» («a la carte»), то есть только тогда, когда это напрямую отвечает их интересам¹.

Подобная непоследовательность и известный оппортунизм в отношении опоры на многосторонние подходы привели к усилению недовольства деятельностью АТЭС и произвольно способствовали укреплению позиций альтернативного видения более компактного и сплочённого восточноазиатского региона². Это

¹ Такое определение американского подхода дал директор управления планирования политики Госдепартамента США Ричард Хаас. See in Pempel T.J. Challenges to bilateralism: changing foes, capital flows and complex forums. In eds. by E.S. Krauss, T.J. Pempel *Beyond Bilateralism: US-Japan Relations in the New Asia-Pacific*. – Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 27.

² Brzezinski Z. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. – NY: Basic Books, 2004. P. 127.

позволило Китаю, заключившему соглашение о свободной торговле со странами АСЕАН, консолидировать свои позиции в ЮВА и ослабить гегемонию США в регионе. Признавая это, некоторые американские эксперты, например, Э. Линкольн, открыто призывали администрацию Д. Буша-младшего снова усилить внимание к АТЭС как средству для противодействия восточно-азиатскому регионализму¹.

Несмотря на значимость вышеописанных негативных тенденций, следует отметить два момента, которые, напротив, свидетельствуют об институциональной живучести АТЭС. Во-первых, сохраняющаяся тенденция к заключению двусторонних торговых соглашений странами Восточной Азии не только со своими соседями, но и с государствами из других регионов АТР (например Северной и Южной Америки) говорит о том, что АТЭС по-прежнему приносит определённую пользу своим членам.

Во-вторых, роль АТЭС для Вашингтона как инструмента поддержания диалога со странами АТР в перспективе может существенно возрасти, так как в новых МПО Восточной Азии США пока не находится места. По некоторым оценкам, в Вашингтоне идут жаркие дебаты по поводу того, активное участие в какой из организаций: Саммите Восточной Азии (США не являются её членом, но могут попытаться получить статус наблюдателя) или АТЭС (Вашингтон может официально предложить расширить экономическую повестку организации за счёт проблематики региональной безопасности) более перспективно для США с точки зрения усиления их политико-экономического влияния в регионе. Скорее всего, выбор будет сделан в пользу АТЭС, в повестке которого в этом случае будет возрастать значение проблематики борьбы с терроризмом, обеспечения человеческой безопасности и т.п.²

В то же время нельзя не отметить, что представители многих, в первую очередь, развивающихся стран, высказывают мнение о том, что по своей природе АТЭС не был предназначен для выхода за пределы диалога по актуальным проблемам торговли, инвестиций, экономического и технического сотрудничества в АТР. Они считают полезным сохранение АТЭС в качестве МПО, при-

¹ Lincoln E. East Asian Economic Regionalism. – Washington: The Brookings Institution, 2004.

² The Strategic Balance in Northeast Asia 2007. – Seoul: the Korea Research Institute for Strategy, 2007. P. 107.

званной координировать и гармонизировать внешнеэкономическую деятельность стран региона. При этом популярно мнение о том, что в сложившихся условиях АТЭС должен уделять преимущественное внимание программе экономического и технического сотрудничества (ЭКОТЕК), что в наибольшей степени отвечает интересам развивающихся государств региона, и, начиная с Шанхайского саммита 2001 г., эта позиция получает всё большую поддержку.

В перспективе следует ожидать сохранения разногласий по проблеме поддержания определённого баланса между основными опорами деятельности МПО – либерализацией торговли и инвестиций, с одной стороны, и программой ЭКОТЕК – с другой. В ходе последних саммитов АТЭС страны-хозяйева не фокусировали внимание на буксующей повестке торговой либерализации, а старались повысить эффективность сотрудничества, выдвигая для обсуждения и совместной реализации инициативы экологического характера и предлагая новые подходы к реализации программ ЭКОТЕК. Последние при всей их важности невелики по объёму вложенных средств и способны играть ключевую роль в экономическом и техническом «прорыве» развивающихся стран.

Так, на 2007 г. Австралия объявила основными приоритетами относительно новую для АТЭС проблематику глобальных климатических изменений и «чистого развития», одновременно выразив в итоговой декларации саммита поддержку Дохийскому раунду ВТО, предусматривающему, в первую очередь, либерализацию торговли сельскохозяйственной продукцией.

В 2008 г. страной организатором Форума была Перу, председательство которой в АТЭС проходило под девизом «К решению новых задач в интересах развитию АТР», а главным приоритетом было объявлено использование глобализации в интересах сокращения разрыва между развитыми и развивающимися экономиками АТЭС. Основной упор в совместной работе уделялся социальным аспектам глобализации, обеспечению устойчивого социально-экономического развития на всём азиатско-тихоокеанском пространстве, в том числе за счёт повышения корпоративной ответственности частного сектора.

В этом контексте на саммите АТЭС, прошедшем в Лиме 22–23 ноября 2008 г., обсуждались основные региональные вызовы в области экономики, человеческой безопасности, окружающей

среды и другие, а в итоговой декларации в качестве ведущих направлений деятельности АТЭС были определены следующие: стимулирование региональной экономической интеграции, структурные изменения роли государств в инвестициях и торговле, обеспечение продовольственной безопасности, повышение социальной ответственности корпораций, борьба с коррупцией, терроризмом, а также совместное противостояние природным катаклизмам и глобальному потеплению.

Помимо итоговой декларации, участники приняли специальное заявление по проблемам глобальной экономики и борьбы с мировым финансовым кризисом. Они признали неизбежность в этих условиях замедления темпов экономического роста в странах АТЭС, обсудили меры, предпринимаемые ими индивидуально и совместно для противодействия негативным последствиям и обозначили проведение «быстрых и решительных» мер по борьбе с кризисом как важнейший приоритет в деятельности МПО. Выражена уверенность в том, что совместными усилиями государств кризис будет преодолен к середине 2010 года, поддержан План действий по реформированию финансовых рынков, определённый в Вашингтонской декларации лидеров «двадцатки» от 15.11.2008 г., подчёркнута ключевая роль МВФ, Мирового банка, Азиатского банка развития, Межамериканского банка развития и других международных финансовых институтов в предоставлении финансовых ресурсов государствам, наиболее пострадавшим от кризиса.

Страны-участницы приняли на себя обязательство в течение 12 месяцев воздержаться от введения новых барьеров для инвестиций, торговли товарами и услугами, дополнительных ограничений экспорта и проведения любых мер, несовместимых с правилами ВТО. Кроме того, в документе выражена поддержка мерам, направленным на успешное завершение Дохийского раунда ВТО, и подтверждена приверженность перспективным целям Боггорской декларации по созданию в АТР зоны свободной торговли и инвестиций.

В итоговой декларации саммита также декларирована приверженность участников укреплению институциональной структуры МПО. В составе Секретариата АТЭС учреждён Отдел стратегического планирования, а также одобрено продвижение в ре-

шении вопроса о назначении на фиксированный срок Исполнительного директора Секретариата АТЭС.

Президент России Д. Медведев в преддверии саммита АТЭС, который для него стал первым, опубликовал в СМИ ряда стран АТР статью, где поделился своим видением места и задач этой МПО и перспектив участия в нём нашей страны. По его мнению, АТЭС может и должен играть возрастающую роль в поиске путей обеспечения стабильности и процветания нашего общего региона, а приоритетными темами для обсуждения на саммите являются минимизация последствий глобального финансового кризиса, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности. Он заявил, что в период борьбы с мировым финансовым кризисом укрепление международного взаимодействия является ключом к решению первоочередной задачи – формирования многополярной международной финансово-экономической системы. При этом именно АТР, в условиях сохранения многими государствами региона высоких темпов роста, может стать локомотивом, способным обеспечить мировой экономике выход из кризиса и последующее устойчивое развитие¹.

Медведев подчеркнул, что являясь одним из крупнейших мировых поставщиков нефти и газа, Россия будет содействовать созданию такой системы энергообеспечения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая позволит потребителям энергоресурсов диверсифицировать географию импорта, обеспечить надёжные и бесперебойные поставки. По мнению президента РФ, вовлечённость в интеграционные процессы в регионе способствует более эффективному выполнению программ социально-экономического развития нашей страны, и в этой связи РФ придаёт большое значение укреплению промышленной кооперации и сотрудничеству в области передовых технологий, в реализации транспортных проектов, включая создание «сухопутного моста» для транспортировки грузов между АТР и Европой. Расширение межрегиональных связей важно, прежде всего, для Сибири и Дальнего Востока России. Именно поэтому в контексте российского председательства в АТЭС в 2012 году было принято реше-

¹ Медведев Д.А. К упрочению динамичного равноправного партнёрства в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Статья для СМИ стран АТР, 21.10.2008. См. www.president.ru.

ние провести саммит государств-участников во Владивостоке, к которому уже начата активная подготовка.

В этой же статье президент РФ подтвердил, что при практической реализации задач Форума Россия будет твёрдо придерживаться принципиальных для МПО принципов консенсуса и добровольности. Через несколько дней на пресс-конференции он декларировал приверженность России ещё одному краеугольному для АТЭС принципу – «открытого регионализма», выразив удовлетворение тем, что саммит АТЭС в Лиме во многом стал продолжением и конкретизацией недавней встречи «двадцатки» в Вашингтоне. По оценке Медведева, главный вывод заключается в том, что в Лиме не возникло чего-то альтернативного и что основные пути выхода из финансового кризиса, намеченные в Вашингтоне, являются правильными¹.

Прошедший саммит стал первым также для премьер-министра Японии Таро Асо, и, напротив, последним для президента США Д. Буша-младшего. В ходе беседы с Таро Асо «на обочине» саммита Медведев заявил, что Москва рассматривает российско-японские отношения как один из ключевых факторов стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и подтвердил готовность к их обсуждению. На встрече с американским президентом была достигнута договорённость о выступлении с совместной инициативой по борьбе с пиратством. Кроме того, Медведев пригласил Д. Буша посетить Россию уже в качестве частного лица. Наконец, на встрече с председателем КНР Ху Цзиньтао президент РФ обсудил возможности перехода на осуществление торговых операций за национальные валюты, то есть с использованием в качестве платёжного средства рубля и юаня.

Переживаемый АТЭС своего рода кризис идентичности предоставляет Москве благоприятную возможность как уточнения своих целей и интересов в этой МПО, более активного участия в разработке приоритетов и принципов её работы с учётом собственных интересов, так и активизации деятельности РФ в АТР в целом, что снизит вероятность выпадения российской (и, в первую очередь, дальневосточной) экономики из тихоокеанского экономического пространства. Главная же проблема на пути ак-

¹ Медведев Д.А. Материалы пресс-конференции по итогам встречи глав государств и правительств стран – участниц форума АТЭС. 24.10.2008. См. www.president.ru.

тивизации участия России в АТЭС – низкий уровень российской вовлечённости в экономическую жизнь (объема ВЭС, финансовых, информационных потоков, демографического вклада и др.) региона, а также асимметрия в её торгово-экономических связях со странами-членами МПО. Так, доля ВЭС России находится в районе 1% внешнеторгового оборота АТР, её инвестиции в эти страны незначительны. В этой связи у последних нет большого интереса для обсуждения с представителями России в рабочих органах АТЭС конкретных положений, регулирующих торговые и другие направления сотрудничества в регионе. В то же время доля стран АТЭС во внешнеторговых, прежде всего экспортных, операциях России достаточно высока (свыше 15%), превышая объём экспорта в страны СНГ, то есть РФ больше зависит от торгово-экономических связей со странами АТЭС, чем последние зависят от России¹.

В 1999 г. на инициированной МИД РФ научной конференции «Россия в АТЭС и АТР» было констатировано, что «объективные возможности российской экономической политики в рамках АТЭС в данный момент весьма ограничены». В силу этого российские эксперты высказывали опасение, разделяемое и иностранными учеными, что вклад РФ в деятельность АТЭС может ограничиться ежегодным участием в саммитах и встречах министров иностранных дел и торговли, в то время как с развертыванием реальной работы, в том числе в рамках рабочих групп, могут возникнуть сложности².

Во многом этот прогноз оправдался, и ситуация начала меняться в позитивную сторону только в последние годы. Владимир Путин в качестве председателя правительства, а затем президента России, начиная с 1999 г. и по 2007 г., принял участие практически во всех саммитах (за исключением 2002 г.). Активная работа на высшем политическом уровне позволила довести до стран региона российские приоритеты в АТР, прежде всего, это увеличение вклада России (на основе использования её сравнительных преимуществ) и придание за счёт этого нового качества регио-

¹ Якубовский В.Б. Камо грядеши, АТЭС? // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 78.

² Васильев С. АТЭС и экономическая дипломатия России: Материалы межинститутской научной конференции. – М.: МИД РФ, 1999. С. 68–70.

нальному сотрудничеству в области энергетики, транспорта (в качестве моста между Европой и Восточной Азией), наукоёмких технологий и т.д.¹

В то же время серьезным недостатком продолжало оставаться пассивное и без должной преемственности участие России в рабочих группах и комитетах АТЭС. Активное использование этих механизмов – приоритетная задача для Дальнего Востока РФ, так как позволяет с небольшими затратами и оперативно получить доступ к уникальной информации экономического характера по всем отраслям и видам хозяйственной деятельности региона, а также координировать сотрудничество со странами АТР в области торговли, рыболовства, транспортной инфраструктуры, энергетики и др.

При этом институциональный механизм АТЭС предусматривает активную деятельность всех участников, в том числе поочередную организацию ими мероприятий ежегодной программы, которая весьма обширна. Так, в 2001 г. в Москве прошло заседание Делового консультативного совета АТЭС. В дальнейшем местом проведения большинства российских мероприятий из годовой программы АТЭС стал Владивосток. В 2002 г. в этом городе прошли седьмой инвестиционный симпозиум и третья ярмарка инвестиций АТЭС, в 2005 г. – ежегодное заседание Транспортной группы АТЭС.

Регулярное участие президента РФ в саммитах, утверждение им Концепции участия России в АТЭС и создание Комиссии правительства по вопросам участия России в этой организации, активизация проведения мероприятий АТЭС на своей территории свидетельствуют о том, что высшее руководство страны считает участие в работе этой МПО приоритетной задачей для страны. Ещё одним важным подтверждением этого факта стало недавнее решение руководства России провести в 2012 г. саммит АТЭС во Владивостоке. Для проведения мероприятия подобного уровня в городе отсутствует необходимая инфраструктура и программа по подготовке к саммиту, кроме всего прочего, призвана решить эту задачу.

Открытый регионализм в сфере безопасности подразумевает предоставление не только странам региона, но и государствам, находящимся за его пределами, возможность присоединяться к заключенным членами организации соглашениям и становиться

¹ Севастьянов С.В. Время соответствовать новым вызовам // «Дальневосточный ученый». 2001. № 23.

участниками региональных режимов. Становление многосторонних подходов к обеспечению безопасности стало отличительной чертой АТР в 90-е годы, что нашло выражение в создании в 1994 г. Регионального Форума АСЕАН (АРФ), в котором внешние акторы получили статус партнеров по диалогу. Предложения о создании альтернативных действующим механизмам безопасности высказывались представителями России¹, Австралии², Канады, Японии и других стран. Однако материализовать её смогли страны АСЕАН, чему во многом способствовали такие факторы, как:

– окончание «холодной войны» и стратегическая неопределённость в регионе, вызванная отстранённостью США;

– инициатива, проявленная рядом стран, в первую очередь, Австралией, Канадой, Сингапуром, Филиппинами, и накопленный институциональный опыт взаимодействия в формате АСЕАН;

– плодотворное взаимодействие сети научно-исследовательских институтов стран АСЕАН, занимающихся проблематикой безопасности³.

В то время как США, утратив в 1991–1992 гг. военные базы на Филиппинах, несколько отстранились от региона, Китай усилил свою военную активность в Южно-Китайском море, а роль Японии была ограничена экономической поддержкой, осуществляемой на основе государственной программы помощи развитию. В этой ситуации страны АСЕАН предложили трансформировать старую систему односторонних действий и двусторонних союзов безопасности в новый формат многостороннего регионализма, основанный преимущественно на позитивном взаимодействии внешних акторов и многостороннем диалоге. Как следует из на-

¹ В 1986 г. президент СССР М. Горбачёв выдвинул идею Тихоокеанской конференции по безопасности, что вызвало появление схожих региональных инициатив, предложенных правительствами Австралии, Канады и др.

² На постминистерской конференции АСЕАН в июле 1990 г. бывший в то время министром иностранных дел Австралии Гарет Эванс предложил создать Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Азии по образцу действующей с 1975 г. Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Однако это предложение было отклонено странами АСЕАН как способное ослабить азиатскую идентичность региона.

³ Thayer C. *Multilateral Institutions in Asia: The ASEAN Regional Forum*. – Honolulu: the APCSS, 2000. P. 1–12.

звания, центром притяжения этой МПО являются страны АСЕАН, создавшие её для поддержания безопасности региона совместно с великими державами и другими государствами, получившими статус партнёров по диалогу.

На первом этапе основной вклад в разработку новых подходов взяли на себя пять НИИ, представлявшие собой сложившуюся сеть институтов стратегических и международных исследований ASEAN – ISIS (ASEAN Institutes of Strategic and International Studies) из пяти стран АСЕАН: Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда. Начиная с 1990 г., представители институтов сети ASEAN – ISIS занялись подготовкой концептуального видения новой организации, а в 1993 г. к ним присоединились ещё пять исследовательских институтов и центров из Австралии, Канады, Японии, РК и США, которые вместе создали новую МНПО – Совет по сотрудничеству в области безопасности АТР (CSCAP), ставшую основной поддерживающей АРФ организацией второй дорожки¹.

Опираясь на эти предпосылки, в 1993 г. страны АСЕАН достигли согласия о необходимости формирования Регионального Форума АСЕАН. Они же стали и лидерами новой организации, так как не рассматривались другими участниками в качестве угрозы безопасности, а сама организация (АСЕАН) в 90-е годы оценивалась как исключительно успешная.

Первое официальное заседание АРФ состоялось в 1994 г. в Бангкоке, а уже на втором заседании в 1995 г. в Брунее был представлен документ, определяющий видение, структуру и нормы форума. Во многом он отражал идею «кооперативной безопасности», которую было предусмотрено достичь последовательной (в ходе трёх стадий) реализацией мер, как ниже указано:

1. Выработка мер доверия.
2. Развитие превентивной дипломатии.
3. Разработка механизмов разрешения конфликтов¹.

В 1996 г. к членам АРФ в качестве партнёров по диалогу присоединились Россия, Китай и Индия, что отражало политиче-

¹ Ortuoste M. The Establishment of the ASEAN Regional Forum // Paper delivered to Multilateral Institutions in Asia Seminar. – Honolulu, APCSS, July 14, 2000.

¹ По желанию китайской стороны, этот термин со временем утратил слово «механизмов» и был заменён на «разработка подходов к конфликтам».

ский курс АСЕАН, направленный на подключение к региональному диалогу по безопасности всех великих держав, которые должны уравновешивать друг друга (общий состав членов АРФ дан в приложении 1).

На начальном этапе работы форума участники уделили основное внимание выработке и согласованию мер доверия. В интересах их реализации они согласились укрепить диалог в сфере безопасности, усилить прозрачность в области военной политики и расходов, развивать военные обмены и т.д. Однако перевести работу МПО на вторую стадию оказалось непросто, так как возникли разночтения в понимании участниками пределов и вариантов применения мер превентивной дипломатии. Позже было достигнуто согласие о том, что мероприятия первой и второй стадии могут выполняться одновременно.

В целом, необходимо отметить, что за 14-летнюю историю АРФ остался консультативным форумом, действующим на основе консенсуса, и не стал организацией, «решающей проблемы». Тем не менее, оценки эффективности этой МПО существенно разнятся в зависимости от ожиданий участников. Так, к позитивным результатам можно отнести тот факт, что со времени создания организации в Восточной Азии не произошло ни одного серьёзного военного конфликта, участники выработали и реализуют комплекс мер доверия в военной области. С другой стороны, выработка мер превентивной дипломатии застопорилась, уровень институционализации остался низким, а такие важнейшие вопросы, как Тайваньская проблема или безопасность Корейского полуострова на нём не обсуждаются, хотя КНДР является членом АРФ.

Оба набора оценок (как позитивных, так и негативных) могут быть обоснованы в зависимости от того, какая роль для АРФ предусмотрена участниками в вопросах региональной безопасности, а также, какая скорость институциональных изменений позволит этой МПО оставаться релевантной решаемым задачам. Проблема с оценкой эффективности состоит в том, что не существует модели, с которой можно сравнить достижения АРФ, так как европейский опыт сильно отличается от исторического, культурного и экономического контекста восточноазиатской политики безопасности, то есть, в конечном счёте, признание состоятельности АРФ и его релевантности нуждам безопасности членов организации зависит только от них самих. Своё отношение они

могут выразить, продолжая активно работать в АРФ, или перенацелив организационные, финансовые и прочие ресурсы на другую международную или региональную структуру¹.

Китай и США первоначально не приветствовали идею создания регионального форума безопасности, но со временем изменили позиции и вступили в АРФ. В то же время они не проявляют особой инициативы и лидерских амбиций в деятельности форума. Причины таких подходов и перспективы их будущего участия являются важнейшими факторами, которые во многом определяют судьбу организации. С учётом одной из гипотез данного исследования о том, что американо-китайские отношения являются ключевыми для оценки перспектив развития регионализма Восточной Азии и АТР в целом, представляется исключительно важным сравнить подходы к оценке эффективности АРФ Китая и США, взаимное втягивание которых было одной из главных причин создания МПЮ.

Как было рассмотрено в первой главе, несмотря на то, что многосторонние институты несколько ограничивают автономию ведущих игроков, они обеспечивают последним социальные рамки, придающие легитимность их мощи и лидерским амбициям. Международные порядки, которые обеспечивают подобное «институциональное связывание», как правило, более долговечны и стабильны, чем базирующиеся на односторонних и двусторонних отношениях между гегемоном и более слабыми государствами².

Позиция Пекина относительно АРФ претерпела существенные изменения. Первоначально Китай опасался, что многосторонний формат организации даст возможность более слабым государствам сообща выступить против его территориальных и других интересов, однако уже на втором заседании форума в 1995 г. его позиция изменилась, и Китай согласился на дискуссии со странами АСЕАН в многостороннем формате по территориальным проблемам Южно-Китайского моря. Это изменение в оценках и подходах было вызвано рядом причин:

– Пекин стал рассматривать АРФ как важное средство для оглашения собственного видения проблем безопасности, влияния

¹ Curley M., Thomas N. Introduction. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 14.

² Ikenberry J. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. – Princeton: Princeton University Press, 2001.

на взгляды других по поводу места и роли КНР в системе региональной безопасности и снятия подозрений о китайской «угрозе»;

– Пекин убедился, что форум не превратится в антикитайскую организацию и что США не смогут оказывать серьёзное влияние на его курс настолько, чтобы поставить под удар стратегические интересы Китая в регионе¹;

– АРФ открыл «новое окно в мир» для представителей МИД КНР, предоставив возможность из первых рук узнать, как мир и регион воспринимает Китай и в чём заключаются ключевые проблемы безопасности АТР, что помогает Пекину формировать более реалистичный внешнеполитический курс.

Несмотря на позитивные изменения по отношению АРФ, на практике подходы Китая к его деятельности остаются очень осторожными:

– Китай выступает за сохранение в АРФ лидерства АСЕАН, в отсутствие которого он вряд ли бы присоединился к какому-либо форуму многосторонней безопасности в АТР. Пекин не входит в число инициаторов дальнейшего развития повестки безопасности и создателей «дорожной карты» МПО, играя в организации скорее реактивную роль;

– Пекин стремится сохранить эту МПО как форум для выработки мер доверия, а не разрешения конфликтов. Что касается превентивной дипломатии, то он поддерживает её только в части межгосударственных конфликтов и категорически против её применения для разрешения внутрисоюзных конфликтов, опасаясь, что это позволит другим странам вмешаться в Тайваньскую проблему, которая для КНР является вопросом внутренней политики².

В целом, Китай результативно использует этот многосторонний канал сотрудничества, чтобы, играя по принятым в АСЕАН правилам, создать имидж ответственного и конструктивного регионального игрока и убедить соседей в том, что он не представляет угрозы безопасности, и страны АСЕАН всё больше склонны к тому, чтобы согласиться с этим тезисом.

¹ Christensen T. China, the US-Japan Alliance, and the Security Dilemma in East Asia // *International Security*. Spring 1999. Vol. 23. № 4. P. 49–80.

² Goh E., Acharya A. The ASEAN Regional Forum and security regionalism. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 100.

Что касается США, то членство в этой МПО также имеет для них положительные стороны, например, такие, как:

– центральными для АРФ являются проблемы АТР, что работает на поддержание идентичности последнего как региона и предоставляет возможность взаимодействия США и КНР в контексте единого пространства и общих проблем;

– «Азиатско-Тихоокеанское» видение АРФ, в свою очередь, работает на усиление идентичности США как регионального игрока с легитимными интересами в Восточной Азии, что служит оправданием для размещения здесь крупной группировки передового базирования. Так, бывший премьер-министр Сингапура Го Хок Тон заметил в 2001 г., что, официально пригласив США стать членом АРФ, АСЕАН изменил политический контекст «втягивания» (engagement) этой страны в ЮВА, пригласив её к совместному обсуждению обстановки в регионе. В результате никто не может сказать, что американское присутствие здесь нелегитимно¹;

– в АРФ США могут обратиться к странам региона для разъяснения своих подходов и намерений в периоды обострения международной обстановки, как, например, имело место на Корейском полуострове в 1993–1994 гг., после бомбёжки китайского посольства в Белграде в 1999 г., и после инцидента с американским военным самолётом ЕП-3 в 2001 г. Одновременно эти заседания были использованы другими участниками для критики политики США в области безопасности. Так, в 2001 г. КНР и КНДР выразили озабоченность планами Вашингтона по размещению в регионе системы ПРО;

– АРФ является ещё одной площадкой для проверки теорий «втягивания» Китая посредством социализации. Как единственный региональный форум безопасности, он является важным испытательным полигоном возможности социализации Китая в этой чувствительной сфере²;

– с 2000 г. АРФ служил местом официальных контактов между Вашингтоном и Пхеньяном на уровне госсекретаря и мини-

¹ Goh Chok Tong. Keynote address to US-ASEAN Business Council annual dinner, Washington, DC // Reprinted in The Straits Times, Singapore, 15 June 2001.

² Goh E., Acharya A. The ASEAN Regional Forum and security regionalism. In eds. by M. Curley, N. Thomas Advancing East Asian Regionalism. – NY: Routledge, 2007. P. 102–106.

стра иностранных дел соответственно, которые были невозможны в других форматах сотрудничества.

Администрация Буша-старшего с подозрением отнеслась к предложениям Австралии, Канады и Японии по созданию новых механизмов обсуждения проблем безопасности в АТР. Перелом произошёл в 1993 году, когда новая администрация Клинтона, уже поднявшая статус АТЭС с министерского до саммита, преодолела давнюю антипатию Вашингтона к многосторонним институтам безопасности в АТР, поддержав создание АРФ, весьма полезного США в реализации политики «втягивания» Китая. Эти решения стали свидетельством большей приверженности администрации Клинтона многосторонним подходам в сотрудничестве. Так, по заявлению помощника госсекретаря С. Рота, интеграция Китая в региональные институты, такие, как АРФ и АТЭС, позволит оказывать влияние на поведение Пекина, когда он «согласится играть по принятым правилам, а не будет стремиться к выработке и навязыванию собственных»¹.

Несмотря на риторическую поддержку многосторонних подходов, в период президентства Клинтона основную роль в американской политике в Восточной Азии по-прежнему играли двусторонние союзы, в первую очередь, с Японией, Австралией и РК, поддерживающие курс на удержание превосходства США в регионе. Что касается многосторонних подходов Вашингтона по отношению к Пекину, то основное внимание уделялось организациям экономической направленности (ВТО и АТЭС), а другие МПЮ играли лишь вспомогательную роль, хотя США и называли работу в АРФ «дополнительным» элементом своей политики в АТР².

С приходом администрации Д. Буша-младшего упор на политику сдерживания Китая, который стал называться «стратегическим конкурентом», и укрепление военных союзов только усилился, а многосторонние подходы, напротив, во многом утратили значимость. Более того, в 2001 г. в выпускаемом раз в четыре года администрацией Обзоре оборонительной стратегии и возможностей США (Quadrennial Defence Review – QDR) была прописана

¹ Roth S. Remarks at Closing Plenary Session of the World Economic Forum. – Hong Kong, 15 October 1997.

² Cossa R. Bilateralism, Multilateralism and the Search for Security in East Asia // Paper presented at Conference on “Multilateralism, Bilateralism and the Search for Asian Security”. – Oxford, May 2000.

на программа обеспечения американского превосходства в АТР, который в этом документе делится на два субрегиона. В первом из них, который называется «Береговая зона Восточной Азии» и тянется от южной Японии до Бенгальского залива, преимущество Вашингтона планируется обеспечить за счёт более широкого размещения американских сил передового базирования. Второй континентальный субрегион будет находиться под доминированием Китая, который в этом документе косвенно определён как «возможный конкурент с мощной ресурсной базой»¹.

После события 11 сентября 2001 г. Вашингтон, не изменив в целом скептического отношения к многосторонним институтам, попытался сделать проблематику борьбы с международным терроризмом основным фокусом в деятельности АТЭС и АРФ. Так, по мнению бывшего госсекретаря США К. Пауэлла, кампания против терроризма как объединяющая тема для всех членов АРФ может «стать фокусом деятельности этой МПО, которого у неё просто не было»². Главной проблемой АРФ, с точки зрения Вашингтона, является то, что на его сессиях участники обсуждают так называемые нетрадиционные угрозы, но не касаются наиболее насущных для региона Тайваньской и меж-корейской проблем. Институт, который не способен их решать, имеет малое значение для США, поэтому, когда в официальных документах Вашингтона характеризуется американская многосторонняя дипломатия в АТР, то обычно подчёркивается роль АТЭС, а не АРФ.

Принципиальные различия в подходах к основной роли АРФ обозначили раскол между двумя группами членов организации. Так, КНР, РФ и страны АСЕАН предпочитают выработку мер доверия в формате неконфликтного диалога общего характера. В то же время США, Япония, Австралия, Канада видят нереализованные потенциал и предназначение АРФ в выработке мер превентивной дипломатии (последние уже разработаны поддерживающей АРФ организацией «второй дорожки» – CSCAP) и разрешения конфликтов, а также в обсуждении и решении застарелых

¹ The QDR is available on-line at <http://www.defenselink.mil/pubs/qdr2001.pdf>.

² Powell C. Roundtable with ASEAN journalists // Washington DC, 25 July 2002. Available on-line at: <http://www.state.gov/secretary/rm/2002/12207.html>.

лых проблем традиционной безопасности, что невозможно без шагов по повышению институционализации МПО¹.

В целом, невысокий приоритет, придаваемый США работе в АРФ, объясняется тем, что в её структуре они играют далеко не главную роль. В результате возникают трения и противоречия между воздержанием Вашингтона от доминирования в МПО (осуществление «стратегической сдержанности»), руководимой малыми и средними государствами, и непривычной для него реактивной позицией «заднескамеечника». По некоторым оценкам, международная роль и значение АРФ могут возрасти, если страны АСЕАН уступят США и другим великим державам лидирующие позиции в этой МПО².

Итак, в вопросах безопасности АТР и США и Китай отдают предпочтение двусторонним подходам по сравнению с многосторонними. США, в условиях незавершившейся после окончания «холодной войны» идейной трансформации, продолжают опираться на проверенные временем двусторонние союзы. Важная составляющая этой концептуальной неопределённости – неясность в вопросе о том, какая стратегия (сдерживание или втягивание) более эффективна в подходе Вашингтона к Пекину. Идея «социализации» последнего через многостороннее сотрудничество недостаточно проработана теоретически, а практическую политику США в этом направлении также нельзя назвать активной.

Пекин, хотя и не имеет сети двусторонних соглашений безопасности в АТР, в подходах к разрешению конфликтов, в том числе территориальных споров с соседними странами, также прибегает к двусторонним отношениям, а не к помощи АРФ. В то же время за последнее десятилетие Китай приобрёл позитивный опыт использования многосторонних подходов в решении проблем безопасности в рамках ШОС. Этот факт свидетельствует о том, что реальный выбор для Пекина заключается не между многосторонним и двусторонним подходами как таковыми, а в том, какого рода многосторонние подходы предлагаются для участия, то есть компактная группа государств, имеющая ясную и кон-

¹ Simon S. The ASEAN Regional Forum Views the Councils for Security Cooperation in the Asia-Pacific: How Track II Assists Track I // NBR Analysis. 2002. Vol. 13. № 4. P. 10–15.

² Huisken R. Civilizing the Anarchical Society: Multilateral Security Process in the Asia-Pacific // Contemporary Southeast Asia. 2002. Vol. 24. № 2. P. 198–200.

кретную повестку безопасности, направленную на отражение реальных транснациональных вызовов, больше устраивает Пекин, чем широкий подход к составу участников и повестке, принятый в АРФ. В этом контексте серьезным вызовом для АРФ может стать попытка добиться синергетического эффекта от взаимодействия с субрегиональными организациями безопасности (ШОС, Шестисторонние переговоры и др.), что сделает эту организацию более привлекательной для Китая и других участников¹.

Россия, имеющая статус партнёра по диалогу, активно способствует эффективной работе этой МПО в сферах выработки мер доверия и превентивной дипломатии. Одновременно Москва разделяет точку зрения Пекина о том, что для повышения продуктивности работы АРФ необходимо использовать опыт других МПО, в первую очередь, ШОС, особенно в свете инициативы Ташкентского саммита о формировании сети партнёрств между азиатскими и тихоокеанскими форумами и организациями².

Что касается стран АСЕАН, то для них АРФ является лишь форумом для обсуждения проблем региональной безопасности. В случае возникновения серьёзных кризисов, как, например, при обострении обстановки на Корейском полуострове, эта проблематика не является прерогативой этой МПО, а обсуждается в формате Шестисторонних переговоров, что отбрасывает АРФ на второстепенные позиции. Таким образом, в настоящее время как АТЭС, так и АРФ являются только форумами для межправительственных дебатов по широкому кругу вопросов. В условиях формирования более консолидированной Восточной Азии и при наличии ряда институционализированных организаций (НАФТА, Меркосур и др.) АТР целесообразно рассматривать как макрорегион, более подходящий для межрегиональных исследований³.

¹ Goh E., Acharya A. The ASEAN Regional Forum and security regionalism. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 107–110.

² Ignatov A. Russia in the Asia-Pacific. In eds. by R. Azizian, B. Reznik *Russia, America, and Security in the Asia-Pacific*. – Honolulu: APCSS, 2006. P. 15.

³ Guan B. *Regionalism in East Asia: The Dynamics of Formal and Informal Processes of Regionalization*. – Kanazawa: Kanazawa University, 2005. P. 22.

Определённый интерес для исследования представляет также такая международная организация, как *Симпозиум командующих ВМС стран Западной части Тихого океана (ЗЧТО)*, которая является не межгосударственной, а скорее межведомственной структурой. Её заседания проводятся с 1988 г. с периодичностью раз в два года. В состав симпозиума входят 18 государств, а четыре страны имеют статус наблюдателей¹. В члены организации принимают государства, которые имеют территорию, географически расположенную в ЗЧТО, а в наблюдатели – тех, чьи территории к ней примыкают. ВМФ России является членом этой организации с 1996 г., представляет его на заседаниях командующий Тихоокеанским флотом (ТОФ). Симпозиум не является военным союзом или договором, это форум регионального сотрудничества, решения которого принимаются только по достижении консенсуса.

Первые симпозиумы проходили в последние годы «холодной войны», на них обсуждались преимущественно вопросы традиционной безопасности региона. Начиная с третьего симпозиума в 1992 г., акценты сместились с военных вопросов в область обеспечения безопасности мореплавания, проведения поисково-спасательных операций и предотвращения загрязнения морских акваторий. В дальнейшем важное место в повестке симпозиумов заняла разработка мер по укреплению доверия².

В ходе сессий участники рассматривали региональные проблемы безопасности, планы антипиратской деятельности и борьбы с минными угрозами в интересах защиты морских коммуникаций, сотрудничество по укреплению мер доверия на море, проведение спасательных операций и оказание гуманитарной помощи жертвам стихийных бедствий, вопросы военно-морских обменов, расширения мер открытости в деятельности ВМС, в том числе публикации «Белых книг», освещающих военную и военно-морскую доктрины государств, роль новых технологий в укреплении регионального сотрудничества и др.

¹ Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, КНР, Малайзия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, РК, РФ, Сингапур, США, Таиланд, Тонга, Филиппины, Франция, Япония. Статус наблюдателей имеют Бангладеш, Индия, Канада и Чили.

² Груздев А.И., Севастьянов С.В. Военно-морское сотрудничество в АТР и практическое участие в нём России // Морской сборник. 1999. № 4. С. 16.

Участие командующих ТОФ РФ в работе симпозиума позволило проинформировать коллег о военной политике государства, представить российскую позицию в области разработки коллективных мер безопасности в регионе, включая согласование уровней обычных вооружённых сил и военной деятельности, что способствовало укреплению доверия и позволило укрепить добрососедские отношения между странами АТР. Представители многих стран симпозиума выразили готовность к сотрудничеству с ТОФ РФ по широкому спектру задач, включая совместное патрулирование проливных зон как на двусторонней, так и многосторонней основе.

По мнению участников, роль ВМС в XXI веке всё больше будет смещаться в сторону экономических, природоохранных и социальных аспектов. Сотрудничество в этом направлении между ВМС стран-участниц симпозиума должно расширяться¹. Во многом этот прогноз оправдался, когда ВМС ряда государств активно взаимодействовали в преодолении последствий гигантского цунами, постигшего ряд государств Юго-Восточной и Южной Азии в 2004 г. Руководители ВМС многих стран-участниц не раз декларировали готовность к совместному патрулированию проливных зон и морских акваторий Восточной Азии для отражения весьма актуальной пиратской угрозы. Для перевода этих планов в практическую плоскость необходима лишь политическая воля государственных лидеров.

Наконец, ещё одной заметной тенденцией стало развитие трансрегиональных отношений безопасности, в частности, военно-политических контактов НАТО и Японии. Общим знаменателем здесь является активная вовлечённость США в обеспечение безопасности Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов. На конференциях «НАТО-Япония», являющихся единственным открытым форумом для обсуждения проблем трансрегиональной безопасности, обсуждается трехстороннее сотрудничество в этой области между Японией, США и Европой. При этом речь не идёт о создании некой иерархической «суперструктуры», а о поддержании постоянных рабочих контактов и обсуждении общих проблем международной безопасности².

¹ Груздев А.И., Севастьянов С.В. Военно-морское сотрудничество в АТР и практическое участие в нём России // Морской сборник. 1999. № 4. С. 19.

² Петровский В.Е. Азиатско-Тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. С. 197.

Глава 4. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ РЕГИОНА ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

4.1. Историческая ретроспектива становления региона

Со второй половины и до 90-х годов XX века СВА и ЮВА рассматривались как отдельные регионы, и соединение их в единое целое представляется значительным концептуальным и политическим шагом. Тем не менее, история знает один длительный прецедент и несколько более кратких по времени попыток реализовать планы регионализма Восточной Азии. Достаточно стабильный китаецентричный порядок в регионе, который теперь принято считать Восточной Азией, просуществовал в той или иной форме в течение нескольких тысячелетий и был прерван лишь в середине XIX века интервенцией со стороны западных государств. Китайская империя сохранилась на протяжении более трёх тысяч лет и не распалась подобно другим. В результате Китай стал самым населённым государством на планете, располагающим к тому же многомиллионной диаспорой во многих регионах мира, в том числе в странах Восточной Азии.

Этот исторический факт придаёт чувство определённой легитимности возможной китайской региональной гегемонии и месту Пекина в центре стабильного порядка безопасности будущей Восточной Азии. В свою очередь, в 30-е и 40-е годы прошлого столетия Япония предприняла неудачную попытку построения так называемой «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания». Как следствие этого и других исторических собы-

тий, существует устойчивое напряжение во взаимоотношениях Японии со странами региона и, в первую очередь, с Китаем, которое препятствует интеграционным планам. Наконец, не оценив влияния колониального периода на такие страны, как, например, Индонезия, Малайзия или Филиппины, нельзя адекватно объяснить разрыв в уровнях развития, сложившийся между странами СВА и ЮВА¹.

Суть этих аргументов в том, что былые исторические события продолжают влиять на формирование отношений как внутри региона, так и между Восточной Азией и остальным миром. Такие судьбоносные события, как утрата Китаем в XIX веке лидерских позиций после прихода европейцев, попадание Японии после второй мировой войны в сильную зависимость от США и другие оказали решающее воздействие на политическую и социально-экономическую ситуацию, и позволяют понять, почему процессы регионального сотрудничества в Восточной Азии начались столь поздно и развиваются сравнительно медленно.

В рамках одного параграфа невозможно изложить основные события истории Китая и других стран региона, тем не менее, можно попытаться кратко остановиться на некоторых из них, имеющих наибольшее значение для нашего исследования. Во времена древнейших династий (Ся, Шан и Чжоу) было установлено много культурных институтов и обычаев, связанных с формой правления в Китае. Например, в шанском Китае (XII век до н.э.) была сформирована концепция Чжун-Го – «Поднебесного» или «Срединного» государства, дошедшая до современности. Живший в эпоху Чжоу знаменитый философ Конфуций (551–479 гг. до н.э.) задолго до древних греков и других представителей западной цивилизации разработал социальные и моральные нормы поведения, которые не потеряли актуальности и продолжают оказывать влияние на современный мир. Несмотря на значительные социальные, научные и технологические достижения, которые вывели китайскую цивилизацию на лидирующие позиции в мире, её история была омрачена частыми конвульсивными сменами династий и внешними интервенциями.

В III век до н.э. образовалось собственно государство Китай, когда царство Цинь разгромило и аннексировало шесть других

¹ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. – NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 26–27.

китайских царств, что превратило его в великую державу. Это было подтверждено принятием победителем царём Ин Чжэн нового имени – Цинь Ши-хуанди – и титула императора. После этого всего за три года (218–215 гг. до н.э.) империя Цинь заняла территорию от предгорий Тибета до гор Качина и Тонкинского залива. Таким образом, южная периферийная зона влилась в состав китайского ядра, интегрировавшись в состав Китая, многократно усилив его геополитический потенциал и приведя к формированию китаецентричной модели Азиатского региона.

В 109 г. до н.э. королевство Чосон было разбито сменившей Цинскую империю империей Хань, в результате Чосон утратил полуостров Ляонин и признал ханьский суверенитет. Ключевым последствием этого стало то, что Корейское ядро утратило свою значимость как претендент на роль регионального гегемона и уже никогда не смогло сравниться в этом качестве с Китаем, превратившись в державу-гегемона Азиатского региона.

Сломив сопротивление айнов на Кюсю, Сикоку и в южной части Хонсю, княжество Ямато заняло ведущее положение среди княжеств Японского архипелага, и в 607 г. н.э. князь Ямато провозгласил себя императором Ниппон. Самопровозглашение новой империи вызвало раздражение у правившей в то время в Китае династии Суй, которая не желала делить с другими статус великой азиатской державы. Китай прервал отношения с Японией, организовал её морскую блокаду. В результате Япония оказалась в состоянии почти полной изоляции, продлившейся почти тысячу лет, что наложила отпечаток на все стороны её бытия¹.

По мере усиления внутренней консолидации и расширения внешних границ китайской империи в другие части региона постепенно проникали опыт управления государством и элементы культуры Китая. Так, Корея и Китай начали осваивать китайскую письменность и опыт административного управления, начиная с IV и V веков нашей эры соответственно. Несмотря на то, что эти тенденции ознаменовали начало культурной гегемонии Китая над своими соседями, собственная безопасность империи не всегда была обеспечена должным образом. В конце XIII века она подверглась вторже-

¹ Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волыничук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики. – Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 99–110.

нию монголов, что стало самым негативным примером внешней интервенции с точки зрения последствий для развития империи.

К моменту вторжения монголов успехи Китая в судостроении, мореплавании, развитые международные коммерческие контакты, в том числе со странами, которые сегодня относятся к ЮВА, делали империю главной экономической силой в Восточной Азии. Одним из важнейших последствий монгольской интервенции стало то, что она проложила дорогу к власти династии Мин (1368–1644 гг.), которая стала проводить политику изоляционизма, прекратив все наземные и морские коммерческие контакты с Западом. С XV по XIX века в Европе проходили глубокие прогрессивные изменения в социальных отношениях, институтах управления, политических идеях и экономической динамике; в то время как для Китая было характерно косное социальное устройство, а также укоренившаяся среди местной элиты точка зрения о том, что им нечему учиться у «варваров» – иностранцев. С точки зрения происходивших в мире перемен и начавшейся широкомасштабной европейской экспансии политическое и экономическое отставание Китая, а затем и его столкновение с Западом стало неминуемо¹.

Начало европейской экспансии стало для Азиатского региона событием важным, но не узловым. Главная интрига по-прежнему развивалась вокруг борьбы за региональную гегемонию между автохтонными территориально-политическими субъектами. Первым из значимых эпизодов стало японо-китайское столкновение за господство над Кореей. В 1592 г. армия Японии вторглась в эту страну, стремясь к её полной аннексии. Корейская сторона обратилась за помощью к сюзерену – империи Мин, которая совместно с корейцами нанесла Японии поражение в войне, которое далось ценой больших потерь. Этот конфликт обозначил лейтмотив долгосрочных интересов Японии, настроившейся на борьбу за статус регионального гегемона за счёт аннексий на материке, что в целом свидетельствовало о формировании в Азиатском регионе нового ядра. Одновременно Корея полностью вошла в состав укрупнившегося континентального китайского ядра².

¹ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. – NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 28.

² Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики. – Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 137–138.

Вторая половина XIX и первая половина XX веков прошли в Азиатском регионе под знаком борьбы между инвазионными (европейские государства) и автохтонными силами. Пиком внешнего давления стали Опиумные войны (1839–1942), в ходе которых поражение потерпела крупнейшая региональная держава – империя Цин, разгром которой, тем не менее, не означал полного подчинения автохтонной составляющей. Все успехи западноевропейских стран в этом регионе оказались временными, и к началу XX века они самоустранились от решения его острых проблем, упустив из вида другого серьёзного геополитического противника – Японию.

В 30–40 гг. XX века Япония осуществила крупномасштабную агрессию в Азиатском регионе, последовательно оккупировав Маньчжурию, восточную и часть южной части Китая, а затем расширила радиус своей агрессии на юг, заняв территорию большинства государств Юго-Восточной Азии и множество островов Океании. С 1942 г. Япония приступила к созданию на завоёванных территориях «великой восточноазиатской сферы совместного процветания», став во главе вассальных государств, материальные и людские ресурсы которых предполагалось использовать в интересах метрополии. Однако задача достижения политического господства над 1/3 планеты оказалась невыполнимой для переоценившей свои возможности Японии, которая была разгромлена силами союзников, в первую очередь, США и СССР, занявших в регионе положение ведущих геополитических субъектов¹.

В целом, стратегически и экономически реализация идеи создания «великой восточноазиатской сферы совместного процветания» закончилась провалом. Несмотря на это, последствия от выдвижения самой идеи и попытки её реализации очень велики. Во-первых, эта идея является первой попыткой представления Восточной Азии как отдельного самодостаточного региона и привлекла внимание открытым противопоставлением «Азии» «Западу». Во-вторых, несмотря на ужасающие последствия, которые японская оккупация принесла народам ЮВА, она разрушила мифы о европейском превосходстве и непобедимости пред-

¹ Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Указ. соч. С. 188–190.

ставителей белой расы. После сокрушительных поражений, которые азиатская нация (Япония) нанесла европейским державам (и особенно Британии), дни европейской колонизации Азии были сочтены, вывод их войск из региона стал только вопросом времени.

В то же время одним из важнейших последствий второй мировой войны стало военное и политическое подчинение Японии США. В региональном контексте следствием этого стали испорченные отношения Японии со странами Восточной Азии (особенно Китаем), а также то, что перспектива публичного японского лидерства стала по своей сути проблематичной. В глазах большинства стран региона имидж Токио был подорван безвозвратно, а правительства многих из них беззастенчиво эксплуатировали чувство вины Японии за военные преступления в интересах получения максимальных дипломатических и материальных выгод¹.

Что касается стран ЮВА, то все они испытали на себе воздействие европейского колониализма, даже если, как, например, Таиланд, и не были колонизированы напрямую. Этот общий исторический опыт может служить цели формирования коллективной региональной идентичности. В качестве колониального наследия странам ЮВА достались хозяйственные системы, базирующиеся на производстве ограниченного числа видов товарной продукции. В результате лидеры государств региона столкнулись с двойным вызовом: необходимости одновременной консолидации государственного устройства и обеспечения ускоренного экономического развития, и для решения этих непростых задач они обратились к услугам МПО, в первую очередь, АСЕАН.

4.2. «АСЕАН плюс Три» и Саммит Восточной Азии как конкурирующие модели восточноазиатского регионализма

В то время как формирование АТЭС и АРФ отражало тенденции открытого регионализма в масштабе макрорегиона АТР, оказалось невозможным прямое проецирование этого принципа

¹ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. – NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 47–48.

на Восточную Азию, динамика развития которой определялась взаимовлиянием и противоборством различным тенденций.

У истоков идеи межправительственного регионализма Восточной Азии стоял бывший премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад, проявивший для её продвижения в жизнь огромное упорство. Первую неудачную попытку он предпринял ещё в декабре 1990 г. во время визита в Малайзию премьер-министра КНР Ли Пэна, высказав предложение о том, что, с учётом неудач Уругвайского раунда переговоров ВТО, необходимо создать азиатский общий рынок, состоящий из 6 стран АСЕАН, стран Индокитая, КНР, Японии, РК, Гонконга и Тайваня. Реакция Ли Пэна была осторожной и состояла в том, что невозможно выработать модель сотрудничества для стран, столь различных в плане экономических систем и уровней экономического развития. Предложение Махатира, даже не будучи детализированным, вызвало критику со стороны Японии, Индонезии, США и других стран, опасавшихся, что его реализация только усилит протекционизм со стороны других регионов и, кроме того, послужит помехой только встающему на ноги Форуму АТЭС.

Перед лицом этой критики премьер-министр Малайзии на встрече министров экономики стран АСЕАН в Куала-Лумпур в октябре 1991 г., тем не менее, впервые официально предложил своим коллегам сотрудничать, но при этом он изменил название предлагаемой организации с торгового блока на «Экономическую Группу Восточной Азии» (ЭГВА), цели которой будут сопоставимы с ГАТТ и АТЭС¹. Чтобы ещё больше сгладить возможный негативный эффект, министры стран АСЕАН заменили в названии предлагаемой МПО слово «группа» на «совет». В результате в историю предложение Махатира Мохамада вошло уже под названием «Экономический Совет Восточной Азии» (ЭСВА), который к тому же мог бы созываться «только по мере необходимости», то есть нерегулярно².

Однако все эти усилия как семантического, так и прочего характера не помогли, когда Вашингтон чётко обозначил свою позицию, заявив, что не позволит провести линию по акватории Тихого океана, отделяющую США от Японии. Оказав сильный по-

¹ The Twenty-third ASEAN Economic Ministers Meeting, Malaysia, 7–8 October, 1991. Available on-line: <http://aseansec.org/6126.html>.

² Ibid.

литический нажим на Токио и Сеул, Вашингтон заблокировал реализацию этого предложения¹.

В последующие годы идея создания ЭСВА не нашла серьёзной поддержки, хотя на ежегодных встречах министров АСЕАН она упоминалась как достойная дальнейшего изучения. Более того, в 1994 г. на фоне проведения такой встречи и заседания АРФ министры иностранных дел шести стран АСЕАН, а также Китая, Японии и РК во время ланча неформально обсудили возможность создания ЭСВА. Никаких прорывов на этой встрече не было, однако она оказалась важной с исторической точки зрения, так как на ней впервые собрались вместе министры иностранных дел государств, которые впоследствии сформировали группу АПТ².

Хотя идея создания ЭСВА в середине 90-х годов стагнировала, в это же время возникла ещё одна структура, сыгравшая важную роль в становлении интеграционной идентичности Восточной Азии. Её создание стало результатом реализации предложения о налаживании диалога между Европой и Азией, который получил название встреч «Азия-Европа» – АСЕМ (Asia-Europe Meeting). Реагируя на заметно усилившийся с окончанием «холодной войны» интерес стран Европы к быстро развивающейся Азии, в октябре 1994 г. во время визита во Францию бывший в то время премьер-министром Сингапура Го Хок Тон предложил формат встреч «Азия-Европа» на уровне руководителей государств, чтобы «выковать третье звено в триполярном мире». Что касается АСЕАН, то предложение Го быстро нашло понимание его коллег по региону, и уже в марте 1995 г. на совещании старших официальных лиц АСЕАН было принято решение провести первый саммит в 1996 г. в Таиланде³.

Формально оно было одобрено на встрече старших официальных лиц ЕС и АСЕАН в мае 1995 г., где активно обсуждался вопрос о том, кто будет представлять Азию и Европу на этих встречах. Было решено, что первую представят шесть стран-

¹ Baker J. *The Politics of Diplomacy: Revolution, War & Peace, 1989–1992*. – NY: G.P. Putnam's Sons, 1995. P. 610–611.

² Tanaka Akihiko *The development of the ASEAN+3 framework*. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 56–57.

³ Lee Siew Hua *Thailand agrees to hold first Europe-Asia Summit* // *The Strait Times*, 10 March 1995.

членов АСЕАН, Вьетнам (его приём в АСЕАН планировался на июль 2005 г.), Китай, Япония и РК, а вторую – 15 действующих членов ЕС. Помимо этих стран, Индия, Гонконг, Тайвань, Австралия и Новая Зеландия выразили желание участвовать в инаугурационной встрече, при этом кандидатуры двух последних активно лоббировал Токио при поддержке Сингапура и Индонезии.

Однако Малайзия заняла по этому вопросу жёсткую позицию, считая, что Австралия и Новая Зеландия «не разделяют наших азиатских ценностей». В дальнейшем Япония пошла на уступки и не стала настаивать на подключении Австралии и Новой Зеландии как условия своего участия в АСЕМ. Частично это было связано с менее жёстким противодействием многосторонним группировкам Восточной Азии со стороны администрации Клинтона, чем во времена президентства Джорджа Буша-старшего. В результате состав участников от Азии в АСЕМ практически совпал с предлагавшимся в заблокированном ЭСВА¹, то есть, хотя идея ЭСВА напрямую не материализовалась, группа тех же стран возникла как единое целое, представляющее Азию в АСЕМ.

Первый саммит АСЕМ прошёл в Бангкоке в феврале 1996 г. В отличие от ЭСВА, задумывавшегося как экономический форум, по замыслу создателей формат АСЕМ предполагал неформальный процесс, включающий диалог и обмен взглядами по любым аспектам сотрудничества, представляющим взаимной интерес для двух регионов. В соответствии с неформальным характером, у АСЕМ нет Секретариата, встречи членов организации в формате саммитов проходят раз в два года поочерёдно в столицах азиатских и европейских государств. Помимо встреч лидеров, согласно ежегодной повестке АСЕМ проходят встречи на уровне министров, старших официальных лиц, различные конференции и др. При этом важную роль в развитии практического сотрудничества играет Бизнес-форум АСЕМ.

В целом, за более чем десятилетнюю историю АСЕМ выстроила развёрнутую сеть консультационных и диалоговых механизмов для реализации своей миссии, которая была сформулирована в 1999 г. в специальном докладе экспертов – «группы мудрецов» АСЕМ. В нём были предложены 9 основных и 22 до-

¹ Irene Ngoo, Tan Kin Song Japan wants NZ, Aussies in Asia-EU Summit //The Strait Times, 25 July 1995.

полнительных рекомендаций, направленных на укрепление сотрудничества в трёх основных сферах (политической, социально-экономической и культурной), а также на повышение институциональной эффективности диалоговых механизмов. Дело в том, что прошедшие саммиты АСЕМ показали, что у азиатских участников нет развитого чувства региональной солидарности, характерного для их европейских коллег, то есть Восточная Азия предстала как территория, одновременно входящая в АСЕМ и АТЭС, но не всегда способная чётко выразить общие интересы. Для исправления ситуация «группа мудрецов» в докладе от 1999 г. рекомендовала азиатским членам организации усилить диалог между собой¹.

В 2004 г. АСЕМ расширила своё членство за счёт включения 10 новых членов ЕС и трёх оставшихся стран АСЕАН (Лаос, Камбоджа и Мьянма). В 2008 г. на саммите АСЕМ в Китае Азию официально представляли уже 16 государств: 13 стран АПТ, а также впервые – Индия, Монголия и Пакистан. Таким образом, видение ключевых государств Азии в этой организации не совпало с моделью, принятой в 2005 г. на саммите Восточной Азии, где к странам АПТ присоединились Индия, Австралия и Монголия (состав обеих саммитов дан в приложении 1). В то же время заслуживает внимания включение в обе модели Индии, что свидетельствует о росте её влияния в регионе Большой Азии.

Седьмой саммит АСЕМ состоялся в октябре 2008 г. в Пекине на фоне развивающегося мирового финансового кризиса. Участвовавший в его работе Президент Европейской Комиссии Баррозо призвал Китай сыграть важную роль в глобальном сотрудничестве и внести ощутимый конкретный вклад в противодействие финансовому кризису, в том числе в реформирование мировой финансовой архитектуры, и таким образом использовать этот шанс, чтобы продемонстрировать свои возросшие лидерские амбиции и качества ответственного мирового актора.

В свою очередь, китайские лидеры не раз заявляли, что они понимают свою роль ответственного участника мировой финансовой системы и в интересах поддержания её стабильности не планируют продавать свои огромные запасы ценных бумаг аме-

¹ For a Better Tomorrow: Asia-Europe Partnership in the Twenty-first Century // Asia-Europe Vision Group Report, 1999. P. 39.

риканского казначейства. В то же время как китайское руководство, так и академическое сообщество страны считают, что вклад Пекина в дискуссию о реформировании мировой финансовой системы будет ограниченным, так как у него нет проработанного плана и конкретных предложений для обсуждения данной тематики¹.

Что касается РФ, то она декларировала своё желание вступить в АСЕМ², однако столкнулась в этом вопросе с извечной проблемой российской идентичности. Москва планировала вступить в эту трансрегиональную МПО в качестве азиатского государства, для чего было необходимо получить поддержку стран АСЕАН, однако последние отказали России в приёме, так как не смогли прийти к консенсусу о том, кого же она будет представлять в АСЕМ: Азию или Европу³.

Оценки политиков и экспертов по поводу достижений и значимости АСЕМ разнятся в зависимости от их интерпретации того, какую роль должен играть этот международный институт. Критики АСЕМ утверждают, что это элитистский проект, имеющий определённое символическое значение, которое затушёвывает отсутствие весомой содержательной части. Широкий спектр диалога и осуществление большого числа не связанных между собой мероприятий может вести к так называемой «усталости от форумов» («forum fatigue»), снижению интереса участников и неэффективной трате ресурсов⁴.

Более оптимистичные оценки АСЕМ основаны на доводах о том, что неформальная структура и низкий уровень развития институциональных механизмов отражают внутривнутриполитические и региональные реалии и пожелания, поэтому будущее АСЕМ за-

¹ Barroso appeals for world teamwork // Financial Times, 24 October 2008.

² См., например, речь министра Иностранных дел РФ Игоря Иванова на заседании постминистерской конференции министров иностранных дел в формате Россия – АСЕАН в Пномпене, 19 июня 2003 г. МИД РФ, № 1441-19-06-2003, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/ Open Document.

³ Sato Koichi The ASEAN Regime: Development and Challenges of the ASEAN Foreign Policies. – Tokyo: Keiso Shobo, 2003. P. 194.

⁴ Yeo Lay Hwee ASEM: Looking Back, Looking Forward // Contemporary Southeast Asia. 2000. Vol. 22. № 1. P. 120.

висит от того, какой видят и что захотят сделать из неё участники¹. Многие азиатские представители, например, Китай, дают высокую оценку АСЕМ как неформальному форуму, действующему в формате комплексного партнёрства, обеспечивающего равноправный диалог и обмен мнениями между Азией и Европой. Подобный демократичный подход к развитию международных отношений, по мнению Пекина, во многом совпадает с проповедуемой им концепцией «гармоничного мира». Работа в формате АСЕМ, особенно после недавнего приглашения Индии, Пакистана и Монголии, предоставила Пекину отличный шанс поднять на новый уровень взаимоотношения со всеми приграничными странами.

В условиях стремительного роста организации, в состав которой входят 45 членов, особого внимания заслуживает вопрос поддержания баланса в АСЕМ между отсутствием организационной структуры (работа в режиме диалогового форума) и «институциональным развитием» (стремление повысить эффективность института сотрудничества). При этом любопытно, что первой позиции придерживаются безусловные лидеры по уровню интеграции на собственном континенте европейцы, а не наоборот. Большинство азиатских стран высказываются за создание постоянно действующего Секретариата АСЕМ, в то время как европейские государства проявляют меньше энтузиазма, а некоторые из них открыто возражают против этого. Так что впереди поиск компромисса, способного в той или иной форме повысить действенность АСЕМ².

В целом, многие эксперты полагают, что, хотя АСЕМ как таковая не добилась чего-то очень существенного, она оказала долговременный эффект консолидации идеи Восточной Азии как целостного коллективного актора, обладающего ясной идентичностью и способного сбалансировать американскую гегемонию³.

¹ Dent C. ASEM and the “Cinderella Complex” of EU-East Asia Economic Relations // Pacific Affairs. 2001. Vol. 74. № 1. P. 25–52.

² CICIR (China Institute of Contemporary International Relations) Task Force on ASEM. Some Thoughts on ASEM // Contemporary International Relations. 2006. Vol. 16. № 11. Beijing, China. P. 10–13.

³ Camroux D., Lechervy C. “Close encounter of the Third Kind?” The inaugural Asia-Europe meeting of March 1996 // Pacific Review. 1996. № 9 (3). P. 442–453.

Хотя и в несколько меньшей степени, консолидации восточноазиатской идентичности способствовал ещё один многосторонний институт – Форум сотрудничества между странами Восточной Азии и Латинской Америки (Forum for East Asia Latin America Cooperation – FEALAC). В состав форума вошли 17 государств Центральной и Южной Америки, а также 15 государств Восточной Азии (полный состав участников смотри в приложении 1).

Целью форума является установление более тесных взаимоотношений и развитие дальнейшего сотрудничества в области образования, науки и технологий. Встречи его участников проводятся на уровне министров раз в три года поочерёдно на одном из континентов, инаугурационная встреча в этом формате прошла в 2001 г. в Сантьяго, а вторая в 2004 г. в Маниле.

Процесс формирования идентичности в ходе обсуждения идей создания, а затем работы данных форумов стал предвестником институционализации процесса регионализма Восточной Азии, что и будет рассмотрено ниже.

В середине 90-х идеи приглашения Китая, Японии и РК на неформальный саммит АСЕАН неоднократно высказывались Го Хок Тоном и Мохатиром Махамадом, бывшими в то время премьер-министрами Сингапура и Малайзии соответственно, но не находили достаточной поддержки. Катализатором для реализации этих идей на практике неожиданно стало выдвижение так называемой Доктрины Хасимото, где он сформулировал три основных положения новой японской политики в отношении АСЕАН: более регулярный диалог на уровне саммитов, многостороннее культурное сотрудничество, выработка общих подходов к решению глобальных проблем¹. Хасимото озвучил её в ходе турне по странам ЮВА в январе 1997 г., при этом в ходе встреч с их лидерами он предложил проводить саммит АСЕАН – Япония на «обочине» ежегодных саммитов АСЕАН, таким образом сделать их более частыми и регулярным.

Заслуживает внимания, что ранее Токио отвергал предложения возглавить процесс восточноазиатского регионализма, а после финансового кризиса сам выступил с подобной инициативой,

¹ Available on-line: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/pmv9701/policy.html>.

почувствовав, что среди стран Восточной Азии сложился консенсус по поводу того, что именно регионализм в таком расширенном формате способен стать эффективным средством решения региональных проблем. Будет справедливо отметить, что в посткризисный период Япония выступила с несколькими предложениями, направленными на занятие лидирующих позиций в регионализме Восточной Азии, большинство из которых были заблокированы США, что ослабило позиции Токио в разворачивающейся конкуренции с Пекином.

Во время встреч с Хасимото лидеры стран АСЕАН в принципе согласились с его предложением, однако, к некоторому удивлению японской стороны, приняли решение пригласить на саммит АСЕАН 1997 г. в Куала-Лумпур не только Японию, но и КНР, и РК. Представителями Малайзии был выработан и согласован со всеми членами АСЕАН план проведения трёх отдельных саммитов этой организации с каждой из трёх стран и общего саммита с участием стран АСЕАН, КНР, Японии и РК.

После этого Махатир изложил японской стороне общую позицию стран АСЕАН в ходе визита в Токио в марте 1997 г. С его точки зрения, план Хасимото стал отличным предложением сделать контрпредложение, ведущее к реализации виртуального саммита ЭСВА. Таким образом, доктрина Хасимото, изначально направленная на регуляризацию саммита АСЕАН-Япония, была интерпретирована странами АСЕАН в соответствии с собственным видением формирующегося региона и косвенно способствовала организации первого исторического саммита АПТ, состоявшегося в Куала-Лумпур 15 декабря 1997 г., и впервые собравшего вместе лидеров Восточной Азии¹.

Первый саммит АПТ не принёс ясности в вопросе перспектив регионализма Восточной Азии, так как проходил в острый период азиатского финансового кризиса, когда подходы к его преодолению ещё не были выработаны. Этот кризис вызвал серию важных последствий, одним из которых стала быстрая институционализация МПО, предоставившая двум субрегионам (СВА и ЮВА) долгожданную возможность втянуться в активное сотрудничество. Решение о проведении второго саммита АПТ во

¹ Tanaka Akihiko The development of the ASEAN+3 framework. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 59–60.

Вьетнаме в 1998 г. было вызвано неотложной необходимостью объединения усилий для преодоления кризиса. В создании необходимого институционального механизма для решения этой проблемы, в первую очередь, были заинтересованы члены АСЕАН и РК, которым требовалась дополнительная финансовая помощь Японии.

Второй саммит АПТ дал возможность каждой из стран СВА выступить со значимой инициативой. Так, премьер-министр Японии Кейдзо Обучи подтвердил обязательство своей страны реализовать Новую Инициативу Миядзавы, которая включала предоставление странам ЮВА, пострадавшим от воздействия кризиса, пакет финансовой помощи объёмом около 30 млрд американских долларов. Вице-президент КНР Ху Цзиньтао предложил организовать конференцию заместителей министров финансов и председателей центробанков для обсуждения финансовой ситуации. В свою очередь, президент РК Ким Дэ Чжун предложил создать «группу мудрецов» Восточной Азии с целью «сформулировать общее видение обстановки и определить перспективные направления сотрудничества между странами региона на XXI век»¹.

Что касается стран АСЕАН, то они высоко оценили вклад трёх государств СВА в преодоление экономического и финансового кризиса в регионе и активно поддержали институционализацию сотрудничества в Восточной Азии. По оценкам экспертов, их целью является привлечение к конструктивному сотрудничеству наращивающего политико-экономическую мощь Китая в рамках нового порядка Восточной Азии, в формировании которого страны АСЕАН хотели бы играть ключевую роль². Одновременно эти государства надеются на то, что формат АПТ придаст дополнительный импульс их торговым и финансовым связям с Японией. Результатом совпадения интересов членов АПТ стала регуляризация её саммитов, которые было решено проводить

¹ Lee C. The East Asia Vision Group: Vision Towards an East Asian Community // Paper presented at the 15th Asia Pacific Roundtable. – Kuala Lumpur, 2001. P. 1.

² Umbach F. ASEAN and Major Powers: Japan and China – A Changing Balance of Power. In eds. by Dosch J. and Mols M. International Relations in the Asia Pacific: New Patterns of Interest, Power and Cooperation. – NY., 2000. P. 199.

ежегодно совместно со всеми формальными и неформальными саммитами АСЕАН, поддерживая таким образом, как минимум, видимость того, что последний остаётся лидером в структуре АПТ.

Во время подготовки и проведения третьего саммита АПТ в 1999 г. на Филиппинах президент страны Эстрада выдвигал перспективные планы создания зоны свободной торговли и единой валюты Восточной Азии, которые оказались преждевременны и не были приняты. В то же время лидеры АПТ договорились о придании сотрудничеству комплексного характера, которое стало включать такие сферы, как: экономику, валютное регулирование, финансы, подготовку кадров, науку, культуру, информационные технологии, а также безопасность и транснациональные проблемы. Кроме того, было решено институализировать ежегодные встречи министров иностранных дел. Важной особенностью саммита стало проведение по инициативе японского премьер-министра первой неформальной встречи лидеров «северной тройки» Китай – Япония – РК, так как в рамках АПТ сотрудничество между ними развито гораздо меньше, чем между странами АСЕАН.

В 2000 г. был достигнут быстрый прогресс в финансовом сотрудничестве, когда в ходе встречи министров финансов стран АПТ в Таиланде для дополнения действующих международных институтов было достигнуто региональное финансовое соглашение о мерах по совместному противодействию финансовым кризисам так называемая Чиангмайская Инициатива (Chiang Mai Initiative)¹.

На саммите АПТ, прошедшем в 2000 г. в Сингапуре, были озвучены новые идеи, в том числе необходимость трансформации АПТ в Саммит Восточной Азии и рассмотрения различных вариантов зон свободной торговли в регионе. Президент РК Ким Дэ Чжун предложил создать состоящую из правительственных чиновников Группу исследований Восточной Азии для изучения практических путей и средств углубления и расширения сотрудничества в рамках АПТ, а также исследования идеи и возможных последствий формирования саммита Восточной Азии, опираясь

¹ Пункт 6 Совместного заявления министров финансов АСЕАН + 3 от 6 мая 2000 г. – Чиангмай, Таиланд.

на рекомендации «группы мудрецов» Восточной Азии¹. Последняя представила доклад с рекомендациями на саммите АПТ в 2001 г., основным лейтмотивом которого стало постепенное формирование восточноазиатского сообщества мира и процветания населяющих его народов. Для формирования сообщества Восточной Азии, по мнению экспертов, надо стремиться к достижению следующих важнейших целей:

- предотвратить конфликты между нациями, обеспечить человеческую безопасность, эффективное управление и защиту окружающей среды;

- способствовать торговле, инвестициям и развитию региона, добиваться всеобщего процветания за счёт приоритетного развития образования и подготовки квалифицированных кадров;

- укреплять идентичность восточноазиатского сообщества, развивая обмены и регулярный диалог на правительственном и неправительственном уровнях.

Исходя из этих целей в докладе было дано 57 рекомендаций по пяти основным функциональным блокам сотрудничества: экономическому, финансовому, в области политики и безопасности, в сфере энергетики и окружающей среды, а также в области социального развития, культуры и образования².

Основными, с точки зрения развития восточноазиатского регионализма, можно считать следующие:

- формирование зоны свободной торговли Восточной Азии и либерализация торговли ранее сроков, установленных Богорским соглашением АТЭС;

- создание регионального механизма оказания финансовой помощи;

- выработка механизма координации валютных курсов, обеспечивающего финансовую стабильность и экономическое развитие региона;

- эволюция ежегодных саммитов АПТ в саммит Восточной Азии.

Группа исследований Восточной Азии, дав высокую оценку докладу своих предшественников, изучила их рекомендации и в

¹ Final Report of the East Asia Study Group. – APT Summit, Phnom Pehn, 4 November 2002. P. 64.

² East Asian Vision Group Report, Towards an East Asian Community: Region of Peace, Prosperity and Progress. 31 October 2001. P. 6–16.

2002 г. предоставила собственный доклад на саммите АПТ в Пном-Пене, ставший первым серьёзным содержательным документом межправительственного уровня, разработанным и согласованным в рамках АПТ. В докладе из всех рекомендаций 17 были отобраны для выполнения в ближайшем будущем, а ещё девять – как требующие дальнейшего изучения и выполнения в средне- и долгосрочной перспективе¹. Важность доклада состояла в том, что, хотя выполнение многих трудных для согласования рекомендаций было отложено, всё же членам АПТ удалось договориться о необходимости совместного выполнения конкретных предложений, то есть дело сдвинулось от разговоров к совместным политическим и экономическим действиям.

В силу действия нескольких объективных (растущий интерес Китая к многостороннему формату сотрудничества в экономике и политике) и субъективных (снижение рейтингов одобрения политического курса премьер-министров РК Ким Дэ Чжун и Японии Йоширо Мори, недостаточное внимание, которое в начале пребывания на этом посту уделял Восточной Азии Дзюньитиро Коидзуми) факторов, начиная с 2000 г. инициатива в продвижении восточноазиатского регионализма в формате АПТ перешла к Пекину².

Знаковым шагом на экономическом направлении регионализма стало предложение премьер-министра Китая Чжу Жунци создать ЗСТ между КНР и странами АСЕАН, сделанное на саммите АПТ в 2000 г. Уже на следующем саммите в 2001 г. Китай и АСЕАН приняли решение о его заключении в течение 10 лет. В 2002 г. на саммите АСЕАН – КНР стороны заключили «рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве», которое, кроме других аспектов, предусматривает немедленное принятие мер торговой либерализации в некоторых секторах экономики, получивших название «программа раннего урожая».

С 2003 г. Китай усиленно развивает второе, ещё более чувствительное направление регионализма Восточной Азии – в области безопасности, первым из партнёров по диалогу стран АСЕАН

¹ Final Report of the East Asia Study Group. – APT Summit, Phnom Pehn, 4 November 2002. P. 3–6.

² Tanaka Akihiko The development of the ASEAN+3 framework. In eds. by M. Curley, N. Thomas Advancing East Asian Regionalism. – NY: Routledge, 2007. P. 67.

подписав базовый для этой МПО Договор о дружбе и сотрудничестве. В 2004 г. Пекин согласовал с АСЕАН двусторонний механизм урегулирования конфликтов, а в 2005 г. – направления сотрудничества в области предотвращения и борьбы со стихийными бедствиями.

Стараясь не отстать от уходящего в отрыв Пекина, на саммите АПТ в 2003 г. Япония заключила с АСЕАН «рамочное соглашение о комплексном экономическом партнёрстве». В этом же году Япония начала переговоры о заключении ЗСТ с РК. В 2004 г. Япония также присоединяется к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве, но пока ещё отстаёт от Китая по количеству двусторонних соглашений, подписанных с АСЕАН. В то же время в долговременном плане факт отставания не столь уж важен, учитывая порождаемую переговорным процессом динамику, продвигающую дипломатические усилия на других направлениях. Кроме того, Китай и Япония в эти же годы подписали и продолжают готовить значительное число двусторонних торговых и финансовых соглашений с отдельными странами АСЕАН, чему посвящён специальный параграф данной главы.

Республика Корея позже других стран «северной тройки» начала переговоры со странами АСЕАН о заключении интеграционных соглашений, что стало следствием сложившегося дисбаланса во внешнеэкономической стратегии Сеула в пользу укрепления экономических отношений с Японией и Китаем в ущерб странам ЮВА. Этот перекосяк руководство страны и крупный бизнес преодолевают с начала 2000-х годов. Так, в 2004 г. была достигнута предварительная договорённость о заключении соглашения о ЗСТ с шестью странами АСЕАН: Брунеем, Филиппинами, Индонезией, Малайзией, Сингапуром и Таиландом (на четыре последних приходится 90% товарооборота РК с АСЕАН). В соответствии с этим соглашением к 2009 г. предполагается снять тарифные ограничения на торговлю 80% товарных групп. Что касается слабо развитых индокитайских государств, то стороны договорились разработать меры, обеспечивающие последним льготные преференции в торгово-экономических связях с РК¹.

¹ Федоровский А.Н. Эволюция отношений государства и крупного бизнеса в Республике Корея: Автореф. дисс. ...д-ра экон. наук. – М., 2008. С. 32–33.

В целом, достигнутые результаты торгового сотрудничества в рамках АПТ стимулируют появление новых возможностей для регионализма Восточной Азии. По мере наполнения конкретным содержанием договорённостей о создании таких ЗСТ, как Китай – АСЕАН, Япония – АСЕАН и Япония – РК на повестку дня встанет вопрос начала переговоров по ключевой для региона ЗСТ между Японией и Китаем, что откроет путь к заключению обще-региональной ЗСТ, либо первоначально рамочного соглашения о комплексном экономическом партнёрстве Восточной Азии.

Однако подобное развитие событий станет возможным, только если Пекин и Токио смогут постепенно разрешить свои серьёзные двусторонние проблемы, в том числе исторического характера. В этом плане невозможно переоценить роль АПТ как площадки и катализатора улучшения сотрудничества между странами «северной тройки». Со времени первой неформальной встречи их лидеров в 1999 г. всесторонние контакты значительно расширились.

Так, на саммите АПТ в 2003 г. руководители этих государств приняли ряд программ, направленных на расширение трехстороннего взаимодействия в области экономики, политики и культуры, которое в настоящее время включает, помимо саммитов, диалог министров экономики, финансов, сельского хозяйства, туризма и др. Имеют место и регулярные встречи руководителей центральных банков, заседания бизнес-советов, однако их влияние на процессы регионализации СВА пока невелико. Более того, некоторые из своих неразрешённых политических проблем страны «северной тройки» выносят на уровень большего региона, порой усложняя процесс сотрудничества¹, что ярко проявилось, например, при формировании, а затем реализации концепции саммита Восточной Азии. При этом важно отметить, что в условиях обострения политических отношений проявляется цементирующая роль бизнеса трёх стран, способствующего зарождению интеграционных процессов в СВА.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать несколько выводов о причинах появления АПТ и оценить перспективы его развития.

¹ Curley M., Thomas N. Introduction. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 16.

Во-первых, формирование и особенно становление АПТ вполне укладываются в теоретические рамки так называемой «скептической» волны глобализации. Тот факт, что азиатский финансовый кризис стал катализатором регионального сотрудничества, свидетельствует о том, что негативные аспекты глобализации стимулировали развитие регионализма. Хотя первая встреча АПТ планировалась до начала кризиса, без его колоссального комплексного воздействия на Восточную Азию, продемонстрировавшего, в том числе, неспособность действующих региональных институтов обеспечить лидерство в преодолении его последствий, быстрая институционализация этой МПО была маловероятна. Снижение же, начиная с 1998 г., интереса США и Японии к АТЭС привело к тому, что первая из этих стран переключила основное внимание на работу в ВТО, а вторая – на АПТ, а затем на Саммит Восточной Азии.

Во-вторых, появление АПТ стало отражением геополитических реалий и тенденций развития региона. Странам АСЕАН было важно через экономическое сотрудничество «втянуть» усиливающийся Китай в неконфронтационный диалог в области безопасности, одновременно поддерживая высокий уровень финансово-экономического сотрудничества с Японией. Пекин и Токио, столкнувшись с серьезными проблемами двусторонних отношений, препятствующими регионализации СВА, в свою очередь, в качестве ресурса для укрепления политического и экономического влияния в формирующемся регионе Восточной Азии рассматривали страны ЮВА. Последние же, используя противоречия во взаимоотношениях между КНР, Японией и РК, стремятся продвигать восточноазиатский регионализм в устраивающем их направлении и приемлемым для них темпом.

В-третьих, появление АПТ стало результатом проявления воли и настойчивости рядом политических лидеров, а не следствием выполнения какого-то далеко идущего перспективного плана развития региона (он появился после рождения АПТ и материализовался в идее создания восточноазиатского сообщества). На стадии формирования АПТ ведущую роль сыграли премьер-министры Малайзии и Сингапура Мохатир Махамад и Го Хок Тон соответственно. По мере развития института и наполнения сотрудничества реальным содержанием лидерство в АПТ перешло к странам «северной тройки», при этом конкуренция между

Пекином и Токио в темпах и интенсивности сотрудничества с АСЕАН способствовала развитию экономических связей, торговли и инвестиций в регионе¹.

В-четвёртых, уже в первые три года АПТ превратилась в достаточно развитый международный институт, учитывая, что было решено проводить ежегодные саммиты лидеров и встречи ключевых министров, определена комплексная программа совместных направлений сотрудничества и создана группа экспертов для выработки перспектив их развития². В 2002 г. были согласованы конкретные мероприятия по направлениям сотрудничества, что стало ещё одним шагом на пути развития регионализма Восточной Азии. В то же время эффективность АПТ как института будет во многом определяться готовностью и желанием участников реализовать так называемые основные предложения «группы мудрецов», выполнение которых запланировано пока только в среднесрочной перспективе и после дальнейшего изучения.

В-пятых, снижение интереса Вашингтона к региону Восточной Азии в целом (ограниченные ресурсы направлялись США, преимущественно, на укрепление связей с Японией) и индифферентная позиция по отношению к АПТ в частности сыграли важную роль в том, что она появилась и смогла быстро институализироваться. В то же время жёсткая оппозиция Вашингтона созданию азиатского валютного фонда стала сильнодействующим стимулом для лидеров Восточной Азии использовать механизмы АПТ для усиления внутрорегионального финансового сотрудничества.

Большое значение для исследования имеет тот факт, что *роль АПТ как ведущего института развития регионализма Восточной Азии оспаривается Японией* и рядом других стран. Важным местом для дискуссий по поводу моделей регионализма стал Саммит АПТ, прошедший в 2004 г. во Вьентьяне. В ходе его работы сменивший Махатира премьер-министр Малайзии Абдалла Бадави выступил с предложением провести в 2005 г. в Куала-Лумпур

¹ Севастьянов С.В. Институты азиатско-тихоокеанского и восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 90.

² Tanaka Akihiko The development of the ASEAN+3 framework. In eds. by M. Curley, N. Thomas Advancing East Asian Regionalism. – NY: Routledge, 2007. P. 64–65.

Саммит Восточной Азии, которое получило полное одобрение со стороны премьер-министра Китая Вень Цзябао.

Идея подобного саммита впервые было озвучена ещё в 2001 г. и предполагала, что он придёт на смену встречам в формате АПТ и проложит путь для широкой восточноазиатской интеграции с учётом опыта ЕС. Основной целью нового института ставилось постепенное формирование восточноазиатского сообщества (ВАС), в котором три государства СВА разделят лидерскую роль со странами АСЕАН на базе формирующейся общей идентичности. Другие участники также согласились с предложением Бадави, однако у них возникли озабоченности по поводу возможного усиления в новой структуре роли Китая при одновременном снижении стратегической важности АСЕАН, что вызвало длительную и непростую дискуссию по поводу возможных участников. На её разных полюсах расположились Пекин и Токио, предлагавшими сделать состав участников максимально закрытым и открытым соответственно¹.

Когда вопрос формирования саммита Восточной Азии был поставлен на обсуждение, у многих возникло ощущение, что предлагается старая идея ЭСВА, но только в новой упаковке, и что Китай и Малайзия рассматривают этот формат как средство реализации своих лидерских амбиций в регионе. Стремясь реализовать собственное видение нового саммита, Малайзия при поддержке Китая предложила сохранить чисто азиатский состав участников и создать в Куала-Лумпур его постоянный Секретариат, однако оба предложения были отклонены другими членами АСЕАН. Таким образом, хотя сам факт создания саммита Восточной Азии стал результатом совместного лоббирования Малайзией и Китаем, окончательный состав созданного института их не устроил.

Дело в том, что многие страны региона опасались усиления в новой структуре влияния Китая, что и определило модель их дальнейших действий. Была организована кампания, направленная на включение в состав саммита Восточной Азии, помимо 13 государств АПТ, ещё трёх стран: Индии, Австралии и Новой Зеландии. Это стало ясным сигналом Вашингтону, что его инте-

¹ Mohan Malik China and the East Asian Summit: More Discord Than Accord. – Honolulu: APCSS, 2006. P. 4.

рессы в регионе не пострадают. В результате эти 16 государств вошли в состав новой организации в ходе инаугурационного саммита в Куала-Лумпур в декабре 2005 г., что и стало дипломатической победой Японии.

Смирившись с предстоящим принятием трёх новых членов, накануне саммита МИД КНР выступил с предложением о том, что АПТ, а не вновь образуемая структура, будет играть главную роль в реализации долговременной цели формирования сообщества Восточной Азии, что и было зафиксировано в Декларации саммита АПТ 2005 г.¹ В изменившейся обстановке Пекин предложил разделить членов саммита на две группы: основных участников (члены АПТ») и периферийных (Индия, Австралия, Новая Зеландия»). В китайской прессе последние назывались «аутсайдерами», призванными представлять в новой организации интересы США и Японии². По итогам саммита бывший премьер-министр Малайзии Махатир заявил, что принятое решение по членству не отражает его видения сообщества и что Россия и КНДР имеют больше права на участие в этой МПО, чем Австралия и Новая Зеландия.

Включение в состав саммита трёх государств, не входящих в классический с точки зрения географии регион Восточной Азии (при этом Австралия и Новая Зеландия не являются его частью и по культурно-этническим признакам), отразило противоборство двух подходов к отражению угроз глобализации и, соответственно, двух типов регионализма: «закрытого» (АПТ) и более «открытого» (саммит Восточной Азии). Так, создание в 1997 г. АПТ соответствовало теоретическим подходам сторонников «скептической» волны глобализации, которые полагают, что в условиях неравномерности действия интеграции основными игроками будущего мироустройства останутся сохранившие силу государства, которые будут объединяться в региональные союзы, в том числе с учётом интересов менее влиятельных и более бедных стран региона.

¹ Kuala-Lumpur Declaration on the ASEAN Plus Three Summit. – Kuala-Lumpur, 12 December, 2005. Available at: <http://www.aseansec.org/1629.html>

² “East Asia Summit: in the shadow of sharp divisions” // People’s Daily, December 7, 2005.

Модель формирования саммита Восточной Азии, в свою очередь, хорошо укладывается в теоретические построения «трансформаторской» волны, большинство сторонников которой считают, что глобализация во времени и пространстве развивается неравномерно и может привести к доминированию различных систем управления. При этом Хелд полагает, что мировое сообщество движется к глобальной демократии и что авторитарные государства не способны построить высокоинтегрированные региональные сообщества по типу ЕС, и в этом контексте включение в состав саммита трёх государств с устойчивыми демократическими традициями может повлиять на характер формирующейся модели регионализма.

Предоставление этим государствам членства в саммите позволяет странам ЮВА продолжить борьбу за достижение ещё одной важной для них цели: сохранения за АСЕАН роли ядра будущего сообщества. В этих интересах на Саммите Восточной Азии в 2005 г. была применена модель, успешно апробированная на инаугурационном саммите АПТ в 1997 г. Как упоминалось, в 1997 г. Япония выступила с инициативами, направленными на занятие лидирующих позиций в регионализме Восточной Азии, в том числе премьер-министр Хасимото предложил проводить саммит АСЕАН – Япония на обочине ежегодных саммитов АСЕАН. Страны ЮВА согласились с его предложением, однако пригласили на Саммит АСЕАН 1997 г. не только Японию, но и КНР и РК, не допустив чрезмерного усиления Токио.

В 2005 г. повторилась та же история: сделанное Малайзией и поддержанное Китаем предложение о формировании саммита Восточной Азии было принято, но страны ЮВА расширили состав организации, не допустив доминирования в ней Пекина. Интересны и различия между сценариями: в 1997 г. его инициировала Малайзия, нейтрализовав предложение Японии и повысив авторитет Китая; в 2005 г. та же модель была использована уже против роста влияния Китая и Малайзии, что одновременно позволило консолидировать позиции Японии. Укреплению позиций АСЕАН в новой организации способствовало также решение о том, что, как и саммиты АПТ, саммиты Восточной Азии будут проходить только в странах ЮВА одновременно с проведением саммитов АСЕАН.

Предложение Пекина по двухуровневой структуре саммита Восточной Азии, по сути, поляризовало новую организацию.

Идею сохранить АПТ в качестве ядра нового саммита полностью поддержала Малайзия и до некоторой степени РК, Мьянма и Таиланд. На другой стороне спектра наибольшую активность проявляли Япония, Индия и Австралия, резонно усматривающие в этом попытки нейтрализовать Японию и придать поддерживающим её странам второстепенный статус. Токио выступил за предоставление новым участникам равного статуса с членами АПТ, эту позицию поддержали Индонезия, Сингапур, а также США¹.

Таким образом, отношение Японии и Китая к новому институту отличаются элементами противостояния, а временами и жёсткой конкуренцией. Если Пекин видит в нём просто форум, то есть канал для общения стран Восточной Азии с прочими регионами мира и предлагает наделить его больше церемониально-представительскими функциями, то, в противоположность этому, Токио стремится превратить саммит в эффективно работающий орган и рассматривает его как институциональный механизм реальной экономической интеграции, что постепенно ведёт к усилению чувства региональной общности и созданию ВАС².

Япония традиционно участвует в борьбе за лидерство во всех создаваемых и действующих в Восточной Азии институтах экономической и политической интеграции. При этом Токио делает акцент на предотвращении регионального сепаратизма и обеспечении интересов глобального экономического сотрудничества, в том числе «периферийных», с географической точки зрения, участников. Так, ещё в 2002 г. в речи в Сингапуре, получившей широкую известность как «доктрина Коидзуми», японский премьер-министр выдвинул идею «расширенного Восточноазиатского сообщества», выразив надежду на то, что в его центре встанут Япония, страны АСЕАН, Китай РК, Австралия и Новая Зеландия.

При этом в процессе строительства ВАС Япония намеренно отдаёт инициативу АСЕАН, которая, отличаясь высоким уровнем внутренней интеграции, представляет собой прообраз более широкой экономической группировки. Таким образом, Токио рас-

¹ Mohan Malik China and the East Asian Summit: More Discord Than Accord. – Honolulu: APCSS, 2006. P. 6.

² Стрельцов Д.В. Япония и «Восточноазиатское сообщество: взгляд со стороны» // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 61.

считывает контролировать процесс «извне», играя на противоречиях Пекина со странами АСЕАН, опираясь на более высокие, по сравнению с КНР, объёмы внешней торговли с этими странами и учитывая, что для последних Япония представляет собой более привлекательную экономическую и политическую модель, чем Китай.

Концептуальные основы позиции Токио по строительству ВАС и региональных институтов экономической интеграции были сформулированы начальником Отдела по региональной политике Департамента по делам Азии и Океании МИД Японии Т. Ямада, как ниже указано¹:

– принцип «открытого регионализма» (при этом упор в его трактовке делается на широту состава участников в противовес узкорегиональному видению институтов);

– принцип «функциональной значимости» (любое региональное сообщество будет жизнеспособным только в случае объединения уже действующих в регионе функциональных систем взаимодействия во всеобъемлющий механизм региональной кооперации, каким является ВАС);

– принципы демократии, прав человека и иные универсальные демократические ценности;

– упор на меры доверия в сфере безопасности и иных сферах политического и военного взаимодействия (модель безопасности может быть приближена к Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Предложенные принципы учитывали и интересы США, реакция которых (по сравнению с блокированием ЭСВА и настроенным отношением к АПТ) постепенно стала меняться. Опасаясь, что доминирующая роль в интеграции Восточной Азии будет принадлежать Пекину, Вашингтон одобрил курс Токио на «разбавление» китайского влияния путём максимизации круга участников ВАС за счёт государств, признаваемых «дружественными» США. По мнению последних, подобная активная позиция Японии по вовлечению стран АСЕАН и других государств в глобальную экономическую систему не позволит интеграционному

¹ См. www.ceac.jp/e/index.html от 18.11.2005.

процессу идти в нежелательном направлении, например, в сторону регионального изоляционизма или антиамериканизма¹.

Особый интерес для нашего исследования представляет также тот факт, что в ходе подготовки к саммиту в качестве кандидата на вступление рассматривалась и Россия, что активно лоббировалось Малайзией. Накануне инаугурационного саммита в Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. был организован первый саммит в формате Россия – АСЕАН, что имело большое символическое значение. Подобные саммиты АСЕАН проводит только с Японией, Китаем, РК и Индией, и подъём РФ на этот уровень свидетельствовал о признании нового качества взаимоотношений. В результате президенту Путину была предоставлена возможность выступить перед участниками саммита в качестве гостя, которую он использовал для декларирования желания России вступить в состав новой организации, однако мнения участников по этому вопросу разделились.

«За» высказывались Китай, Малайзия, Филиппины и РК. В то же время Сингапур и Индонезия выпустили совместное заявление против намерения Малайзии поддержать российское членство². В апреле 2005 г. на встрече министров иностранных стран АСЕАН были утверждены три условия, которым должны соответствовать члены саммита Восточной Азии:

- статус партнёра по диалогу АСЕАН (получен РФ в 1996 г.);
- присоединение к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА (подписан РФ в 2004 г.);
- наличие развитых (substantial) отношений с АСЕАН.

По мнению Сингапура, Россия не соответствует третьему критерию членства, так как её экономические отношения со странами АСЕАН находятся на минимальном уровне. В этом контексте надо признать, что экономические связи Индии и Австралии с АСЕАН гораздо больше, чем у России. В то же время, если оценить объёмы товарооборота России и Новой Зеландии со странами АСЕАН, то в 2004 г. (на момент рассмотрения вопроса о членстве РФ и Новой Зеландии) они были вполне сравнимы

¹ Стрельцов Д.В. Япония и «Восточноазиатское сообщество: взгляд со стороны» // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 59.

² Buszynski L. Russia and Southeast Asia. In eds. by Hiroshi Kimura Russia's Shift toward Asia. – Tokyo: SPF, 2007. P. 192–199.

(3,1 и 3,5 млрд долларов США соответственно), а в 1996 г. этот показатель для России составлял даже 5,6 млрд долларов. Эти примеры свидетельствуют о том, что критерий «наличия развитых отношений с АСЕАН» носит во многом субъективный характер, а нежелание ряда стран принять РФ в состав саммита было вызвано не только экономическими причинами.

Не менее традиционно, чем Сингапур¹, против членства России в организациях азиатского регионализма выступила и Австралия. В результате премьер-министр Малайзии Бадави отказался от намерения выдвигать кандидатуру России, решение по этому вопросу было отложено на неопределённый срок.

За отказом Москве в приёме скрывается более глубокий раскол между участниками по поводу будущего направления развития АСЕАН и восточноазиатского регионализма. В речи на Саммите 14 декабря 2005 г. президент Путин говорил о перспективах энергетического и других видов сотрудничества России со странами Восточной Азии, однако для некоторых стран региона важнее было то, что Малайзия и Китай, в первую очередь, видят в Москве единомышленника в построении многополярного мира и сдерживании гегемонии Вашингтона.

В условиях роста влияния Китая в регионе ряд стран (Сингапур, Австралия, Япония, Индонезия) опасаются, что включение в новую организацию России ещё больше усугубит эту тенденцию, в то время, как они хотели бы получить от Вашингтона подтверждение его неослабного интереса к Восточной Азии. Сингапур и Австралия всегда активно поддерживали значимую роль США в регионе и согласовывали с ним свои политические позиции. Что касается Индонезии, то её решение объясняется в большей степени опасениями по поводу возможного усиления Китая².

Приём в состав саммита в 2005 г. трёх новых членов, кроме того, инициировал заявки на вступление от Монголии, Пакистана и даже ЕС, что, в случае их приёма, сделает эту организацию ещё более громоздкой и безликой. В то же время первые саммиты Восточной Азии показали, что цели, задачи и характер взаимоотношений этой МПО с другими региональными организациями

¹ Сингапур выступал против принятия России в члены АТР, АСЕМ и Саммита Восточной Азии.

² Buszynski L. *Russia and Southeast Asia*. In eds. by Hiroshi Kimura *Russia's Shift toward Asia*. – Tokyo: SPF, 2007. P. 199.

ещё не до конца определены, и многие эксперты считают, что АПТ, как более развитая организация, сохранит лидирующие позиции в формировании восточноазиатского регионализма¹.

Тем не менее, создание саммита как конкурирующей модели регионализма объективно несколько замедлило развитие АПТ в последующие два года. Наиболее последовательный интерес к сотрудничеству в рамках АПТ проявлял Китай, который постепенно усиливал политические позиции и экономическое присутствие в регионе. При этом преимущественное развитие пока получило развитие связей в формате АСЕАН Плюс Один, а взаимодействия между АСЕАН и Китаем стали ключевой осью регионализма Восточной Азии, по сравнению с которой оценивается состояние отношений АСЕАН с Японией и РК². Так, в 2007 г. АСЕАН и Китай подписали соглашения по сотрудничеству в развитии информационных и связанных технологий и меморандум о взаимопонимании в области сельскохозяйственного сотрудничества. В 2008 г. они планируют завершить переговоры по последнему важному компоненту ЗСТ АСЕАН – Китай подписанием соглашения по торговле услугами, которое охватывает 60 направлений этой деятельности, включая энергетический и транспортный сектора, что позволит уже в 2010 г. создать ЗСТ АСЕАН – Китай.

Помимо этого принимались решения, направленные на укрепление сотрудничества в формате АПТ в целом и стран «северной тройки» в частности. Так, в ходе январского 2007 г. саммита АПТ на Филиппинах состоялся отдельный саммит «северной тройки», где было решено создать объединённый совет для обсуждения исторических и дипломатических проблем, тормозящих развитие отношений. Совет, в состав которого войдут высокопоставленные представители МИД трёх государств, будет проводить одно ежегодное заседание. Также была достигнута договорённость о ежегодном проведении встречи министров иностранных дел, чтобы способствовать развитию сотрудничества между странами. Наконец, на ноябрьском 2007 г. саммите АПТ в Сингапуре был принят перспективный план сотрудничества участников

¹ Beeson M. *Regionalism & Globalization in East Asia*. – NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 233.

² Curley M., Thomas N. In trodution. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 16.

АПТ на 2007 – 2017 гг., определивший приоритетные направления взаимодействия в этом формате, в том числе по созданию фонда сотрудничества АПТ.

Если же оценивать прошедшие саммиты Восточной Азии, то никаких существенных инициатив на их заседаниях принято не было. Более того, в резолюции саммита АСЕАН, состоявшегося в ноябре 2007 г. в Сингапуре, просматривается существенная разница ролей, предложенных АПТ и Саммиту Восточной Азии. Так, для АПТ предусмотрена ключевая роль в долговременных усилиях по построению ВАС, в то время как саммит представлен лишь как стратегический форум для ведения диалога, который за прошедшие три года ограничивался тематикой сотрудничества в области обеспечения энергетической безопасности, борьбы с изменениями климата, защиты окружающей среды и т.п.

4.3. Торгово-экономическая и финансовая интеграция как приоритетные компоненты восточноазиатского регионализма

В общем формате сотрудничества Восточной Азии со странами региона предложено и реализовано большое число совместных инициатив и проектов, при этом большинство из них зародилось в рамках процесса становления АПТ. Что касается областей многостороннего сотрудничества, то они включали такие, как: развитие туризма, сельского хозяйства, энергетики, телекоммуникаций, охрана окружающей среды, подготовка кадров и другие, однако наибольшее развитие получило взаимодействие в финансовой и торгово-экономической областях, ставшее знаковым с точки зрения перспектив формирования региона.

Как уже рассмотрено в работе, хотя идеи регионализма Восточной Азии появились в начале 90-х годов, его катализатором выступил финансовый кризис 1997 г., после которого государствам региона стало ясно, что необходимо безотлагательно создавать собственные механизмы регионального сотрудничества, способные защитить их от столь негативных проявлений глобализации. Характер кризиса обозначил приоритеты в его развитии. Первоначально предполагалось начать с торгово-экономической сферы, однако, в отличие от европейского опыта, на лидирующие позиции вышло финансовое взаимодействие, так как проблемы в

этой области наиболее серьезно затронули большинство стран региона. В результате страны АПТ выступили с различными инициативами и приступили к совместному формированию сети экономических и финансовых режимов, способных общими усилиями гарантировать экономическую безопасность и стабильность региона.

Вышеупомянутая сеть инициатив и режимов представлена тремя основными направлениями. В экономической сфере наибольшее распространение получили региональные, субрегиональные и двусторонние соглашения о свободной торговле товарами и услугами. В финансовой области было выдвинуто несколько инициатив и проектов, направленных на поддержание стабильности региональной финансовой и валютной системы.

Широкое распространение получила практика заключения двусторонних «соглашений СВОП»¹, которая в 2000 г. была поднята на многосторонний уровень в рамках «Чиангмайской инициативы». В качестве других мер активно обсуждались предложения по созданию различных финансовых структур, например, таких, как азиатский валютный союз, азиатский валютный фонд, азиатский облигационный фонд и др.

В качестве третьего направления сотрудничества следует выделить активизацию политического диалога на уровне министров финансов, министров экономики, руководителей и представителей центральных банков стран АПТ. Совокупное действие новых финансово-экономических режимов и возросшая политическая активность представителей руководства стран АПТ в этой сфере усилили потенциал региональной экономической интеграции, способной обеспечить создание Экономического сообщества АСЕАН (в соответствии с декларацией саммита АСЕАН от 2007 г. запланировано на 2015 г.) и ЗСТ Восточной Азии².

Государствами Восточной Азии уже предприняты существенные шаги, направленные на развитие интеграционных процес-

¹ В соответствии с его условиями Центробанк страны, оказавшейся в кризисе, мог обменять в Центробанке другой страны – участницы соглашения свою национальную валюту на доллары США с обязательством её обратного выкупа через определённый период времени.

² Thomas N. Developing a regional economic community. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 138–139.

сов в торгово-экономической и финансовой сфере. При этом эти меры принимаются в масштабе как непосредственно субрегионов (СВА и ЮВА), так и Восточной Азии в целом. Так, в странах «северной тройки» на академическом и деловом уровне прорабатываются такие вопросы, как координация экономической и финансовой политики, образование зоны свободной торговли СВА, валютного союза, создание в СВА единого энергетического кольца и транспортных коридоров в Европу (в частности, через РФ) и т.п.¹

Японские бизнесмены выдвинули новую идею: создать «свободную деловую зону», которая объединила бы экономику Китая, Японии и РК, но при этом не оставалась бы закрытой для американских капиталов и для освоения российского Дальнего Востока силами трех стран при американском участии. Отличительная черта этого подхода – готовность вовлечь в сотрудничество Россию и США, но не как институционализированных участников «свободной деловой зоны», а как партнеров по открытому региональному образованию².

Страны АСЕАН уделяют первостепенное внимание построению Экономического сообщества в рамках АСЕАН, что является важным условием сохранения ими региональной идентичности на пути к восточно-азиатскому сообществу. На Саммите АСЕАН в 2003 г. была поставлена задача формирования к 2020 г. экономического сообщества АСЕАН (ЭСА), в котором будет обеспечена свобода передвижения товаров, услуг, инвестиций, капитала, а также достигнут значительный уровень экономического развития и социально-экономической стабильности³. Однако на Саммите АСЕАН 2007 г. решение задачи построения Экономического сообщества АСЕАН перенесено уже на 2007 г.⁴

Формирование ЭСА предполагает эффективное функционирование и взаимодействие зоны свободной торговли АСЕАН (ASEAN Free Trade Area – АФТА), инвестиционной зоны АСЕАН и соглашения об услугах АСЕАН. Создание АФТА является

¹ Экономическая политика: региональное измерение / Отв. ред. П.А. Минакир. – Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 219.

² Павлятенко В. Политика США в Восточной Азии: интересы, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 10–35.

³ Declaration of ASEAN Concord II, 7 October 2003.

⁴ Chairman's Statement of the 13th ASEAN Summit, Singapore, 20 November 2007.

ключевой задачей на этом пути, формально здесь достигнуты заметные результаты с учётом того, что в настоящее время АФТА является единственной региональной ЗСТ в Восточной Азии. Учитывая отсутствие благоприятных экономических предпосылок, решение о создании АФТА во многом носило политический характер и было обусловлено, с одной стороны, глобализацией мировой экономики и созданием торговых блоков в других регионах, с другой – стремлением использовать экономическое сотрудничество как средство для поддержания регионального мира и безопасности.

Последовавшие оценки экспертов подтвердили предположения о том, что реализовать планы тарифных и нетарифных ограничений будет непросто, а также, что совместное участие стран АСЕАН в одном торговом блоке не окажет существенного влияния на объём торговли между ними. ЗСТ, охватывающая шесть стран основателей АСЕАН, была создана в 2002 г., но как по товарной номенклатуре, так и по географическому охвату она не носит всеобъемлющего характера. Задача создания географически полноценной ЗСТ, включающей новые страны – члены МПО, перенесена на 2010 г., а номенклатурно полноценной, по типу ЕС, – на 2020 г.¹

В то же время АФТА стала механизмом предоставления преференций инвесторам из стран АСЕАН по сравнению с их коллегами из-за пределов региона. По оценке экспертов, такой «развивающий» регионализм направлен на ограничение гегемонии иностранных МНК и находится в определённом противоречии с открытым регионализмом АТЭС. В этом контексте АФТА имеет двойную привлекательность для политической элиты ЮВА: с одной стороны, формально она свидетельствует о приверженности региона принципам либерализации торговли и инвестиций, с другой – в более широких рамках АФТА сохраняются возможности для политических интервенций и управлений инвестициями².

Официально вступившее в силу с января 2003 г. соглашение АФТА не свободно от недостатков, одним из которых является

¹ Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 315.

² Nesadurai H. Globalization, Domestic Politics and Regionalism: The ASEAN Free Trade Area. – London: Routledge, 2003. P. 99.

низкая эффективность действующих механизмов в выполнении решений МПО по торговым конфликтам между странами-участницами. Регионализм ЮВА пока что в большей степени сосредоточен на максимизации национальных интересов, чем на достижении региональных целей. В то же время строго национально-ориентированные подходы стран АСЕАН в этой области начинают меняться. Так, для обсуждения на встрече министров экономик стран АСЕАН в 2003 г. группа экспертов подготовила рекомендации по развитию интеграции АСЕАН, часть из которых были посвящены созданию действенного механизма разрешения споров, возникающих в ходе выполнения экономических соглашений, в том числе такие, как:

- создание юридического департамента в структуре Секретариата АСЕАН для предоставления правовой экспертизы при решении торговых споров;

- введение в АСЕАН структуры, отвечающей за соблюдение правил АФТА, являющейся аналогом органа для мониторинга текстильной промышленности в системе ВТО;

- усиление механизма АСЕАН по урегулированию споров для обеспечения принятия оперативных и юридически обязывающих для стран МПО решений по возникающим между ними торговым спорам¹.

В случае успешной реализации данные меры способны повысить эффективность АФТА, что позволит значительно продвигнуться в формализации экономической интеграции в регионе, так как последняя невозможна без того, чтобы страны поступились частью своего суверенитета ради получения больших экономических выгод.

Укрепление институциональной эффективности АФТА способно оказать позитивное воздействие на развитие экономической интеграции в ЮВА, однако главной предпосылкой для создания ЗСТ Восточной Азии (в формате АПТ) является не АФТА, а интеграция экономик Китая, Японии и РК. Пока же при отсутствии внутреннего согласия между этими государствами страны ЮВА делают ставку на заключение соглашений о свободной торговле с крупными партнёрами из СВА в формате «АСЕАН плюс

¹ Recommendations of the High-Level Task Force on ASEAN Economic Integration. – Submitted to the ASEAN Economic Ministers Meeting, September 2003.

Один». Так, создание ЗСТ «АСЕАН плюс Китай» планируется к 2010 г., а «АСЕАН плюс Япония» – к 2012 г.

Развитие сотрудничества по этим проектам несёт в себе элементы соперничества и взаимодействия между Пекином и Токио. В тактическом плане первый ориентируется сразу на многосторонний вариант решения в создании ЗСТ, а второй – на двусторонние форматы с отдельными странами ЮВА, делая ставку на увеличение финансовой помощи, выделяемой на развитие инфраструктурных проектов, «людских ресурсов» и «экономики знаний»¹.

Наиболее развитым является вступившее в силу в 2005 г. Рамочное соглашение о тесном экономическом сотрудничестве между Китаем и странами АСЕАН, которое уже принесло самые существенные экономические выгоды четырём наименее развитым членам МПО (Вьетнаму, Камбодже, Лаосу и Мьянме). Эти страны, в первую очередь, подпали под действие «программы раннего урожая», в соответствии с которой по значительной группе импортируемых товаров тарифы были сокращены уже с июля 2005 г., при этом их величина составила от 0 до 5%². Несмотря на сложности в координации переговоров со всеми 10 странами МПО, Китай и АСЕАН заявили о договорённости снять все тарифы на товарную продукцию к 2010 г. Таким образом, Пекин опережает Токио в развитии торговых отношений с АСЕАН, при том, что Китай уже добился огромного роста товарооборота со странами этой МПО (105,8 млрд долл. в 2005 г. против 41,6 млрд дол. в 2001 г.).

Токио, в свою очередь, начиная с 2004 г., также проводит курс на создание зон свободной торговли со странами Восточной Азии путём заключения, преимущественно, Соглашений об экономическом партнёрстве (СЭП). Подобный подход отражает план Токио по созданию региональной ЗСТ с АСЕАН, предполагающий, что первоначально Япония заключит ряд двусторонних соглашений со странами ЮВА с учётом специфики их экономического положения и интересов Токио. В отличие от Соглашений о свободной торговле, оперирующих лишь вопросами тарифной

¹ Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 316.

² ASEAN-China to Implement First Phase of FTA on 1 July // Malaysian National News Agency, 7 June, 2005.

политики, предлагаемые Японией СЭП направлены не только на стимулирование роста внешнеторгового оборота, но и побуждают страны АСЕАН к улучшению климата для японских инвестиций, предусматривая меры по либерализации торговли услугами, взаимной защите инвестиций и прав интеллектуальной собственности, снятие ограничений на перемещение рабочей силы и др.

Япония уже провела переговоры по подготовке двусторонних соглашений с Филиппинами, Малайзией, Таиландом, Сингапуром и РК. По их итогам подписаны соответствующие СЭП с Таиландом и Малайзией. Основной проблемой для Токио при заключении подобных соглашений является вопрос об импортных тарифах на ввоз в Японию сельскохозяйственной продукции. При этом Токио приходится балансировать между интересами национальных фермеров и обязательствами Японии как члена международных экономических организаций. Другой чувствительный вопрос – открытие японского рынка труда для стран региона. В результате официально Токио приходится вести с каждым партнёром по переговорам долгий торг как по отдельным позициям номенклатуры поставляемой сельхозпродукции, так и по специфическим категориям принимаемой рабочей силы¹.

Активная работа со странами ЮВА в двустороннем формате, несмотря на возникающие трудности, должна в перспективе облегчить создание региональной ЗСТ между Японией и АСЕАН, и переговоры по этому вопросу начались в апреле 2005 г. По оценкам японских экспертов, товарооборот в рамках планируемой ЗСТ может составить более 18,5 млрд долларов США, а её вступление в силу обеспечит дополнительно 260 тыс. рабочих мест². В 2007 г. АСЕАН и Япония заключили СЭП, в соответствии с которым в течение 10 лет тарифы будут полностью отменены на 90% товарной продукции участников соглашения.

Республика Корея также выразили готовность к заключению соглашения по либерализации торговли в формате АСЕАН+1, и, начиная с 2004 г., ведутся исследования и переговоры по данному вопросу. В 2006 г. правительство Южной Кореи выразило также заинтересованность в разработке дополнительных соглашений с

¹ Стрельцов Д.В. Япония и восточноазиатское сообщество: взгляд со стороны // МЭиМО. 2007. № 2. С. 62–63.

² Japan, ASEAN kick off first round of formal trade negotiations // Japan Economic Newswire, 12 April 2005.

АСЕАН в сфере инвестиций и услуг. В целом, разрабатываемые соглашения между РК и АСЕАН были очень значимыми для Сеула, так как руководство страны опасалось возможных негативных последствий для внешнеторгового оборота РК от планируемых ЗСТ между Китаем и АСЕАН и Японией и АСЕАН и, по сути дела, не имело другого выбора. Кроме того, заключение соглашения о ЗСТ между РК и АСЕАН может способствовать и решению межкорейской проблемы, так как его условия распространяются на промышленный комплекс Кесон в КНДР, создавая таким образом механизм для включения КНДР в региональную ЗСТ¹.

Несмотря на доминирование переговоров в формате АСЕАН+1, страны «северной тройки» в 2003 г. создали трехстороннюю аналитическую группу (в составе Национального института перспективных исследований Японии, Центра исследований развития Госсовета КНР и Института международной экономической политики РК) для совместных исследований по возможности заключения между ними трехстороннего соглашения о свободной торговле, а также для представления правительствам согласованных рекомендаций о том, как координировать экономическую и финансовую политику. Первые же исследования показали, что от 70 до 80% представителей деловых кругов трёх стран поддерживают идею формирования трехсторонней ЗСТ. При этом заключение такого соглашения принесёт наибольшие дивиденды Китаю, рост ВВП которого в этом случае составит 5,9%, и несколько меньшие Японии и РК (0,61% и 1,74% соответственно), при этом перед сельскохозяйственным сектором последних двух стран встанут серьезные социальные и экономические вызовы².

Поэтому когда эта идея была предложена в ноябре 2002 г. премьер-министром Китая Чжу Жунци на встрече с премьер-министром Японии Цзюньитиро Коидзуми, то последний согласился рассматривать её только в долгосрочной перспективе, стремясь заключить сначала Соглашение о создании ЗСТ с РК. Для Токио это имеет принципиальное значение, так как в случае его подписания, оно объединит две экономики с совокупным

¹ South Korea Hopes to Sign FTA with ASEAN Late 2005 // Global News Wire, 10 June 2005.

² Scholars question benefits of FTA between South Korea, China, Japan // Asia Pulse, 13 September 2004.

объёмом ВВП порядка 5 трлн амер. долл., что составит более двух третей экономики Восточной Азии. В этом случае оно сможет устанавливать стандарты региональной экономической интеграции, а Япония получит неоспоримые преимущества по сравнению с её остальными участниками.

Переговоры между этими двумя странами по достижению сначала соглашения об экономическом партнёрстве идут с 2003 г., однако в силу препятствий экономического и политического характера, в том числе «фактора Ясукуни», не привели к конкретному результату. Что касается Пекина, то, не отказываясь от идеи трехстороннего соглашения, в 2005 г. он начал совместное с Сеулом исследование возможности заключения двусторонней ЗСТ между КНР и РК¹, что делает ситуацию в СВА в этой сфере достаточно запутанной.

Для стран АСЕАН стремительный рост китайской экономики и выход её на доминирующие позиции в регионе также является существенным вызовом. В качестве ответа на него они стремятся сбалансировать двусторонние отношения с КНР развитием более тесных связей с другими странами СВА, в первую очередь, с Японией и РК. В этом же контексте можно рассматривать и расширение использования модели АСЕАН+1 за счет подключения к ней Индии, Австралии, Новой Зеландии, а также ЕС².

Начиная с 90-х годов, страны АСЕАН и Индия активизировали взаимодействие в области развития торговли, инвестиций, туризма, науки, технологий. В 2002 г. в Пномпене состоялся первый саммит в формате Индия – АСЕАН, а с 2003 г. ведутся переговоры по разработке Соглашения о развитии торговли и инвестиций между Индией и АСЕАН. Начало реализации его первой фазы планировалось на 2007 г., однако оно было отложено. Одной из целей соглашения является стремление как Индии, так и АСЕАН сбалансировать последствия от создания ЗСТ между АСЕАН и Китаем за счет открытия индийского рынка для товаров и услуг стран ЮВА.

Австралия и Новая Зеландия также активно развивают торгово-экономические связи с АСЕАН как самостоятельно, так и в рамках сотрудничества между АСЕАН и АНЗСЕРТА (Соглаше-

¹ Xinhua News Agency, 17 June 2005.

² Chairman's Statement of the 13th ASEAN Summit, Singapore, 20 November 2007.

ния о тесном экономическом сотрудничестве между Австралией и Новой Зеландией»). Правительство Австралии неоднократно декларировало приоритетность развития взаимоотношений со странами АСЕАН, в том числе в формате региональных форумов, таких, как АТЭС, АРФ и др. Страны ЮВА также заинтересованные в диверсификации интеграционных возможностей в Восточной Азии, с 2005 г. ведут переговоры о заключении между АСЕАН и АНЗСЕРТА Соглашения о свободной торговле¹.

Наконец, нельзя обойти вниманием ещё одну недавнюю инициативу Японии. По мере продвижения расширительного видения восточноазиатского сообщества в 2006 г. Токио выступил за адекватное увеличение числа участников будущей зоны свободной торговли, предложив в 2008 г. начать и в течение двух лет завершить переговоры о создании ЗСТ с участием 16 стран, включая, помимо членов АПТ, Индию, Австралию и Новую Зеландию. В случае реализации инициативы по созданию ЗСТ в предложенном формате она станет крупнейшей в мире, а её население составит половину от мирового².

Успешная работа по подготовке соглашений в формате АСЕАН+1 была обеспечена за счет большого числа уже подписанных и планируемых двусторонних соглашений по развитию торгово-экономического сотрудничества между отдельными странами АСЕАН с государствами СВА и других регионов мира. Совместное действие АФТА и соглашений о свободной торговле АСЕАН с Китаем, Японией и РК, поддерживаемых двусторонними соглашениями между странами ЮВА и СВА, способно заложить «строительные блоки» для создания зоны свободной торговли в Восточной Азии. Насколько быстро пойдут эти процессы, во многом будет зависеть от успеха сотрудничества между Китаем и АСЕАН, которое рассматривается экспертами в качестве модели, а также от того, как далеко продвинутся раунды переговоров ВТО, стагнация которых стимулирует заключение региональных соглашений.

Существенным дополнением к АФТА при построении регионального экономического сообщества служит Соглашение о

¹ Thomas N. Developing a regional economic community. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 143–144.

² Daily Yomiuri, 15 May, 2006.

формировании зоны инвестиций АСЕАН (ASEAN Investment Area), достигнутое в ходе Саммита АСЕАН в Ханое в 1998 г. Целью создания зоны является привлечение в регион всё большего объёма прямых инвестиций от источников, находящихся как в ЮВА, так и за её пределами. Подобная постановка вопроса свидетельствует о стремлении АСЕАН сохранять баланс между углублением интеграции внутри региона и опорой на принцип «открытого регионализма», способный привлечь внерегиональных инвесторов¹.

Среди других форм экономических взаимодействий существенное значение для формирования региональной общности имеет развитие трансграничных регионов сотрудничества, как, например, Экономического коридора бассейна реки Меконг (Greater Mekong Subregion – GMS), а также создание треугольников/центров роста с участием трёх и более государств. Подобные схемы сотрудничества важны в плане более широких усилий по регионализации и региональной интеграции, так как иницилируемые ими транснациональные проекты небольшого масштаба оказывают не только прямое влияние на свои операционные районы, но и позитивное сопутствующее воздействие на соседние территории.

Рассмотренные выше примеры экономической интеграции в формате АПТ, АСЕАН и трансграничных районов в совокупности создают потенциал для формирования экономического сообщества Восточной Азии. При этом, по сравнению с проектами, реализуемыми в рамках АСЕАН, усилия, предпринимаемые в форматах «АСЕАН плюс Один» и «АСЕАН плюс Три», отличаются большей хаотичностью и региональным соперничеством, вызываемым быстрыми изменениями баланса экономической мощи и политического влияния между ведущими акторами. Кроме того, заслуживает внимания то обстоятельство, что в целом многоуровневые проекты создания зон свободной торговли отличаются большей разнонаправленностью интересов и конкуренцией между участниками, в то время, как разрабатываемые регио-

¹ Lawan Thanadsillapakul Open Regionalism and Deeper Integration: The Implementation of ASEAN Investment Area and ASEAN Free Trade Area. – Thailand: Institute of International Business and Economic Law Studies, 2000.

нальные финансовые механизмы, как правило, обладают большим потенциалом сотрудничества.

Наибольшее развитие экономическая интеграция стран Восточной Азии получила в валютно-финансовой сфере. Это объясняется воздействием азиатского финансового кризиса, который, показав незащищенность национальных рынков от атак международных валютных спекулянтов, переключил основное внимание региональных элит с торговой на финансовую сферу. По опыту строительства ЕС, финансовой интеграции должно предшествовать объединение товарных рынков, однако в ЮВА именно финансовая сфера стала мотором многостороннего экономического сотрудничества. Наряду с уже упомянутой общей «внешней угрозой» национальной финансовой стабильности, другим фактором, обуславливающим специфику восточноазиатского «пути» к единению, является наличие сильного лидера – Японии, нацеленного на использование финансовых ресурсов для закрепления собственных позиций¹.

Финансовое взаимодействие стран ЮВА началось с 90-х годов прошлого века. Свое выражение оно нашло в сотрудничестве центробанков, пытавшихся создать региональные защитные механизмы против атак международных валютных спекулянтов. Так, в марте 1997 г., незадолго до обвала тайландского бата (июль 1997 г.), пять стран-основателей АСЕАН заключили Соглашение СВОП. Однако для обеспечения этого Соглашения они смогли мобилизовать всего 200 млн долл., что оказалось совершенно недостаточным для противодействия кризиса такого масштаба.

В разгар кризиса в конце 1997 г. Токио предложил создать Азиатский валютный фонд (АВФ) с уставным капиталом в 100 млрд долл., половину которого обязалась внести Япония. Под давлением США и из-за несогласия Китая, увидевших в АВФ угрозу ведущей мировой роли МВФ и установления региональной финансовой гегемонии Японии соответственно, эта идея была отвергнута. Несмотря на неудачу первых попыток создания АВФ, Япония продолжила продвижение «чисто азиатских» валютно-финансовых инициатив как возможности закрепления собствен-

¹ Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 316–317.

ного лидерства в монетарном направлении регионализма, а также уменьшения сильной зависимости азиатских стран от американского доллара¹.

В марте 1998 г. Токио предложил новый формат поддержки стран, пострадавших от кризиса, получивший название «Новая инициатива Миидзава» (тогдашнего министра финансов Японии). На первом этапе её реализации Япония выделила этим странам 30 млрд долл. на преодоление кризиса, а на втором – в 1999 г. – заключила двусторонние СВОП-соглашения с РК (на 5 млрд долл.) и Малайзией (на 2,5 млрд долл.).

В мае 2000 г. идее СВОП-соглашений был придан многосторонний характер, когда в рамках Чиангмайской инициативы страны Восточной Азии, действуя в формате АПТ, начали процесс заключения сети двусторонних СВОП-соглашений, во-первых, между странами «северной тройки», а во-вторых, между каждой из этих стран и странами АСЕАН.

В настоящее время наибольшее число СВОП-соглашений заключили страны СВА, а среди них – Япония, которая имеет соглашение с Китаем (на 3 млрд долл.), с РК (на 2 млрд долл.), с каждой из стран АСЕАН-5 (от 1 до 3 млрд долл.). Выделив наибольшие средства на осуществление этих проектов, Токио сознательно пошёл на заключение двусторонних и многосторонних соглашений асимметричного формата. За исключением соглашения с КНР, право заимствования распространяется только на страны-партнёры Японии, а не наоборот. Китай заключил соглашения (на 2 млрд долл. каждое) с РК, Таиландом, Малайзией и Филиппинами. Южная Корея – с Филиппинами (2 млрд долл.) и Таиландом (1 млрд долл.). Страны АСЕАН смогли увеличить коллективные своп-ресурсы до 1 млрд долл.²

Хотя Чиангмайская инициатива послужила важной цели укрепления экономических связей между СВА и ЮВА, её практическая эффективность на начальном этапе оказалась низкой. Так, общий объём финансовых ресурсов, выделенных странами Вос-

¹ Katada Saori Japan and Asian monetary regionalization: cultivating a new regional leadership after the Asian financial crisis // *Geopolitics*. 2002. № 7 (1). P. 85–112.

² Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // *Россия и мир. Новая эпоха* / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 318.

точной Азии для обеспечения работоспособности инициативы, в 2003 г. составлял 36,5 млрд долл. При этом, по оценкам экспертов, для надёжной защиты от атак финансовых спекулянтов требовалась критическая финансовая масса не менее 50 млрд долл. Во-вторых, выделение ресурсов в рамках этой структуры возможно только как дополнение и по согласованию с программами МВФ. Наконец, в силу двустороннего характера СВОП-соглашений, в случае необходимости, государству, попавшему в кризисную ситуацию, придётся вести переговоры индивидуально с каждой из стран, а выделение финансовых средств будет зависеть от решения каждой из них. При этом, если даже, например, Таиланд сможет получить финансовые средства по всем заключённым СВОП-соглашениям, их общая сумма составит только 7,3 млрд дол., что значительно меньше, чем он получил от МВФ в 1997 г.¹

На встрече министров финансов стран АПТ в мае 2005 г. был согласован ряд мер, усиливающих институциональную эффективность механизмов Чиангмайской инициативы, в том числе: введение коллективной процедуры принятия решений по предоставлению финансовых средств в рамках двусторонних СВОП-соглашений, увеличение доли финансовых средств, выделяемых без согласования с МВФ, и др. Кроме того, были увеличены объёмы финансовых средств, аккумулированных в рамках СВОП-соглашений. Так, страны АСЕАН увеличили собственные совокупные ресурсы с 1 до 2 млрд долл., Япония подписала соглашение с РК ещё на 3 млрд долл., а Китай увеличил объём СВОП-соглашения с РК с 2 до 4 млрд долл. В результате общий объём финансовых средств в рамках СВОП-соглашений увеличился до 46,5 млрд долл., а вклад Японии составил 19 млрд долл.

В целом, хотя Чиангмайская инициатива не свободна от недостатков, её значение трудно переоценить, так как в финансовом секторе среди большого числа предложений она стала единственным, оперативно воплощённым в жизнь. При этом она вывела финансовое сотрудничество на лидирующие позиции в модели регионализма Восточной Азии, одновременно, как пример реали-

¹ Guan B. Regionalism in East Asia: The Dynamics of Formal and Informal Processes of Regionalization. – Kanazawa University, 2005. P. 109–110.

зации мер доверия, оказав позитивное воздействие на развитие других её составляющих.

Ожидалось, что Чиангмайская инициатива станет основой для создания общей региональной валюты и азиатского валютного фонда, однако первая идея была отложена, в то время как вторая все последующие годы в той или иной форме возникала на повестке дня. Так, в 2004 г. страны региона планировали создать общий фонд в размере 100 млрд долл., которым могла бы воспользоваться любая страна в случае кризиса ликвидности. Внёсшая это предложение Япония была готова внести 40% этой суммы, однако оно не получило практического развития.

После некоторого перерыва в 2007 г. Япония, Китай и РК возобновили переговоры о создании фонда, инкорпорирующего восточноазиатские резервы и призванного частично заменить созданную в рамках Чиангмайской инициативы систему взаимной финансовой поддержки. Объем нового фонда может составить 80 млрд долларов¹, при этом взносы от Китая, Японии и РК² составят в нём около 80%, тогда как 10 других стран АСЕАН заполнят остальные 20%. Планируемые размеры взносов свидетельствуют, что в новой финансовой архитектуре Восточной Азии страны «северной тройки» будут играть главную роль.

Начало в 2008 г. мирового финансового кризиса задало новый импульс идее консолидации азиатских региональных финансовых ресурсов и вызвало к жизни ещё более радикальные проекты. Так, в октябре два высокопоставленных представителя Таиланда, который в 2008 г. председательствовал в АСЕАН, заявили о том, что их страны выступят с предложением создания нового азиатского регионального финансового института, который функционально был бы неким гибридом между МВФ и Мировым банком. По мнению министра финансов Таиланда Т. Сучарта, во время кризисов он мог бы оказывать финансовую помощь пострадавшим государствам, а в спокойные времена – выступать в качестве банка развития.

¹ Japan, S. Korea, China Mull \$80 Billion Reserve Pool // Bloomberg, 04 May, 2008.

² Общая сумма валютных резервов Китая, Японии и Южной Кореи составляет 3,4 трлн долларов. По этому показателю они занимают соответственно первое, второе и четвертое место в мире.

Комментарии министра последовали в развитие предложений вице-преьера этой страны Оларна Чаправата о том, что азиатским странам необходимо передать по 10% своих валютных резервов в новый суперфонд, который защитит страны региона от мировых и региональных финансовых кризисов. В этом случае его размеры могут достичь 350 млрд амер. долларов, а львиную долю ресурсов должны будут предоставить Китай и Япония, валютные резервы которых составляют порядка 1,9 биллиона и 1,0 биллион амер. долларов соответственно. Впрочем, никаких подтверждений, что эти две страны готовы передать в новый фонд столь значительные финансовые ресурсы, не поступало¹.

Что касается единой азиатской валюты, то первым с этой идеей в 1998 г. выступил японский министр финансов Миидзава, предложивший привязать азиатские валюты к «корзине», состоящей из иены, доллара и евро. В качестве альтернативы ряд экспертов, преимущественно из стран ЮВА, выдвигали идею интернационализации иены. На практике реализация плана единой азиатской валюты сложна как с технической стороны, так и по политическим причинам. В то же время, в условиях углубления региональной интеграции по многим направлениям, появление какой-то формы валютного союза ведёт к значительным финансовым выгодам для участников и рано или поздно представляется неизбежным. В то же время политические разногласия между странами «северной тройки» и их стремление к сохранению суверенитета позволяют полагать, что перевод упомянутых идей в практическую плоскость возможен только в долгосрочной перспективе².

При этом страны Восточной Азии, скорее, предпочтут создание валютного союза, предоставляющего членам более равные возможности в валютных сделках, чем йеновый блок, расширяющий влияние японского правительства на региональную монетарную политику. Учитывая это, в Совместном заявлении, принятом по результатам встречи министров финансов стран АПТ в 2006 г., предлагалось введение Азиатской региональной

¹ Thailand to propose creating an "Asian IMF" // Financial Times, October 24, 2008.

² Thomas N. Developing a regional economic community. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 148–149.

расчётной единицы (АКЮ). Концепция создания АКЮ была разработана Азиатским банком развития в интересах координации мер, предпринимаемых странами региона по стабилизации валютных рынков, и впервые обсуждалась на столь представительном форуме. АКЮ мыслится пока только как определяемая на базе всей корзины валют виртуальная валюта, основной задачей которой будет обеспечить финансовому руководству каждой из стран АПТ необходимые ориентиры для корректировки курса собственной валюты¹.

Другим проявлением регионального финансового сотрудничества является сформированный в 2003 г. Азиатский фонд облигаций (АФО). Он предназначен для развития регионального рынка государственных и полугосударственных ценных бумаг за счёт инвестирования странами валютных резервов общим объёмом в 1 млрд долл. в номинированные в долларах облигации. В 2005 г. в рамках второго раунда АФО в региональный рынок облигаций, номинированных уже в местных валютах, было вложено еще 2 млрд долл. Создание АФО отвечает насущным потребностям регионального финансового рынка. Во-первых, фонд предлагает странам дополнительный механизм защиты от кризиса; во-вторых, помогает интеграции менее развитых и изолированных рынков с более зрелыми соседями, способствуя формированию понятного для всех цивилизованного регионального рынка. Наконец, он во многом снимает беспокойство, связанное с тем, что объём финансовых ресурсов, доступных в формате Чиангмайской инициативы, не способен в полной мере защитить рынок от спекулятивных атак. Предполагается, что совокупные финансовые ресурсы, привлечённые в ходе реализации этой инициативы и двух раундов АФО, существенно повысят возможности стран региона по противодействию финансовым кризисам.

Расширение регионального сотрудничества в экономике и финансах вызвало активизацию диалога на уровне министров финансов, экономики, руководителей центральных банков и привело к формированию устойчивых политических сообществ в этой сфере на уровне АСЕАН и АПТ. Ниже мы рассмотрим, как предлагаемые инициативы и регулярный политический диалог способствовали росту доверия и повышали уровень комфорта

¹ Asahi, 05 May, 2006.

участников сотрудничества. При этом для нашего исследования важно, что именно политические сообщества, сформировавшиеся в финансово-экономической области, по сравнению с аналогичными сообществами в сфере безопасности, окружающей среды и других, продвинулись гораздо дальше в формировании взаимозависимого регионального сообщества.

На первой встрече в мае 2000 г. министры экономики стран АПТ определили своей основной целью способствование экономическому росту и индустриальному развитию всего региона. Уже на второй встрече в октябре 2000 г. министры определили, что под их юрисдикцию подпадают проекты, которые по своей сути и результату являются региональными, а по составу включают не менее двух стран АСЕАН и двух стран СВА. Это определение стало очень важным для будущей классификации различных проектов сотрудничества как региональных, субрегиональных (в формате АСЕАН или СВА) или трансграничных («центров роста»).

Начиная с 2001 г. министры экономики начали использовать эту модель для продвижения серии проектов, например, в сфере повышения конкурентоспособности предприятий среднего и малого бизнеса, защиты окружающей среды, продвижения интернет обучения и др. В 2003 г. министры внесли поправки в Соглашение АСЕАН в сфере услуг, сделавшие возможным применение формулы «АСЕАН Минус X» при выполнении странами-участницами МПО его условий¹. Суть этой концепции в том, что она позволяет некоторым странам в процессе региональной интеграции продвигаться быстрее, не дожидаясь подключения всех остальных. Она, например, нашла отражение в протоколе о внесении поправок в текст Соглашения о расширенном партнёрстве между АСЕАН и Китаем, а также в первоначальном решении Филиппин не участвовать в уже упоминавшейся «программе раннего урожая».

Другая модель, которая помогает достичь схожего результата, – это вариант «2+X», когда две или более стран АСЕАН принимают меры по либерализации отдельного сектора, а другие страны впоследствии имеют возможность сами решить, вступить

¹ AEM approves recommendations of HLTF to formalize AEC // Financial Times, 2 September 2003.

в такое соглашение или нет. Например, Сингапур, Таиланд и Бруней заключили соглашение о либерализации грузовых авиаперевозок между этими странами. К этому соглашению, первоначально заключенному между Сингапуром и Таиландом, могут подключиться и другие страны¹.

По образному выражению премьер-министра Сингапура Го, «чтобы танцевать танго достаточно двух человек», но если другие страны хотят присоединиться, такая возможность предоставляется. В этом плане секторные соглашения и необходимые для их выполнения политические взаимодействия становятся важными звеньями для ускорения региональной либерализации в АФТА, либо с другими странами в СВА и ЮВА. Использование для ускорения интеграционных процессов моделей «АСЕАН-Х» и «2+Х» наглядно демонстрирует, что страны АСЕАН при принятии решений по функциональным направлениям сотрудничества готовы отказаться от жёсткой приверженности принципу консенсуса ради максимизации экономических преимуществ².

Помимо диалога министров экономик стран АПТ, с 2000 г. проходят и встречи министров финансов членов этой МПО. Именно участники этих встреч рассматривают политику в сфере региональной финансовой кооперации, включая меры по созданию и укреплению механизмов «Чиангмайской инициативы», совершенствованию мониторинга финансовых потоков, а также предложения по созданию различных финансовых структур, таких, как азиатский валютный союз, азиатский облигационный фонд. Результатом развития политического диалога стало формирование в 2001 г. Исследовательской группы стран АПТ, включающей руководящих лиц финансовых органов и центральных банков и предназначенной для оценки экономических программ и разработки финансовых реформ. Одним из следствий работы в этом формате стало появление в 2002 г. неформального форума с участием заместителей министров финансов и заместителей председателей центробанков для обсуждения экономических и политических вопросов. Таким образом, по мере появления но-

¹ 3-nation open skies agreement on cargo // The Straits Times, 26 February 2004.

² Thomas N. Developing a regional economic community. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007. P. 150.

вых задач появлялись наиболее адекватные форматы для координации политики в этой области, что постепенно привело к формированию развитого восточноазиатского финансового сообщества.

В свете последнего тезиса показателен ещё один пример, отражающий изменение вектора региональной финансовой активности. Необходимость более эффективной координации усилий по преодолению последствий финансового кризиса привела к созданию в 1997 г. Манильской группы (Manila Framework Group – MFG), объединившей заместителей председателей центральных банков и заместителей министров финансов девяти восточноазиатских стран, а также Австралии, Новой Зеландии, Канады и США. В работе данного форума, где обсуждаются проблемы финансовой стабильности региона, участвуют представители как Восточной Азии, так и стран Запада. Однако по мере становления АПТ усилилось взаимодействие между восточноазиатскими представителями форума. В результате в 1999 г. Вьетнам провёл первую из серии встреч, ставших впоследствии ежегодными, которые можно условно назвать Манильской группой АПТ. Их участниками стали члены оригинальной Манильской группы, плюс отсутствовавшие ранее члены АПТ и минус все страны Запада¹.

Независимо от реальных достижений новой группы, её создание в данном формате отражает тенденцию к развитию финансового регионализма в рамках паназиатской политической структуры. Таким образом, активный многосторонний диалог, в первую очередь в экономической и финансовой сферах, постепенно связывает Восточную Азию в самостоятельный политико-экономический регион, но при этом обеспечивает поддержание внерегиональных контактов. Содержание и интенсивность этого политического диалога свидетельствуют о том, что экономическая и финансовая интеграции представляют собой основу для дальнейших усилий по строительству региона Восточной Азии.

При этом АПТ рассматривается большинством участников как эффективный формат регионального сотрудничества, особенно в области финансов, чему немало способствовали серьёзные усилия по созданию и укреплению механизмов Чиангмайской инициативы. Успехи в торгово-экономическом сотрудничестве не

¹ Chairman's Statement, First ASEAN + China, Japan, Korea (ASEAN+3) Deputy Finance Ministers and Deputy General Bank Governors Meeting. – Hanoi, 18 March 1999.

столь ощутимы, в первую очередь, в связи с фрагментарностью предпринимаемых усилий по либерализации торговли и инвестиций, что вызвано большими сложностями переговорного процесса и практической невозможностью в короткие сроки построить общерегиональную зону свободной торговли. Тем не менее, ускорение интеграции стран АСЕАН между собой в рамках АФТА, а также взаимодействия с Китаем и Японией в формате «АСЕАН Плюс Один» должны постепенно проложить дорогу к ЗСТ Восточной Азии.

4.4. Россия и институты восточноазиатского регионализма

С точки зрения оценки возможностей участия РФ в регионализме большинство российских политологов выделяют в северном полушарии два трансрегиональных (межрегиональных) образования: Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский регионы. При этом первый вполне логично ассоциируется с понятием «Запад», в то время как термин «Восток» не отражает геополитической сути второго. Лишь события последних 10–12 лет внесли определённую ясность в подходы к этим концепциям. В большинстве оценок оба трансрегиональных пространства подразделяются на три уровня. На первом глобальном уровне они включают в состав США и рассматриваются как геополитические трансокеанские пространства, на которых Вашингтон стремится реализовать свои претензии на роль мирового гегемона¹.

На среднем (ключевом или «истинно региональном») уровне Атлантический и Тихий океаны выпадают из вышеназванных трансрегиональных пространств, оставляя в их составе страны Европейского союза и Восточной Азии. Знаковым в этом плане стал состоявшийся в 1996 г. первый саммит АСЕМ, в котором приняли участие страны, бывшие на тот момент членами ЕС (со стороны Европы) и членами АСЕАН, а также Китай, Япония и РК (со стороны Азии). Впоследствии концепцию «Востока» по мере её развития стали олицетворять страны АПТ (1997 г.), а по альтернативной версии – участники Саммита Восточной Азии (2005 г.).

¹ Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. – М.: НОФМО, 2004.

Наконец, на третьем уровне (субрегиона, примыкающего к границам России) в АТР достаточно легко идентифицируется Северо-Восточная Азия, в то время как с выходом НАТО и ЕС к границам России, становится проблематичным выделить некий регион (теоретически находящийся в Восточной Европе), в котором Россия могла бы реализовать свои устремления по развитию регионализма в качестве непосредственного члена, а не на правах партнёра действующих МПО. Не вполне ясно обозначенные пространство и границы СВА порождают как страхи, так и надежды, связанные с необходимостью предпринимать реальные шаги по развитию российского экономического регионализма, в то время как формирующаяся Восточная Азия и имеющий уже определенную политико-экономическую историю АТР рассматриваются Москвой, скорее, как арены для геополитического маневрирования с участием великих держав¹.

Хотя цели Москвы по развитию регионализма на Евро-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском пространствах могут быть сходными, возможности для её стратегического маневрирования существенно разнятся. Одним из уроков 90-х годов стало то, что Россия не может институционально интегрироваться в такие ключевые институты Запада, как НАТО и ЕС. Взаимодействие Москвы с НАТО и ЕС в силу целого ряда причин проходит весьма напряженно и на практике осуществимо для России, только если она обладает статусом независимой великой державы и выступает в роли внешнего партнёра в формате Россия – НАТО и Россия – ЕС.

В то же время шансы вступления России в международные организации АТР достаточно высоки. Для этого региона характерны: серьёзные противоречия между Китаем и Японией – лидерами делающего только первые шаги восточноазиатского регионализма, не вполне ясные роли США и Индии и, наконец, менее институционально развитая инфраструктура межправительственных институтов. Все эти особенности свидетельствуют о значительно более низком уровне развития регионализма, что предоставляет России возможности играть заметную роль в качестве непосредственного участника на всех его уровнях².

¹ Rozman G. *Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

² Dresen J., ed. *Russia in Asia – Asia in Russia: Energy, Economics, and Regional Relations // Conference proceedings*. – Washington, DC: Kennan Institute, Occasional Paper. 2004. № 292.

При этом с государствами Востока Россия находит много общего в подходах к государственному управлению и национальному суверенитету, возможность передачи которого на национальный уровень представляется неприемлемой. Всеми этими факторами объясняется, что когда Россия декларировала стремление вступить в АСЕМ, то она планировала сделать это в качестве представителя Азии, а не Европы.

Что касается первых политических инициатив, то ещё в 1986 г. президент СССР М. Горбачёв выдвинул идею Тихоокеанской конференции по безопасности, что вызвало появление схожих предложений от правительств Австралии, Канады и др. Стремление России восстановить роль глобального игрока в системе безопасности АТР, утраченную после развала СССР, в свою очередь, совпало с политическими предпочтениями стран АСЕАН, поэтому не случайно первой МПО, в которую вступила Россия в этом регионе, стал Региональный форум АСЕАН. В 1996 г. члены АРФ предоставили статус партнёров по диалогу России, Китаю и Индии, что отражало политический курс АСЕАН, направленный на подключение к региональному диалогу по безопасности всех великих держав, которые должны уравнивать друг друга. Со времени вступления РФ активно способствует эффективной работе МПО в выработке мер доверия и превентивной дипломатии. Одновременно Москва разделяет точку зрения Пекина о том, что для повышения продуктивности работы АРФ необходимо использовать опыт других МПО и, в первую очередь, ШОС.

Активизация дипломатической активности России в ЮВА была во многом связана с видением бывшего в 1996-1998 гг. министром иностранных дел Е. Примакова, который признал в АСЕАН один из полюсов современного мира, играющий системообразующую роль в интеграционных процессах АТР и способный выступить механизмом для подключения к ним России. Став в 1998 г. при его непосредственном участии членом ещё одной авторитетной МПО (АТЭС), Россия подтвердила право участвовать в решении региональных проблем. В то же время следует признать, что вступление России в эту МПО проходило со значительными трудностями, вызванными, в первую очередь, низким уровнем её вовлечённости в экономическую жизнь региона, а также асимметрией в её торгово-экономических связях со странами-членами организации.

В силу этих обстоятельств решение о приёме в АТЭС России носило, скорее, политический, чем экономический характер. Так, некоторые члены организации, в первую очередь, Австралия и Сингапур, не поддерживали идею предоставления членства РФ из-за её слабых экономических связей со странами АТР. Однако мнение ряда стран АСЕАН и Австралии не было принято во внимание, а благоприятное для Москвы решение, по оценке экспертов, своим политическим весом «продавило» великие державы (США, Япония и Китай). Вашингтон в своих геополитических расчётах был рад разменять вопрос членства в АТЭС на смягчение позиции Москвы по поводу продвижения НАТО на Восток; Токио в рамках «Евразийской дипломатии» премьер-министра Хасимото таким образом посылал сигнал Москве, призывающий к расширению экономического сотрудничества; Пекин, в свою очередь, официально поддержал российское членство на фоне качественного улучшения двусторонних отношений¹.

В условиях ограниченных возможностей российской экономической политики в рамках АТЭС многие эксперты высказывали опасение, что основное внимание Москва сосредоточит на ежегодных саммитах, не уделяя необходимого внимания рутинной деятельности, в том числе в рамках рабочих групп, и во многом этот прогноз оправдался. Активная работа на высшем политическом уровне позволила довести до стран региона российские приоритеты в АТР и принять участие в значительном числе важных двусторонних встреч с лидерами ведущих стран мира. При этом серьёзным недостатком достаточно долго продолжало оставаться пассивное участие в рабочих группах и комитетах АТЭС.

Тем не менее, регулярное участие президента РФ в саммитах, утверждение им Концепции участия России в АТЭС и создание Комиссии правительства по вопросам участия России в этой организации, активизация проведения мероприятий АТЭС на своей территории свидетельствуют о том, что руководство страны считает участие в работе этой МПО приоритетной задачей. Ещё одним важным подтверждением этого факта стало решение провес-

¹ Kato Mihoko Russia's Multilateral Diplomacy in the Process of Asia-Pacific Regional Integration: The Significance of ASEAN for Russia. In eds. by Iwashita Akihiro *Eager Eyes Fixed on Eurasia*. 2007, Vol. 2, Hokkaido University: Slavic Research Center. P. 142–144.

ти в 2012 г. саммит АТЭС во Владивостоке и развёртывание широкого фронта работ по подготовке к нему.

По мнению президента России Д. Медведева, впервые участвовавшего в саммите АТЭС в 2008 г., эта МПО должна играть возрастающую роль в обеспечении стабильности и процветания нашего общего региона, а в период борьбы с мировым финансовым кризисом способствовать решению первоочередной задачи – формированию многополярной международной финансово-экономической системы. Разделяя озабоченность членов форума колебанием цен на энергоносители, он подчеркнул, что Россия будет содействовать созданию такой системы энергообеспечения в АТР, которая позволит потребителям энергоресурсов диверсифицировать географию импорта и обеспечить бесперебойные поставки. При этом он акцентировал внимание на том, что при реализации задач форума Россия будет твёрдо придерживаться краеугольных для МПО принципов консенсуса, добровольности и «открытого регионализма», выразив удовлетворение тем, что в плане противодействия мировому финансовому кризису прошедший саммит во многом стал конкретизацией недавней встречи «двадцатки» в Вашингтоне и что в Лиме не возникло чего-то альтернативного.

В 2001 г. Россия вошла в число стран-основателей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где вместе с Китаем играет роль лидера, и в настоящее время эта МПО является наиболее значимой для Москвы среди межправительственных организаций азиатского региона. При этом существенным аспектом является тот факт, что в деятельности этой МПО Москва делает упор на проблематику региональной безопасности, а Пекин – на развитие экономического сотрудничества.

Если охарактеризовать российские усилия по развитию регионализма в СВА, то и здесь интересы в области безопасности стояли выше экономической сферы. Заслуживает внимания, что с 1995 г. Россия вместе с четырьмя другими странами СВА (КНР, РК, КНДР, Монголия) при поддержке Программы развития ООН участвует в Программе развития района реки Туманной, осуществляемой в соответствии с принципами развития «естественной экономической территории». Подробное описание российского участия в программе (гл. 3 монографии) позволяет охарактеризовать российский регионализм в этой сфере, скорее, как «оборони-

тельный», так как основные усилия российских участников уходили на недопущение её развития в нежелательном направлении.

Постепенно основные пожелания российской стороны, главным из которых было расширение географической зоны действия программы, были выполнены, в 2005 г. она была переименована в «Расширенную Туманганскую Инициативу» (РТИ), что официально закрепило произошедшее концептуальное изменение. Несмотря на это, модель участия Москвы существенно не изменилась. Разработанная учеными ДВО РАН совместно с администрацией Приморского края Концепция российской части программы на национальном уровне не утверждена, что препятствует выделению средств федерального бюджета для реализации совместных проектов.

Официальная позиция РФ по отношению к программе в целом выражается в том, что Россия готова содействовать созданию необходимых условий для развития тех «проектов РТИ, которые «обеспечат поддержку мероприятиям, осуществляемым в рамках Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года»¹. Что же касается проектов общерегионального характера, то их поддержка не акцентируется.

Гораздо большее значение Россия придаёт проблеме ядерной безопасности Корейского полуострова, что нашло отражение в обстоятельствах неучастия России в программе КЕДО и четырёхсторонних переговорах по безопасности Корейского полуострова и, в конечном счёте, участия в шестистороннем формате этих переговоров.

Россия не без оснований полагала, что США незаслуженно вытеснили её из проекта КЕДО по финансовым и политическим причинам. В результате отклонения предложения построить атомные реакторы для КНДР в России Москва не проявила заинтересованности в финансировании КЕДО, но предоставила научно-техническую информацию о результатах исследований места будущей установки реакторов, проведенных в 80-х годах.

С 1997 г. для обсуждения безопасности Корейского полуострова использовался механизм четырёхсторонних переговоров с

¹ Presentation by the Head of the Russian Delegation (Ministry of Economic Development and Trade) . Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. – Tumen Secretariat, Vladivostok, 2007.

участием США, КНР, КНДР и РК. На всех этапах кризиса Россия, призывая к мирному решению проблемы, настаивала на своём участии в многостороннем диалоге, и для повышения эффективности сотрудничества в 2003 г. членство в нём было предоставлено Японии и России. При этом на включении Москвы в этот многосторонний формат настоял Пхеньян, надеявшийся, что, играя на переговорах роль модератора, РФ будет в должной мере учитывать интересы КНДР. Таким образом, с 2003 г. в СВА действует механизм шестисторонних переговоров по проблемам безопасности Корейского полуострова, который включает в состав все страны региона (кроме Монголии) и по сути стремится к решению тех же задач, которые были поставлены перед КЕДО.

Россия играет активную роль в переговорах, стремясь избежать прямого военного конфликта между КНДР и РК, либо силового решения, вызванного интервенцией США, так как такое развитие событий приведёт к нестабильности на Корейском полуострове, что, в свою очередь, способно дестабилизировать безопасность дальневосточных территорий. Одновременно это ухудшит социально-экономическое положение проживающего там российского населения, так как в этом случае будут заморожены масштабные проекты поставки российских энергетических ресурсов в страны региона, соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей и др.

В ответ на обязательство КНДР остановить ядерный реактор в Йонбене по результатам февральского 2007 г. раунда шестисторонних переговоров Россия обязалась предоставить КНДР энергетические ресурсы или экономическую помощь стоимостью не менее 100 млн амер. долларов. По итогам шестисторонних переговоров в декабре 2008 г. МИД КНДР заявил о готовности предоставить доступ инспекторам к своим ядерным объектам лишь после того, как Пхеньян получит миллион тонн топлива. В ответ на это представитель Госдепартамента США заявил, что из-за отказа Пхеньяна допустить иностранных инспекторов на ядерные объекты все страны-участники шестисторонних переговоров, в том числе Россия, прекратят поставки нефти нефтепродуктов КНДР.

В свою очередь, в МИД РФ отметили, что подобные действия не согласовывались участниками переговоров и что Россия не намерена прерывать поставки топлива КНДР и уже в декабре

Пхеньян получит 200 тысяч тонн топлива и 50 тысяч тонн мазута¹. Эти события подчёркивают, что даже в условиях начавшегося в 2008 г. мирового финансового кризиса Москва не уходит от выполнения взятых на себя международных обязательств, демонстрируя вполне самостоятельную и в то же время конструктивную позицию, способную укрепить её влияние в регионе. Более неопределённой для России представляется ситуация в Восточной Азии. Регионализм в двух её субрегионах (СВА и ЮВА) развивается по различным траекториям: по сути стагнирует в первом и наращивает темпы во втором. Сталкиваясь со сложными проблемами в развитии многостороннего сотрудничества в СВА, Россия (так же как Китай и Япония) почувствовала, что эффективный путь для включения в процессы восточноазиатского регионализма может лежать не через СВА, а, скорее, через сотрудничество со странами АСЕАН, и данная тема заслуживает подробного анализа.

С приходом на пост президента РФ Владимира Путина была принята новая концепция внешней политики России, в которой подчёркивалась важность построения многополярного мира и центров силы, способных ограничить доминирование США, а также приоритетность интеграции России в АТР, для чего Москва будет активно участвовать в работе АТЭС и АРФ². Таким путём Путин продемонстрировал стремление поднять статус и роль РФ во взаимоотношениях с АСЕАН, в этом он нашёл сильную поддержку в лице премьер-министра Малайзии Махатира Мохамеда.

Интересы РФ (усилить свои политико-экономические позиции в ЮВА) и Малайзии (предотвращение доминирования США в этом регионе) совпали, и 2002 г. в ходе визита в Москву Махатир заявил, что Малайзия может стать для России «воротами в Юго-Восточную Азию», и призвал к расширению двусторонней торговли, развитию совместного производства товаров, сотрудничества в освоении космоса³. В августе 2003 г. во время визита Путина в Куала-Лумпур был подписан контракт о покупке Малайзией 18 штурмовиков СУ-30 общей стоимостью \$900 млн и состоялась инаугурация российско-малайского Делового Совета.

¹ РИА Новости. 2008. 13 декабря.

² Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля.

³ Слюсаренко К. «Политик не имеет права на ошибки» // Независимая газета. 2002. 14 марта.

Уже в октябре того же года Путин снова посетил Малайзию, где по приглашению Махатиры принял участие в качестве наблюдателя в заседании Организации Исламской Конференции (ОИК). Путин стал первым лидером немусульманского государства, выступившим на заседании ОИК, что было почётно и важно с точки зрения российской дипломатии по отношению к исламскому миру.

Из развития приоритетных отношений с Куала-Лумпур Москва извлекла существенную пользу. Во-первых, Малайзия как один из основателей АСЕАН способствовала поддержке России не только в мусульманском мире, но и с точки зрения возможности участия в восточноазиатском регионализме. Во-вторых, она вышла на третье место по объёму закупаемого российского оружия (после Китая и Индии), став примером диверсификации рынка вооружений для других стран АСЕАН.

Примеру Малайзии снова последовала Индонезия, в первую очередь, в силу того, что США наложили эмбарго на поставки вооружений в эту страну. В ноябре 2005 г. оно было снято, однако Джакарте стало очевидно, что полагаться на одну страну в качестве главного поставщика вооружений довольно рискованно, и уже после его отмены в 2006 г. министерство обороны Индонезии проявило заинтересованность в покупке российских штурмовиков, боевых кораблей и другой боевой техники. В результате на выставке МАКС-2007 был парафирован контракт с Индонезией на \$350 млн на поставку трех штурмовиков Су-30 и трех Су-27, и Россия предложила Индонезии кредит до \$1 млрд под поставки 20 флотских БМП-3, вертолетов Ми-17 и подводной лодки. Интерес к покупке российского оружия проявляет и Таиланд. Дальнейшее продвижение Москвы на рынок вооружений ЮВА способно повысить её политическое влияние в регионе.

Наиболее активно отношения России со странами АСЕАН развивались в политической сфере и области безопасности. В 2003–2004 гг. Москва присоединилась к двум основополагающим документам АСЕАН: Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и Протоколу о ЮВА как зоне свободной от ядерного оружия. В 2005 г. было принято решение сделать саммиты Россия – АСЕАН регулярными, а также усилить сотрудничество по обмену информацией в интересах борьбы с международным терроризмом и транснациональными преступлениями. В целом, достижения политики Путина в ЮВА состояли в том, что уровень отношений России со странами

АСЕАН поднялся до уровня, позволяющего обсуждать возможности официального участия Москвы в регионализме Восточной Азии¹.

Развитие Москвой приоритетных отношений с Куала-Лумпур способствовало росту значимости России в ЮВА, но при этом оказалось обоюдоострым оружием. Другие страны ЮВА почувствовали, что Малайзия использует внешние державы, чтобы направить восточноазиатский регионализм в наиболее предпочтительном для себя направлении, когда формирующийся регион становится противовесом Западу. Негативные последствия для Москвы состояли в том, что очевидная близость с Куала-Лумпур ограничила возможности её маневра, а политические позиции нашей страны члены АСЕАН «зафиксировали» как антиамериканские и «пропекинские», хотя на деле российские интересы в Восточной Азии имеют более богатую палитру оттенков.

В результате в 2005 г. Москва не вступила в члены саммита Восточной Азии – формально по экономическим основаниям, на деле – по политическим причинам. Необходимость для России активно добиваться членства в этой организации в будущем, как и её шансы на вступление, не очевидны. С одной стороны, страны ЮВА уже пригласили Москву к участию в ряде других престижных форумов (АРФ, Россия – АСЕАН), растёт политическое и экономическое влияние РФ в мире, а значит, и её значимость для АСЕАН как потенциального партнёра, поэтому её постоянное исключение из нового института маловероятно. Страны АСЕАН традиционно стараются избегать появления в регионе какой-то одной доминирующей державы и нуждаются в стабилизирующей роли России для балансирования мощи Китая, Японии, Индии и/или США. В свою очередь, полноправное участие в созданных на базе АСЕАН международных организациях и диалоговых структурах предоставляет Москве отличные возможности для усиления своего политического и экономического влияния в Восточной Азии².

¹ Buszynski L. *Russia and Southeast Asia*. In eds. by Hiroshi Kimura *Russia's Shift toward Asia*. – Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. P. 195–197.

² Kato Mihoko *Russia's Multilateral Diplomacy in the Process of Asia-Pacific Regional Integration: The significance of ASEAN for Russia*. In eds. by Iwashita Akihiro *Eager Eyes Fixed on Eurasia*. 2007. Vol. 2, Hokkaido University: Slavic Research Center. P. 151.

Формальным препятствием для принятия РФ в члены саммита стал низкий уровень экономических связей с регионом, эта оценка во многом субъективна. Пострановый анализ показывает, что ведущие страны ЮВА (Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Таиланд, Филиппины) либо уже сотрудничают, либо реально прорабатывают возможности установления взаимовыгодных контактов, как минимум, в области покупки российских энергетических ресурсов и недорогого, но надёжного оружия. Особого внимания заслуживает необходимость выстраивания комплексных партнёрских отношений и диверсификации торгово-экономических связей с Индонезией, которая постепенно возвращает утраченные во время азиатского финансового кризиса позиции лидера ЮВА.

Некоторые затруднения могут быть с Сингапуром, который в силу специфики своей политики (односторонняя ориентация на США) и экономики (государство – город) не слишком заинтересован в российском экспорте, однако здесь возможно асимметричное решение. Дело в том, что Сингапур является экспортёром высокотехнологичной продукции, более 50% которой приходится на информационные технологии. Экспорт в этом секторе исключительно зависим от ограниченного числа рынков, при этом более 25% его приходится на США¹. Небольшая по объёму экономика Сингапура очень зависит от подвергшейся воздействию кризиса экономики США. Работающие в этом секторе крупные российские компании могли бы не без экономической выгоды для себя обратить внимание на этот сегмент экономики Сингапура, одновременно способствуя решению важных для РФ политических задач. Что касается Австралии, то, с одной стороны, она не входит в состав АСЕАН и её мнение не является критически важным, с другой – недавние контракты по закупке Россией в этой стране крупных партий полезных ископаемых также способны улучшить ситуацию.

В то же время позитивных подвижек в развитии экономических связей со странами АСЕАН для решения вопроса о приёме РФ в саммит Восточной Азии может быть недостаточно. В условиях поляризации стран Восточной Азии по вопросу отношения к роли США в регионе, приём РФ может быть отложен и осуществ-

¹ “Submerging again?” // The Economist, 31 March, 2001. P. 71–72.

влён одновременно с предоставлением статуса наблюдателя в этой организации США, как, например, предлагает Япония¹.

Япония соглашается с тем, что без России интеграция Восточной Азии будет не полной, учитывая её потенциал по поставкам энергоресурсов. В то же время участие Москвы в ВАС представляется Токио как следствие естественного вовлечения её в региональные рыночные отношения, а не каких-то внешнеполитических решений. Впрочем, в случае приёма в члены саммита Восточной Азии РФ и США по составу он почти не будет отличаться от АТЭС (в новой МПО будут отсутствовать несколько стран Северной и Южной Америки, а присутствовать – Индия) и утратит и так не вполне ясную региональную идентичность.

В целом, можно констатировать, что с середины 90-х годов российская политика в АТР стала более динамичной и направленной на расширение сотрудничества как в безопасности, так и в экономике. При этом Москва проявила серьёзный интерес к многостороннему формату, став членом всех значимых межправительственных институтов и заняв прочные позиции на трансрегиональном (АРФ, АТЭС) и субрегиональном (Шестисторонние переговоры, Расширенная Туманганская инициатива) уровнях, рассматривая их, в первую очередь, как инструменты поддержания стабильности и повышения своего статуса в регионе.

По сравнению с 1997 г., когда РФ удалось добиться членства в АТЭС, в 2005 г. стремление Москвы принять участие в новых форматах регионализма основывалось на таких позитивных основаниях, как: значительный рост ВВП и внешнеторгового товарооборота, особенно с Китаем; высокие цены на энергоносители и объявленные планы строительства мощной транспортной и энергетической инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке; укрепляющееся стратегическое партнёрство с Китаем, рост поставок вооружений в ЮВА и позитивная роль Москвы в шестисторонних переговорах².

Тем не менее, предпринятая в 2005 г. попытка России войти в число стран-основателей формирующегося восточноазиатского

¹ Buszynski L. Russia and Southeast Asia. In eds. by Hiroshi Kimura Russia's Shift toward Asia. – Tokyo: SPF, 2007. P. 199.

² Rozman G. Russian Strategic Thinking on Asian Regionalism. In eds. by G. Rozman Russian Strategic Thought toward Asia. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 241–242.

сообщества оказалась неудачной. Тому было много причин, главной из которых стала оппозиция Японии и ряда других стран, проводящих проамериканскую политику. В то же время нельзя не отметить и пассивную роль Пекина, который рассматривает АПТ и Саммит Восточной Азии, в первую очередь, с точки зрения быстрого развития экономического регионализма, в то время как Москва видит новый институт больше как место для развития стратегического диалога по проблемам безопасности и развития.

В этом свете заслуживает внимания, что предоставление России членства в многосторонних институтах (Шестисторонние переговоры и Саммит Восточной Азии) в последние годы лоббировали небольшие государства, стремящиеся сбалансировать в регионах слишком большое, с их точки зрения, влияние США (КНДР – в СВА и Малайзия – в ЮВА соответственно). Что касается Китая, то ради интересов России он не проявлял готовности рисковать своим стратегическим приоритетом – поддержанием стабильных отношений сотрудничества с США на основе совпадения интересов, а в вопросах предоставления РФ членства в этих институтах был готов лишь на присоединение к мнению большинства участников. В развитии региональных отношений с Москвой в качестве приоритетного направления Пекин более чем устраивает двусторонний формат, при этом в СВА основной упор он делает на развитие многосторонних связей со странами «северной тройки», трансформация которых в ЗСТ сулит китайской экономике миллиардные прибыли.

Таким образом, хотя существенно возросший уровень двусторонних отношений с Китаем в области экономики и безопасности является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие российского регионализма в АТР, очевидно, что безальтернативная опора на этот фундамент в условиях стремительного «подъёма» Китая имеет свои ограничения. При отсутствии функциональной модели развития Восточной Сибири и Дальнего Востока эти малонаселённые регионы могут превратиться в сырьевой придаток растущей экономики Китая. Общая бесперспективность такого сценария будет усугубляться тем, что Пекин никогда не проявлял желания платить за российские энер-

гетические и прочие ресурсы рыночную цену, а настаивал на предоставлении весьма существенной скидки¹.

Чтобы избежать этого негативного сценария, России необходимо диверсифицировать политику на азиатско-тихоокеанском направлении, более активно взаимодействуя с Японией, РК, Индией, странами ЮВА. При этом надо стараться изменить традиционные подходы к внешней политике в этом регионе, не рассматривая её лишь в терминах проецирования мощи и влияния, а использовать её возможности как средства привлечения внешних ресурсов для решения насущных проблем Дальнего Востока страны².

Взросшее внимание руководства России к выполнению своих обязательств как ответственных акторов межправительственных институтов АТР свидетельствует о том, что пришло более глубокое понимание того, что не стоит экономить на внешней политике. Организационные и финансовые усилия, которые требуются сегодня на поддержание многосторонних институтов, при условии, что в будущем они выполняют предписываемую им роль, в ретроспективе будут оценены как весьма незначительные, но исключительно эффективные³.

Недавние решения российского руководства о проведении саммита АТЭС во Владивостоке, а также о взятии на себя в рамках Шестисторонних переговоров финансовых и других обязательств по поддержке КНДР подтверждают этот тезис. Кроме того, они говорят о том, что экономическое направление регионализма начинает постепенно сокращать разрыв с долгое время преобладающей в российских подходах проблематикой обеспечения стратегического баланса силы и региональной безопасности.

¹ Sevastyanov S. The More Assertive and Pragmatic New Energy Policy in Putin's Russia: Security Implications for Northeast Asia // *East Asia: An International Quarterly*. 2008. № 25, Durham University: Springer. С. 35–55.

² Trenin D. Russia's Asia Policy under Vladimir Putin, 2000-5. In eds. by G. Rozman *Russian Strategic Thought toward Asia*. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 111–112.

³ В этом плане показателен пример Китая, который, стремясь стать лидером многостороннего сотрудничества в СВА, взял на себя организационную и финансовую нагрузку по обеспечению деятельности постоянно действующих в Пекине секретариатов как Шестисторонних переговоров, так и РТИ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В монографии найдено подтверждение научной гипотезы о том, что время возникновения и особенности моделей азиатских МПО являются реакцией на процессы глобализации и призваны либо способствовать ей (формирование АТЭС и АРФ по принципу открытого регионализма), либо противодействовать её негативным последствиям (формирование АПТ по принципу закрытого регионализма). Особый интерес для подтверждения гипотезы представляет модель формирования саммита Восточной Азии в рамках трансформаторского подхода к теории глобализации. Компромиссный характер подхода, занимающего промежуточное положение между первой и второй волнами этой теории, отразился на особенностях модели Саммита Восточной Азии, который географически меньше АТЭС, но больше АПТ, и не имеет пока ясной региональной идентичности. Включение же в его состав дополнительно трёх государств с устойчивыми демократическими традициями можно рассматривать как попытку повлиять на характер восточноазиатского регионализма в духе трансформализма Хелда. В целом, модели азиатских институтов многостороннего сотрудничества совпадают с постулатами каждой из трёх волн в теории глобализации, что подтверждает тезис о связанности современного мира и, напротив, опровергает положение об абсолютной уникальности АТР.

В подтверждение концепции нового регионализма следует отметить, что для большинства азиатско-тихоокеанских и восточноазиатских институтов характерны отличающиеся от западных и уходящие корнями в «путь АСЕАН» общие особенности (неформальный характер диалога, консенсус в принятии решений, «открытый регионализм»), которые отражают фокус этих

институтов на процессе, а не на результате. Оценки эффективности азиатских институтов поляризованы: западные эксперты считают их неэффективными, а азиатские государства устраивает их неформальный характер. При этом, столкнувшись с трудно разрешимыми проблемами социализации новых членов, например, Мьянмы, участники АСЕАН предприняли меры по повышению институционализации своей базовой МПО, в то время как в других, более разнообразных по составу организациях (АТЭС, АРФ, АПТ), страны ЮВА, опасаясь доминирования великих держав, блокируют возможности формализации сотрудничества.

Более того, страны АСЕАН за короткий период дважды преодолели разрыв по так называемой линии «Север» – «Юг», подтвердив ещё один постулат нового регионализма, о том, что в условиях глобализации государства будут объединяться в региональные союзы, в том числе с учётом интересов менее влиятельных и более бедных стран региона. Так, с 1995 по 1999 гг. был организован ускоренный прием в состав АСЕАН новых членов из бывшего коммунистического лагеря (Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа), в отличие от опыта ЕС, без выполнения каких-то предварительных условий. Наибольший вклад в сокращение экономического и технологического разрыва между новыми членами и «старожилами» вносит экономически благополучный Сингапур. Для решения этой задачи реализуется специальная Инициатива для Интеграции АСЕАН (Initiative for ASEAN Integration), в рамках которой Сингапур в 2007 г. взял на себя обязательство внести в фонд этой программы в 2009–2011 гг. 30 млн сингапурских долл., а также запустить программы электронного правительства и совершенствования телекоммуникаций АСЕАН, основные преимущества от участия в которых получают новые члены МПО¹.

Создав АПТ, страны АСЕАН уже сами в полном составе объединились с более развитыми Японией, РК и Китаем, что, в свою очередь, работает на сокращение разрыва между членами АСЕАН и государствами «северной тройки». При этом Пекин уже приступил к реализации так называемых «программ раннего урожая», способствующих подтягиванию к общему уровню наиболее экономически отсталых Лаоса, Мьянмы и Камбоджи.

¹ Chairman's Statement of the 13th ASEAN Summit, "One ASEAN at the Heart of Dynamic Asia". – Singapore, 20 November, 2007.

Странам ЮВА пока удаётся удерживать, по крайней мере, видимость лидерства в региональных организациях, сформированных на базе АСЕАН. Ими были предприняты успешные попытки сдерживать чрезмерное, с их точки зрения, усиление Японии и Китая в 1997 г. и 2005 г. соответственно, что подтверждает верность концепции А. Богатурова о наличии в Восточной Азии преимущественно пространственной структуры отношений, высокая плотность которого позволяет средним и малым странам АСЕАН сдерживать региональных лидеров¹.

В странах Восточной Азии растёт осознание, что Вашингтон использует многосторонние подходы только тогда, когда это напрямую отвечает их интересам. Так, США, не уделяя особого внимания АТЭС и АРФ, активно участвуют в Шестисторонних переговорах по проблемам Корейского полуострова, а также прорабатывают возможности трансформации «расширенных» двусторонних отношений с Японией и Австралией в трехстороннюю региональную систему безопасности. Невнимание США к региону в целом и к многостороннему сотрудничеству в АТЭС и АРФ в частности произвольно способствовало укреплению позиций более компактного видения восточноазиатского регионализма.

Интеграционные процессы в СВА в их классическом понимании и с полным составом возможных участников (6 государств) сегодня практически отсутствуют, хотя просматривается возрастающий интерес к взаимодействию в формате «северной тройки» (КНР, Япония, РК). Среди действующих многосторонних институтов можно выделить лишь два: в области безопасности – это Шестисторонние переговоры по безопасности Корейского полуострова, а в сфере экономики – Расширенная Туманганская Инициатива. При этом первый представляет собой лишь переговорный механизм, а не МПО, а для второго характерна проблема неполного членства (отсутствует Япония) и слабый интерес к нему со стороны правительств стран-участниц. Тем не менее, уместно отметить, что лидером в развитии многостороннего сотрудничества в СВА как в безопасности (Шестисторонние

¹ Богатуров А.Д. Среда – против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв. – М.: НОФМО, 2002. С. 273.

переговоры), так и в сфере экономики (РТИ) постепенно стал Пекин. Стремясь к усилению общего влияния в этих институтах и возможностях формирования повестки, Китай на постоянной основе разместил их Секретариаты в Пекине, взяв на себя основное бремя финансовых расходов по обеспечению их деятельности.

Несмотря на то, что подавляющее большинство представителей деловых кругов стран «северной тройки» поддерживают идею формирования трехсторонней ЗСТ, на данном историческом этапе заключение этого эпохального по значению документа представляется маловероятным. В этой связи и Токио, и Пекин делают попытки заключить сначала двустороннее Соглашение о свободной торговле с РК, что может дать им большие преимущества по сравнению с остальными участниками региональной интеграции. Со своей стороны, РК ведёт переговоры о заключении Соглашений по либерализации торговли, инвестиций и услуг в формате АСЕАН+1, так как в свете планируемых к подписанию ЗСТ между Китаем и АСЕАН и Японией и АСЕАН, у РК просто нет другого выбора.

В формирующемся регионе Восточной Азии Пекин существенно усилил своё политическое и экономическое присутствие, и в настоящее время взаимодействия между АСЕАН и Китаем являются ключевой осью регионализма, по сравнению с которой оценивается состояние отношений АСЕАН с Японией и РК. При этом в развитии восточноазиатского регионализма Китай делает упор на более закрытой модели АПТ.

Этому курсу противодействует Япония, лавирующая между двумя моделями. В структуре АПТ она пытается одновременно как не отстать от инициатив Пекина по сотрудничеству с АСЕАН, так и сдерживать его лидерские амбиции; в то же время Токио стремится «удержать на плаву» более открытую модель саммита Восточной Азии, в том числе ради обеспечения интересов США в регионе¹.

Президент РК Ким Дэ Чжун внес знаковый интеллектуальный вклад в развитие концепции восточноазиатского сообщества, выступив инициатором создания так называемой «Группы мудрецов» для формулирования видения региона Восточной Азии, а

¹ Севастьянов С.В. Регионализм в Восточной Азии и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12.

затем – Группы исследований для выработки практических путей расширения сотрудничества в рамках АПТ и оценки возможных последствий формирования Саммита Восточной Азии. Последние годы взоры ведущих стран региона устремлены на Сеул, с которым они стремятся повысить уровень развития торгово-экономических отношений. Больше других в этом преуспели США, заключив в 2007 г. с РК Соглашение о свободной торговле, позволяющее Вашингтону в определённой степени «держать руку на пульсе» процессов регионализма Восточной Азии. Усилия, предпринимаемые в этом направлении Токио и Пекином, пока не принесли конкретных результатов.

Начиная с 90-х годов, Индия активизировала взаимодействие со странами АСЕАН в области развития торговли, инвестиций, туризма, науки, технологий. Лоббирование со стороны членов этой МПО способствовало включению Индии в состав АСЕМ и Саммита Восточной Азии. Подключение Индии к процессам сотрудничества в ЮВА, а через это пространство и в Восточной Азии в целом, становится заметным фактором, влияющим на формирование моделей регионализма.

На основании результатов проведённого исследования стало возможным охарактеризовать модели регионализма Восточной Азии с точки зрения их соответствия основным признакам «региональности», сформулированным во второй главе монографии.

1. Степень развития сотрудничества в экономической, политической и культурной сферах и «глубина» интеграции

Достижения на различных функциональных направлениях межправительственного сотрудничества и уровень его институционализации ниже, чем в Европе, но в целом соответствуют пожеланиям его участников. Наибольший прогресс на этих направлениях достигнут АСЕАН и АПТ. Сложившуюся модель регионализма можно охарактеризовать как мягкий интеграционный проект, реализующийся преимущественно в финансовой и торгово-экономической сферах и направленный на укрепление финансового взаимодействия и создание зоны свободной торговли. Будущая модель единого региона ближе к НАФТА, чем к ЕС, и ожидать создания в Восточной Азии наднациональных институтов не стоит даже в отдалённой перспективе.

2. Социальная система, выходящая за пределы региона и представляющая собой региональное сообщество безопасности

Создание сообщества безопасности в масштабе всей Восточной Азии в силу известных структурных ограничений представляется сложной проблемой. Комплекс региональной безопасности Восточной Азии, с точки зрения оценки роли внешних акторов, в первую очередь, США и их двусторонних союзов безопасности, скорее, напоминает модель Д. Лэйка, хотя соответствует и некоторым параметрам концепции Б. Бузана, особенно в контексте важности «дилеммы безопасности» между соседними странами.

Военные конфликты как между Китаем и Тайванем, так и на Корейском полуострове маловероятны, хотя остающиеся неразрешёнными проблемы чреваты периодическими обострениями политической обстановки. В перспективе следует ожидать усиления влияния региональных структур, «накрывающих», но не демонтирующих нынешние союзы, которые будут адаптироваться Вашингтоном для отражения новых угроз. В случае успешного решения проблемы безопасности Корейского полуострова, на основе механизма Шестисторонних переговоров может быть создана межправительственная организация безопасности США.

3. Условия участия в членстве в межправительственных организациях

С середины 90-х действие классического для АТЭС и АРФ принципа «открытого регионализма» ослаблено появлением организаций, исповедующих исключительно восточноазиатский формат членства, в первую очередь, АПТ. Азиатский финансовый кризис дал сильный импульс становлению закрытой формы восточноазиатского регионализма, основными проponentами которого стали Малайзия и Китай. При этом последний стал безусловным лидером в его практической реализации в формате АПТ.

Этому курсу противодействует Япония, предпочитающая открытую модель регионализма, способную обеспечить интересы США и дружественных им государств. В качестве основного механизма в этих целях Токио использовал Саммит Восточной Азии, в состав которого ему при поддержке ряда стран АСЕАН удалось включить, помимо членов АПТ, также Индию, Австра-

лию и Новую Зеландию, что способствовало ограничению влияния Пекина в регионе.

Таким образом, влияние азиатского финансового кризиса имело ограниченный по времени характер на развитие восточно-азиатского регионализма, и это далеко не законченный процесс, который будет продолжаться в ходе соперничества конкурирующих моделей¹. Вектор влияния на них мирового финансового кризиса 2008 г. ещё предстоит изучать, но предварительные оценки свидетельствуют о том, что он может способствовать развитию более закрытой модели.

4. Границы и структура региона

В подходах к формированию границ региона (физический или функциональный) доминирует последний, когда они определяются операционной зоной заключённых и обсуждаемых соглашений о сотрудничестве, в первую очередь, в наиболее развитых финансовой и торгово-экономической сферах. Определение ключевого региона как включающего 13 государств АПТ оспаривается рядом концепций более широкой географической трактовки Восточной Азии.

Для формирующегося региона Восточной Азии характерна полиядерная структура. С учётом геополитического потенциала, динамики развития регионализма, а также исторического опыта (см. первый параграф главы 4), двумя основными ядрами региона выступают Китай и Япония. В то же время, с учётом жёсткой борьбы между ними за лидерство, по некоторым оценкам, АПТ сможет двигаться вперёд только при условии, что ни одна из стран не будет играть доминирующую роль в регионе. В этом плане важна роль ещё одного, хотя и до некоторой степени формального ядра, состоящего из группы ведущих стран АСЕАН (Сингапур, Малайзия, Индонезия и др.), которые активно продвигают интеграционные процессы в рамках АСЕАН и других региональных институтов, одновременно балансируя противоречия, возникающие между лидерами. Наконец, ещё одним влиятельным внешним актором являются США, оказывающие через воен-

¹ Севастьянов С.В. Институты азиатско-тихоокеанского и восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 92.

ные союзы доминирующее воздействие на систему безопасности Восточной Азии.

Состав и деятельность АПТ, АСЕМ, Саммита Восточной Азии демонстрируют, что, хотя внешние границы Восточной Азии остаются не вполне ясными и могут постоянно видоизменяться в зависимости от функционального предназначения создаваемых институтов, страны АПТ будут играть ведущую роль, а Китай и Япония сохранят лидирующие позиции в формировании восточноазиатского регионализма.

С учётом этих факторов можно определить как внутреннюю, так и внешнюю периферию региона Восточной Азии. К первой следует отнести наиболее отсталые экономически бывшие социалистические страны (Лаос, Камбоджа, Мьянма). Их подтягивание до общего уровня через специальные механизмы многостороннего сотрудничества осуществляют, в первую очередь, Сингапур и Китай. Ко второй, исходя их состава стран, представляющих Восточную Азию в международных институтах, можно отнести Индию, Австралию, Новую Зеландию, Пакистан и Монголию, а исходя из географических соображений к ним надо добавить также Россию, КНДР, Восточный Тимор и, возможно, другие государства.

5. Уровни интеграционных процессов

Интеграционные процессы Восточной Азии предстают как многоуровневые (трансрегиональные, региональные, субрегиональные, «естественные экономические территории» / «точки роста») и взаимонакладывающиеся. Такое государство, как Малайзия, одновременно входит в АТЭС, АРФ, АПТ, АСЕМ, Саммит Восточной Азии, АСЕАН, АФТА, треугольник развития Индонезия, Малайзия и Сингапур (Singapore-Johor-Batam Growth Triangle), зона развития Большого Меконга (the Greater Mekong Sub-Regional program) и другие институты межправительственного сотрудничества. В большинстве их них она выступает как суверенное государство, однако в некоторых, например, АПТ, АСЕМ, FEALAC, предстаёт как член консолидированной группы стран Юго-Восточной Азии.

6. Общие морально-политические ценности

Несмотря на некоторый прогресс в развитии демократии, большинство стран региона остаются недемократичными. По-

следние события свидетельствуют о том, что старожилы АСЕАН, например, Индонезия, Филиппины, Таиланд, пережившие после азиатского финансового кризиса периоды острой политической нестабильности и вновь принятые страны, отличающиеся устойчивыми авторитарными традициями, не склонны форсировать события по демократизации своих общественных систем. Полную монополию на политическую власть в Китае сохраняет и КПК, а процессы демократизации в этой стране понимаются преимущественно в контексте обеспечения социальных прав населения. Слабо развито в странах Восточной Азии и гражданское общество, что препятствует формированию его транснационального компонента, деятельность которого могла бы способствовать консолидации региона.

В целом, ситуация в этой сфере остаётся противоречивой. С одной стороны, по-прежнему присутствуют такие объединяющие черты, как конфуционизм, предрасположенность к авторитарной форме государственного управления, азиатские формы ведения бизнеса. С другой – параллельное развитие конкурирующих проектов открытого и закрытого регионализма говорит о том, что опора исключительно на «азиатские ценности» разделяется не всеми странами Восточной Азии.

7. Способность региона выступать в качестве субъекта, обладающего чёткой идентичностью и структурой для принятия общих решений

Спад в деятельности и не очень эффективная работа опирающихся на принцип «открытого регионализма» АТЭС и АРФ ведут к постепенной деконструкции «тихоокеанского» региона. Одновременно набирают силу международные институты, предлагающие исключительно азиатский формат членства. По результатам проведённого в конце 2007 г. опроса с участием 128 региональных экспертов из 16 стран АТР и Европы (результаты см. в приложении 2) наивысшую оценку в качестве инструмента для укрепления чувства региональной общности предсказуемо получили АСЕАН и АПТ. Эти МПО, являясь не просто утилитарными организациями, развивают сотрудничество на более широкой базе долговременных обязательств и общего видения региона, стремясь представлять в международных контактах единую ЮВА и Восточную Азию соответственно, что, в свою очередь,

способствует развитию региональной идентичности и дальнейшей интеграции.

В то же время региональные МПО, исповедующие принципы «пути АСЕАН», имеют ограниченную эффективность в принятии коллективных решений, что отражает приоритеты государств в этой области, лидеры которых не склонны передавать часть суверенитета наднациональным МПО. При этом заслуживает внимания, что, с точки зрения эффективности как механизма для практического сотрудничества, впервые за многие годы улучшились показатели АСЕАН, разделившей по результатам опроса лидерство по этому признаку с АПТ и Шестисторонними переговорами по безопасности Корейского полуострова. Гораздо более низкие оценки по этим двум параметрам оказались у АРФ, Саммита Восточной Азии и АТЭС (названы по мере снижения показателей)¹.

Изучение институтов позволило также сравнить уровни региональной идентичности Европы (ЕС), Восточной Азии (АПТ) и СВА (в усечённом составе стран «северной тройки»), которые, по мере снижения этого параметра, разместились именно в такой последовательности. Так, саммиты АСЕМ показали, что у азиатских участников чувство региональной солидарности ниже, чем у их европейских коллег. В свою очередь, саммиты АПТ продемонстрировали, что «слабым звеном» в этой МПО являются страны «северной тройки», и, начиная с 1999 г., для улучшения ситуации в ходе саммитов АПТ организуется неформальная встреча лидеров этих стран

На перспективы дальнейшей эволюции региона влияет много факторов, и ниже мы кратко остановимся на некоторых из них. Логично начать с роли АСЕАН, в структурах которой зародились идеи и выработывались принципы регионализма Восточной Азии. Несмотря на определённые достижения в продвижении интеграционных процессов непосредственно в ЮВА, есть основания полагать, что по пути от традиционного социального порядка к модернизации страны субрегиона пойдут осторожными и медленными шагами, и, при некотором изменении риторики и даже

¹ Baker R., Fox G. Asia Pacific Security Survey 2008 Report. – Honolulu, 2008. P. 28.

институциональном укреплении организации, в практических действиях мало отклоняясь от классического пути «АСЕАН»¹.

В среднесрочной перспективе модель АСЕАН останется далекой от опыта ЕС, решение наиболее чувствительных внутриполитических проблем государств-членов будет перекладываться на плечи внешних акторов, в первую очередь, ООН, а важная для сохранения международного престижа задача усидеть в «водительском кресле» при построении новой архитектуры сотрудничества Восточной Азии будет трудноразрешимой. Более естественной для стран АСЕАН будет роль «балансёра» интересов КНР и США в области безопасности и КНР и Японии в финансово-экономической сфере, а также фасилитатора регионализма Восточной Азии, стимулирующего, а иногда и подталкивающего ведущие державы к более конструктивному партнёрству.

В ближайшие 10–12 лет в Восточной Азии продолжится формирование интеграционной модели, основанной на приоритетном развитии экономического сотрудничества, как и было предусмотрено в рекомендациях двух групп («мудрецов» и исследовательской) Восточной Азии. Основу этой модели составят создание единой зоны свободной торговли (в ходе поэтапной тарифной либерализации и консолидации усилий в рамках АСЕАН, АПТ и АТЭС) и повышение уровня регионального финансового взаимодействия. В торгово-экономической области просматривается лидерство Китая, который резко нарастил внешнеторговый оборот, а в 2010 г. создаст ЗСТ со странами АСЕАН. В свою очередь, Япония стремится выйти на аналогичный уровень со странами АСЕАН к 2012 г. и надеется раньше Китая повысить уровень торгово-экономической интеграции с РК.

В финансовой сфере впереди Япония, оказавшая существенную поддержку странам региона в период азиатского финансового кризиса и впоследствии выдвинувшая различные варианты укрепления взаимодействия, в том числе: создания Азиатского валютного фонда, применения условной расчётной единицы (АКЮ) и др. Токио стал лидером во взаимодействии между национальными центробанками в рамках «своп-соглашений» на

¹ Sumsky V. The Art of Possible in ASEAN's Future // Global Asia. Vol. 3. № 1. Spring 2008, Seoul, RK. P. 90–100.

случай финансового кризиса, выделив на эти цели 19 млрд долл., а Пекин с 13 млрд долл. вышел на второе место.

Основной вариант ускорения дальнейших интеграционных процессов связан с возможностью принципиального улучшения состояния японо-китайских отношений, для чего пока нет серьёзных оснований. В этой связи можно полагать, что темпы интеграционного взаимодействия сохранятся на том же невысоком уровне. В ближайшие годы единая азиатская валюта введена не будет, однако вероятно расширение сферы применения АКЮ. После 2010-2012 гг. следует ожидать значительного прогресса в либерализации условий торговли и инвестирования, когда в силу вступят соответствующие обязательства развитых стран-членов АТЭС, соглашения о ЗСТ между странами АСЕАН и в отдельных форматах «АСЕАН плюс»: Китай, а затем Япония и РК¹.

Смогут ли страны АСЕАН, как они планируют, к 2015 г. создать единое экономическое пространство ЮВА, пока сказать трудно. Что касается Восточной Азии, то, в силу сохраняющегося соперничества Пекина и Токио, выход стран региона к этому же сроку на создание единой региональной ЗСТ представляется маловероятным. Политической интеграции в рамках Восточноазиатского сообщества не произойдёт в связи с отказом от первоначальной идеи его формирования в качестве политической надстройки для экономически интегрированного пространства АПТ. Создание же единой политической общности на базе чрезвычайно разнообразного по составу Саммита Восточной Азии на данном историческом этапе невозможно. В то же время, несмотря на серьёзные противоречия в американо-китайских и японо-китайских политических отношениях, нарастание экономической взаимозависимости определяет пределы их ухудшения, а интересы сотрудничества работают на создание трёхстороннего формата «США – Япония – Китай» по вопросам региональной безопасности и экономического развития.

Исходя из этих аргументов, а также выводов о динамике регионализма, самой вероятной траекторией Восточной Азии представляется переход в долгосрочной перспективе к синоцентричному порядку через промежуточную «гибридную» мо-

¹ Михеев В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая Эпоха / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008. С. 320–321.

дель, то есть на ближайшие 10–15 лет основным сценарием является развитие «гибридного» регионализма Восточной Азии («концерта» с элементами противоборства между Китаем, Японией и США). Что касается многостороннего сотрудничества, то при таком варианте развития событий институты открытого регионализма (АТЭС и/или Саммит Восточной Азии) и закрытого формата (АПТ) будут развиваться параллельными курсами.

Большинство исследователей уверены, что роль регионального лидера в Восточной Азии принадлежит Китаю и что занятие им этой позиции – это только вопрос времени. Однако на долгосрочную перспективу возникает ключевой вопрос: сможет ли Китай, а вместе с ним и остальные развивающиеся азиатские государства продолжить дальнейшее успешное развитие в условиях ограниченных природных ресурсов и «проблемной» истории региона.

В случае сохранения ежегодных темпов экономического роста на уровне 9%, а для этого имеются достаточные основания, экономика Китая обеспечит наибольшую в мире динамику развития Восточной Азии. В этом случае, по недавней оценке президента России Медведева, она может стать локомотивом, способным обеспечить мировой экономике выход из начавшегося в 2008 г. экономического кризиса и последующее устойчивое развитие. На региональном же уровне при таких темпах развития к 2017 г. ВВП Китая достигнет уровня Японии.

В основе позитивных прогнозов лежит изменение факторов экономического роста в пользу внутреннего спроса в самом Китае, где идут процессы урбанизации огромной массы населения и быстрого роста численности многомиллионного «среднего класса», у которого формируется психология растущего текущего потребления. На этом пути Китай столкнётся с различными угрозами и рисками, а в ближайшей перспективе наиболее уязвимы будут социальная и энергетическая сферы¹.

В этой ситуации Китай сможет стать доминирующей региональной державой и даже глобальным актором только при условии, что он получит широкий доступ к природным запасам и, в первую очередь, энергетическим ресурсам России. Таким образом, укрепление российско-китайского сотрудничества в этой и

¹ Михеев В.В. Указ.соч. С. 324–325.

других областях является императивом обеспечения бескризисного развития Китая и Восточной Азии в целом.

В интересах развития сотрудничества со странами АТР в целом и подъяма Дальнего Востока в частности РФ следует конструктивно взаимодействовать с партнёрами на всех уровнях регионализма, в том числе продолжать системную работу в структурах АРФ и АТЭС.

Подготовка к саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке даст возможность гражданам России больше узнать о задачах и деятельности МПО, о пользе для страны от участия в ней, процессах многостороннего сотрудничества в Восточной Азии и АТР и самое главное – должно создать предпосылки для более активного вовлечения Сибири и Дальнего Востока России в интеграционное пространство СВА. Достижение последней задачи, как и полноценное участие российских представителей в рабочих органах АТЭС, не возможны без качественного увеличения присутствия российского бизнеса при поддержке государства на рынках и в экономиках стран АТР.

В этой связи принципиально важно, чтобы основное внимание руководства России, Дальневосточного региона, Приморского края, бизнес-сообщества и научной общественности было сосредоточено не только на вопросах формы (обеспечение строительства напряжёнными усилиями Федерального центра и региональных властей ряда объектов инфраструктуры в г. Владивостоке), но и на содержательной части мероприятия. В противном случае, в соответствии с метким выражением Е. Примакова, представлявшим Россию при её вхождении в АТЭС, нам придётся ещё долго испытывать неудобства, нося пиджак, купленный в 1998 г., на два размера больше в расчёте на вырост.

Россией сделаны определённые усилия, чтобы этот пиджак пришёлся ей по плечу, но их явно недостаточно¹, и подготовка к саммиту АТЭС во Владивостоке создаёт благоприятный фон для налаживания многоплановой работы по наполнению концепций и заявлений о российских намерениях в регионе, сделанных на различных уровнях, реальным содержанием конкретных дел. Необходимо уже в ближайшее время определиться с российскими

¹ Якубовский В.Б. Камо грядеши, АТЭС? // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / Отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 81.

приоритетами для совместной работы с членами АТЭС с прицелом на 2012-й год, которые, с одной стороны, могли бы способствовать более тесной интеграции российского Дальнего Востока со странами региона, с другой – обеспечить внесение Россией весомого вклада в развитие многостороннего экономического сотрудничества в АТР и СВА.

Таких приоритетных направлений сотрудничества России в АТЭС можно декларировать несколько. Учитывая, что РФ ещё не является членом ВТО, а также социально-экономические реалии Дальнего Востока, в наибольшей степени интересам России отвечает собственное активное участие и вовлечение партнёров в ЭКОТЕК. Тема энергетического сотрудничества уже предлагалась нашей страной для обсуждения на саммите «Большой Восьмёрки» в Санкт-Петербурге, тем не менее для Восточной Сибири и Дальнего Востока она является ключевой возможностью экономической интеграции и её целесообразно снова представить, но уже в контексте геополитических и экономических реалий СВА.

Ещё одна лежащая на поверхности идея – это предложение совместного эффективного использования транспортного потенциала РФ. Недавние экологические катастрофы на заводах северо-восточного Китая, последствия которых охватывают всю СВА, свидетельствуют о том, что весьма актуальна также тема сотрудничества в таких сферах, как охрана окружающей среды и ресурсосбережение. В последнем случае новой для АТЭС и важной для России темой может стать предложение о расширении взаимодействия в области рыболовства и сохранения морских ресурсов.

Правительство России стремится к укреплению региональной промышленной кооперации и сотрудничеству в области передовых технологий, запланировав на Дальнем Востоке существенные инвестиции в отрасли, занимающиеся переработкой натуральных ресурсов, чтобы увеличить выпуск продукции с добавленной стоимостью. Иностранные инвестиции в эти сектора экономики будут только приветствоваться, однако, чтобы их получить, необходима большая и кропотливая предварительная работа¹.

¹ Sevastyanov S. Business and Investments Opportunities in Northeast Asia and Greater Tumen Region: Russian Perspective // Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. – Tumen Secretariat, Beijing, November 2007.

У России есть весомый научный потенциал, способный служить развитию региона. Наконец, ещё одно перспективное направление – это сотрудничество в образовании. В условиях, когда в вузах Владивостока и Хабаровска ежегодно значительно растёт число иностранных, в первую очередь китайских студентов, существуют отличные возможности для наращивания экспорта российских образовательных услуг в страны АТР. Есть и другие возможности и направления для сотрудничества, актуальность и эффективность которых надо обсуждать и оценивать уже сейчас.

Необходимость для России активно добиваться членства в Саммите Восточной Азии, как и шансы на вступление, не вполне очевидны. В условиях поляризации стран Восточной Азии по вопросу их отношения к роли Вашингтона в регионе, приём РФ может быть отложен и осуществлён одновременно с предоставлением статуса наблюдателя в этой организации США, как, например, предлагает Япония. Однако в этом случае этот саммит по составу почти не будет отличаться от АТЭС и тем самым утратит и так не вполне явную региональную идентичность.

Несмотря на известные трудности, Россия заинтересована и способна активизироваться в более близком к ней регионе СВА, которая при образовании АПТ в 1997 г. была разрезана на две части: по одну сторону оказались быстро развивающиеся Япония, Южная Корея и Китай, по другую – более отсталые экономически Дальний Восток России, КНДР и Монголия. Саммит Восточной Азии только закрепил эту негативную тенденцию, когда периферия Восточной Азии стала наращиваться не путем включения оставшихся «в стороне» стран СВА, а присоединением Австралии и Новой Зеландии, которые ни географически, ни цивилизационно не являются частью региона.

И кем бы ни считать Россию – Европой или Азией – но уж КНДР и Монголия – точно азиатские страны, а они остались за бортом вместе с нами. Конечно, в анализе ситуации мы не должны сбрасывать со счёта политическую составляющую, но тем не менее очевидно, что перед нами не конфликт цивилизаций по Хантингтону, а, скорее, конфликт модернизаций. Очевидно, что Россия не сможет стать полноправным игроком в Восточной Азии, не добившись как существенного усиления собственного экономического потенциала в этом регионе, так и резкого повы-

шения уровня экономического и политического сотрудничества со странами СВА¹.

В обозримой перспективе Китай сохранит за собой роль ведущего партнера России в регионе, однако существенной проблемой для Москвы является то, что при покупке российских природных ресурсов Пекин настаивает на предоставлении ему существенных скидок, и удержать ситуацию в рыночных рамках позволит только диверсификация наших энергетических поставок в Японию, РК и другие страны. При этом реализации весьма трудозатратных и капиталоемких проектов развития энергетической и транспортной инфраструктуры Северо-Восточной Азии препятствует проблема безопасности Корейского полуострова. Вот почему очень важно внести наш реальный вклад в её разрешение, в том числе путем предоставления КНДР энергетических ресурсов, действуя как на двусторонней основе, так и в рамках Шестисторонних переговоров. В 2007–2008 гг. в российской позиции по этой проблематике произошли существенные позитивные подвижки, когда Москва, взяв на себя в рамках переговоров ряд финансовых и других обязательств по поддержке КНДР, строго выполняла их даже в условиях начавшегося мирового финансового кризиса.

Если же говорить о многосторонних форматах сотрудничества в СВА, то Шестисторонние переговоры по безопасности Корейского полуострова и Расширенная Туманганская инициатива в настоящее время существуют параллельно друг другу, хотя их многие цели совпадают. В этой связи плодотворной представляется взаимная увязка предлагаемой Россией в этих институтах тематики регионального сотрудничества, что сделает более весомым и конструктивным участие Москвы как в Шестисторонних переговорах, так и в РТИ. Очевидно, что если российские предложения в повестку РТИ будут разрабатываться с учётом политического контекста инициатив, обсуждаемых на Шестисторонних переговорах, то это повысит практическую значимость их выполнения, а значит, и заинтересованность руководства РФ в увеличении вклада в их реализацию.

В свою очередь, проект «Большой Владивосток», реализуемый в ходе подготовки к саммиту АТЭС, имеет все основания

¹ Севастьянов С.В. Регионализм в Восточной Азии и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12.

быть включённым в российскую часть Плана стратегических действий РТИ на 2006–2015 гг., учитывая его важную роль в таких приоритетных для этого Плана секторах, как: транспорт, энергетика, туризм, инвестиции, образование, научный консалтинг, а также в решении объединяющих их проблем экологии и защиты окружающей среды¹.

Подобные комплексные подходы позволят, во-первых, отказаться от пассивных действий по развитию экономического регионализма СВА, многие годы характеризовавших российскую политику в Туманганском проекте. Во вторых, обеспечат занятие Москвой проактивной позиции, нацеленной на внесение соразмерного российским государственным интересам и экономическому потенциалу вклада в решение проблем энергетического сотрудничества в прямой увязке с поиском путей укрепления стабильности на Корейском полуострове. Более того, весомое практическое участие России в поставках энергетических и других ресурсов в КНДР в свете решений Шестисторонних переговоров может как стать ключом для формирования МПО, занимающейся проблемами безопасности СВА, так и существенно повысить влияние РФ в регионе.

Чтобы такие комплексные и взаимодополняющие подходы стали реальностью, должна быть разработана комплексная долгосрочная Азиатская стратегия России, в которой выполнение стратегической для страны задачи развития Восточной Сибири и Дальнего Востока необходимо напрямую увязать с приоритетными направлениями формирования восточноазиатского экономического пространства. Это позволит постепенно снять две важнейшие для нашего государства угрозы в регионе: продолжающийся отток российского населения и недополученная выгода от неучастия в экономических и интеграционных проектах.

¹ Sevastyanov S. Business and Investments Opportunities in Northeast Asia and Greater Tumen Region: Russian Perspective // Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. – Tumen Secretariat, Beijing, November 2007.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Документы официального и концептуального характера

Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля.

Концепция российской части программы развития области экономического развития бассейна реки Туманной (Программа TRADP UNIDO) / Научная библиотека Тихоокеанского института географии ДВО РАН. – Владивосток, 1996.

О создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии: Соглашение; О создании Координационного комитета по развитию района реки Туманной: Соглашение; О взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии: Меморандум. Нью-Йорк, 6 декабря 1995.

Процессы экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и их значение для развития Дальнего Востока // Информационно-аналитическая справка, Российский институт стратегических исследований. – М., 1996.

Chairman's Statement of the 13th ASEAN Summit "One ASEAN at the Heart of Dynamic Asia". – Singapore, 20 November 2007.

East Asian Vision Group Report "Towards an East Asian Community: Region of Peace, Prosperity and Progress". – Submitted at the APT Summit in Bandar Seri Begawan, 31 October 2001.

Final Report of the East Asia Study Group. – Submitted at the APT Summit in Phnom Pehn, 4 November 2002.

For a Better Tomorrow: Asia-Europe Partnership in the Twenty-first Century // Asia-Europe Vision Group Report, 1999.

KEDO Annual Report. 1996/1997.

Studies in Support of the Tumen River Area Development Program // Seoul: Korea Institute for Economic Policy, 1994.

The Strategic Balance in Northeast Asia 2007. – Seoul: The Korea Research Institute for Strategy, 2007.

Монографии

Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / А.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983.

Арин, О.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность / О.А. Арин. – М., 1997.

Барановский, В. Политическая интеграция в Западной Европе / В. Барановский. – М., 1983.

Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане / А.Д. Богатуров. – М., 1997.

Бусыгина, И.М. Политическая регионалистика / И.М. Бусыгина. – М.: Росспэн, 2006.

Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007.

Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / отв. ред. А.Д. Воскресенский. – М.: РОССПЭН, 2002.

Зевелев, И.А., Троицкий, М.А. Сила и влияние в американских отношениях: семиотический анализ / И.А. Зевелев, М.А. Троицкий. – М.: НОФМО, 2006.

Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВЭШ, 2000.

Китай – Япония: конкуренция за лидерство / В.Б. Амиров; отв. ред. В.В. Михеев. – М.: ИМЭМО, 2007.

Клочихин, Е.А. Место межправительственных организаций среди акторов мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Е.А. Клочихин; отв. ред. М.М. Лебедева. – М.: Голден-Би, 2008.

Косолапов, Н.А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Н.А. Косолапов; отв. ред. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв. – М.: НОФМО, 2002.

Лебедева, М.М. Мировая политика / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2007.

Минакир, П.А. Интеграция Российского Дальнего Востока в АТР и СВА: возможности и реальности // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / П.А. Минакир; отв. ред. Г.С. Витковская, Д. Тренин – М., 1999.

Михеев, В.В. Подходы к глобализации: страны развитой рыночной демократии, новые индустриальные страны Азии, развивающиеся государства и Китай // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / В.В. Михеев; отв. ред. А.Д. Воскресенский. – М.: РОССПЭН, 2002.

Михеев, В.В. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / В.В. Михеев. – М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

Михеев, В.В., Тренин, Д. Россия и Япония как ресурс взаимного развития: взгляд из XXI века на проблему XX века / В.В. Михеев, Д. Тренин. – М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

Михеев, В.В. Восточная Азия и стратегия развития России // Россия и мир. Новая эпоха / В.В. Михеев; отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008.

Очерки теории и политического анализа международных отношений / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталёв. – М.: НОФМО, 2002.

Петровский, В.Е. Азиатско-Тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия / В.Е. Петровский. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998.

«Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / отв. ред. М.М. Лебедева. – М.: Голден-Би, 2008.

Рейснер, Л.И., Симония, Н.А. Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. / Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. – М., 1984.

Россия в Азии: проблемы взаимодействия / отв. ред. К.А. Кокарев. – М.: РИСИ, 2006.

Россия и мир. Новая эпоха / отв. ред. С.А. Караганов. – М.: Русь-Олимп, 2008.

Саушкин, Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю.Г. Саушкин. – М.: Мысль, 1973.

Шинковский, М.Ю. Геополитическое развитие Северной Пацифики / М.Ю. Шинковский, В.Г. Шведов, А.Б. Волынчук. – Владивосток: Дальнаука, 2007.

Шмелёв, Н. Российская идентичность, Европа и цивилизационные процессы // Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире / Н. Шмелев. – М.: Огни ТД, 2005.

Федоровский, А.Н. Корейский полуостров и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / А.Н. Федоровский; отв. ред. Г.И. Чуфрин. – М.: Наука, 2007.

Цыганков, П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2002.

Чуфрин, Г.И. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / Г.И. Чуфрин. – М.: Наука, 2004.

Экономическая политика: региональное измерение / отв. ред. П.А. Минакир. – Владивосток: Дальнаука, 2001.

Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. – London: Routledge, 2001.

Aggarwal V. Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages and Nesting. – Ithaca, 1998.

Alagappa M. Asian Security Order. Stanford: Stanford University Press, 2003.

Ayobb M. Regional Security in the Third World. – Boulder: Westview Press, 1986.

Baker R., Fox G. Asia Pacific Security Survey 2008 Report. – Honolulu, 2008.

Barkin J.S. International organization: theories and institutions. – Palgrave Macmillan, 2006.

Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. – Palgrave Macmillan, 2007.

Breslin S. Theorising East Asian regionalism (s). In eds. by Curley M., Thomas N. Advancing East Asian Regionalism. – NY: Routledge, 2007.

Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. – New York: Columbia University Press, 1995.

Burchill S., Linklater A. *Theories of International Relations*. – Palgrave Macmillan, 2005.

Busan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. – Boulder: Lynne Rienner, 1998.

Busan B., Waever O. *Regions and Powers*. – NY: Cambridge University Press, 2003.

Buszynski L. *Russia and Southeast Asia*. In eds. by Hiroshi Kimura *Russia's Shift toward Asia*. – Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007.

Cox R. *Approaches to World Order*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Curley M., Thomas N. eds. *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007.

Davies I. *Regional Cooperation in Northeast Asia*. – Vancouver, 2000.

Dupont A. *East Asia Imperilled: Transnational Challenges to Security*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Evans P. *Between Regionalism and Regionalization*. In eds. by T.J. Pempel *Remapping East Asia*. – NY: Cornell University Press, 2005.

Farrell M. *The Global Politics of Regionalism: An Introduction*. In eds. by Farrell M., Hettne B., Langenhove L. *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. – London: Pluto Press, 2005.

Frankel J. *Regional Trading Blocs in the World Economic System*. – Washington D.C.: Institute of International Economics, 1997.

Gamble A., Payne A. *Regionalism and World Order*. – London: MacMillan, 1996.

Guan B. *Regionalism in East Asia: The Dynamics of Formal and Informal Processes of Regionalization*. – Kanazawa: Kanazawa University, 2005.

Ha Yongchool, Shin Beomshik *Non-proliferation and Political Interests: Russia's Policy Dilemmas in the Six-party Talks*. In eds. by Iwashita Akio *Eager Eyes Fixed on Eurasia*. – Vol. 2, Slavic Research Center, Sapporo, 2007.

Hall J. and Paul T.V. *Preconditions for Prudence: a sociological synthesis of realism and liberalism*. In eds. by Hall J. and Paul T.V.

International Order and the Future of World Politics. – Cambridge, 1999.

Hay C., Marsh D. Demystifying Globalization. – Basingstoke: Palgrave, 2000.

Hayes P. Supply of Light-Water Reactors to the DPRK. In eds. by Kihl Y., Hayes P. Peace and Security in Northeast Asia: The Nuclear Issue and the Korean Peninsula. – NY., 1997.

Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. – Cambridge: Polity Press, 1999;

Hentz J., Boas M. New and Critical Security and Regionalism. – Burlington, VT: Ashgate, 2003.

Hettne B., Inotai A., Sunkel O. The New Regionalism and the Future of Security and Development. – Basingstoke: Palgrave, 2000.

Hirst P., Thompson G. Globalization in Question. – Cambridge: Polity Press. 1996.

Ignatov A. Russia in the Asia-Pacific. In eds. by R. Azizian, B. Reznik Russia, America, and Security in the Asia-Pacific. – Honolulu: APCSS, 2006.

Ikenberry J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. -Princeton: Princeton University Press, 2001.

Ivanov V. The Energy Sector in Northeast Asia: New Projects, Delivery Systems, and Prospects for Cooperation. –Vancouver: UBC, 2000.

Kato Mihoko Russia's Multilateral Diplomacy in the Process of Asia-Pacific Regional Integration: The significance of ASEAN for Russia. In eds. by Iwashita Akihiro Eager Eyes Fixed on Eurasia. – Vol. 2, Hokkaido University: Slavic Research Center, 2007.

Katzenstein P. East Asia – Beyond Japan. In eds. by P. Katzenstein, Shiraishi T. Beyond Japan: the dynamics of East Asian regionalism. – Ithaca: Cornell University Press, 2006.

Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. In eds. by S. Krasner International Regimes. – Ithaca: Cornell University Press, 1983.

Keohane R. Neorealism and Its Critics. – NY: Columbia University Press, 1986.

Keohane R. and Nye J. Power and Interdependence. – NY., 1989.

Kofman E., Youngs G. eds. Globalization: Theory and Practice. – London: Printer, 1996.

Lake D., Morgan P. eds. *Regional Orders: Building Security in a New World*. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.

Lemke D. *Regions at War and Peace*. – NY: Cambridge University Press, 2002.

Linclater A. *Men and Citizens in the Theory of International Relations*. – 2nd edition, London. 1990;

Mahathir Mohammad bin, Ishihara Sintaro *The Voice of Asia: Two Leaders Discuss the Coming Century*. -Tokyo: Kondansha International, 1995.

Lincoln E. *East Asian Economic Regionalism*. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2004.

Martin L. An institutionalist view: international institutions and state strategies. In eds. by Hall J. and Paul T.V. *International Order and the Future of World Politics*. – Cambridge, 1999.

Mattli W. *The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond*. – NY: Cambridge University Press, 1999.

Mearsheimer J. *Disorder Restored*. – New York, 1992.

Mohan Malik *China and the East Asian Summit: More Discord Than Accord*. – Honolulu: APCSS, 2006.

Morrison C. *The Evolution of an Institution*. In eds. by Aggarwal V., Morrison C. *Asia-Pacific Crossroads*. – NY., 1998.

Nye J. *Regional Institutions*. In eds. by Falk R., Mendlovitz S. *Regional Politics and World Order*. – San Francisco: W.H. Freeman, 1973.

Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – NY: Public Affairs, 2004. P. 5-11.

Ohmae K. *The End of the Nation-State: The Rise of Regional Economies*. – New-York: Free Press, 1995.

Pempel T.J. *Challenges to bilateralism: changing foes, capital flows and complex forums*. In eds. by E.S. Krauss, T.J. Pempel *Beyond Bilateralism: US-Japan Relations in the New Asia-Pacific*. – Stanford: Stanford University Press, 2004.

Pempel T. J. eds. *Remapping East Asia*. – Cornell University: Cornell University Press, 2005.

Pyle K. *Japan Rising*. – NY: Public Affairs Books, 2007.

Rosenau J. *Along the Domestic – Foreign Frontiers*. – Cambridge: Cambridge University Press. 1997

Rozman G. *Restarting Regionalism in Northeast Asia*. – University of British Columbia: Vancouver, 2000

Rozman G. *Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Rozman G. *Russian Strategic Thinking on Asian Regionalism*. In eds. by G. Rozman *Russian Strategic Thought toward Asia*. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006.

Ruggie J. *Multilateralism: The Anatomy of an Institution*. In eds. by Ruggie *Multilateralism Matters*. – NY., 1993.

Sato Koichi *The ASEAN Regime: Development and Challenges of the ASEAN Foreign Policies*. – Tokyo: Keiso Shobo, 2003.

Scalapino R. *Northeast Asia at a Historical Turning Point*. In eds. by Akaha T. *Politics and Economics in Northeast Asia*. – NY, 1999.

Sevastyanov S. *Russian Reforms: Implications for Security Policy and the Status of the Military in the Russian Far East*. In eds. by Ziegler C., Thornton J. *Russia's Far East: A Region at Risk*. – Seattle, 2002.

Shambaugh D. *Beautiful Imperialist: China Perceives America 1972–1990*. – Princeton University Press, 1991.

Smith S. *Reflectivist and Constructivist Approaches to International Theory*. In eds. by J. Baylis, S. Smith *The Globalization of World Politics*. – 2nd ed., NY: Oxford University Press, 2001.

Snyder S. *The Korean Peninsula Energy Development Organization*. – Vancouver, 2000.

Soderbaum F. *The Political Economy of Regionalism in Southern Africa (Doctoral Dissertation)*. – Goteborg: Goteborg University, 2002.

Solingen E. *Regional Orders at Century's Dawn: Global and Domestic Influences on Grand Strategy*. – Princeton: Princeton University Press, 1998.

Tanaka Akihiko *The development of the ASEAN+3 framework*. In eds. by M. Curley, N. Thomas *Advancing East Asian Regionalism*. – NY: Routledge, 2007.

Taylor P. *Regionalism: The Thought and the Deed*. In eds. by Groom A., Taylor P. *Frameworks for International Cooperation*. – London: Pinter, 1990.

Thayer C. *Multilateral Institutions in Asia: The ASEAN Regional Forum*. – Honolulu: the APCSS, 2000.

Thurow L. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. – New York, 1992.

Wallace H. Euripeanization and Globalization: Complementary or Contradictory Trends? In eds. by Breslin S., Hughes H., Phillips N., Rosamond B. New Regionalisms in the Global Political Economy: Theories and Cases. -London: Routledge, 2002.

Voskressenski A. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia. In eds. by Iwashita A. Eager Eyes Fixed on Eurasia. – Vol. 2, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007.

Waltz K. Theory of International Relations. – NY.: McGraw-Hill, 1979.

Wang Jisi China's Changing Role in Asia. In eds. by Kokubun Ryosei, Wang Jisi The Rise of China and a Changing East Asian Order. – Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004.

Wanandi J. China and Asia Pacific Regionalism. In eds. by Kokubun Ryosei, Wang Jisi The Rise of China and a Changing East Asian Order. – Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004.

Weatherbee D. International Relations in Southeast Asia: The Struggle for Autonomy. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2005.

Wyatt-Walter A. Regionalism, globalization, and world economic order. In eds. by Fawcett L., Hurrell A. Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. – Oxford: Oxford University Press, 1996.

Zacher M. and Matthew R. Liberal International Theory: Common Threads, Divergent Strands. In eds. by Kegley C. Controversies in International Relations Theory. – NY., 1995.

Статьи в научных сборниках и журналах

Бакланов, П.Я., Каракин, В. Проект «Туманган»: гипотезы и реалии / П.Я. Бакланов, В. Каракин // «Красное знамя». 1993. 18 ноября.

Бакланов, П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции / П.Я. Бакланов. – Владивосток: ДВГАЭУ, 2001.

Бакланов, П.Я. О категориях современной геополитики / П.Я. Бакланов // Известия РАН. Сер. геогр. 2003. №2.

Богатуров, А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI веке / А.Д. Богатуров // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 9.

Васильев, С. АТЭС и экономическая дипломатия России: материалы межинститутской научной конференции / С. Васильев. – М.: МИД РФ, 1999.

Воронцов, А.В. Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии / А.В. Воронцов // *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 3.

Воскресенский, А.Д. Реальность и теория. Китай в контексте глобального лидерства / А.Д. Воскресенский // *Международные процессы*. 2004. №2.

Гельбрас, В.Г. Россия и внешнеэкономическая стратегия КНР: материалы международной конференции / В.Г. Гельбрас. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001.

Груздев, А.И., Севастьянов, С.В. Военно-морское сотрудничество в АТР и практическое участие в нём России / А.И. Груздев, С.В. Севастьянов // *Морской сборник*. 1999, №4.

Жаде, З.А. Геополитическое мироощущение // *Мировые процессы, политические конфликты и безопасность* / З.А. Жаде; отв. ред. Л.И. Никовская. – М.: РОССПЭН, 2007.

Иноземцев, В.Л., Караганов, С. О мировом порядке XXI века / В.Л. Иноземцев, С. Карганов // *Россия в глобальной политике*. 2005. Т. 1. № 1.

Интересы России и перспективы сотрудничества в СВА / отв. ред. М.Л. Титаренко // *Проблемы Дальнего Востока*. 1995. № 3.

Каримова, А.Б. Политическая социология. Регионы в современном мире / А.Б. Каримова // *Социологические исследования*. 2006. № 5.

Кузнецова, Н.В. Особенности экономической регионализации в АТР: материалы международной конференции / Н.В. Кузнецова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001.

Кузнецова, Н. Процессы экономической интеграции в АТР: сотрудничество и соперничество // *Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век* / Н. Кузнецова; отв. ред. В. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.

Лавров, С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы / С.В. Лавров // *Россия в глобальной политике*. 2007. №2.

Ларин, В.Л., Азиатско-Тихоокеанский регион: реалии, проблемы, перспективы / В.Л. Ларин // Морской сборник. 1999. №4.

Михеев, В.В. Глобализация и азиатский регионализм // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / В.В. Михеев; отв. ред. В.Н. Соколов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.

Огава, К. Перспектива развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря / К. Огава // Проблемы Дальнего Востока. 1993. №4.

Павлятенко, В. Политика США в Восточной Азии: интересы, проблемы, перспективы / В. Павлятенко // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6.

Саплин-Силановский, Ю. КНР – Япония. Кто будет лидером в Восточной Азии? / Ю. Саплин-Силановский // Азия и Африка сегодня. 2007. № 2. С. 25.

Севастьянов, С.В. Тенденции и перспективы развития политической и экономической интеграции в АТР: материалы межрегиональной научной конференции «Социально-экономические, правовые и культурные процессы современной цивилизации» / С.В. Севастьянов. – Владивосток, 1999.

Севастьянов, С.В. Международные институты и оценка их роли в современных теориях международных отношений: материалы международной конференции «Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия» / С.В. Севастьянов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001.

Севастьянов, С.В. Время соответствовать новым вызовам / С.В. Севастьянов // Дальневосточный ученый. 2001. № 23.

Севастьянов, С.В. Институты азиатско-тихоокеанского и восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников / С.В. Севастьянов // Россия и АТР. 2008. № 3.

Севастьянов, С.В. Регионализм в Восточной Азии и Россия / С.В. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12.

Стрельцов, Д.В. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны / Д.В. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2.

Сумский, В.В. АСЕАН на рубеже сорокалетия. Север – Юг – Россия 2007 // Ежегодник / В.В. Сумский; под ред. В.В. Сумского и В.Г. Хороса. – М.: ИМЭМО, 2008.

Федоровский, А.Н. Эволюция отношений государства и крупного бизнеса в Республике Корея: автореф. дисс. ...д-ра экон. наук. – М., 2008.

Якубовский, В.Б. Камо грядеши, АТЭС? // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / В.Б. Якубовский; отв. ред. В.Н. Соколов – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.

Akaha T. Non-Traditional Security Cooperation in Northeast Asia // United Nations University Seminar on Non-Traditional Security in Northeast Asia: the Institutional Dimension. – Singapore, 2001.

Berger M. APEC and its enemies: the failure of the new regionalism in the Asia-Pacific // Third World Quarterly. 1999. № 20 (5),

Bowles P. ASEAN, AFTA and the “New Regionalism” // Pacific Affairs. 1997. Vol. 70. № 2.

Cho L. Opening Remarks // Proceedings of the 9th NEAEF. – Tianjin, 1999.

Christensen T. China, the US-Japan Alliance, and the Security Dilemma in East Asia // International Security. Spring 1999. Vol. 23/ № 4.

CICIR (China Institute of Contemporary International Relations) Task Force on ASEM. Some Thoughts on ASEM // Contemporary International Relations. 2006. Vol. 16. № 11. Beijing, China.

Dent C. ASEM and the “Cinderella Complex” of EU-East Asia Economic Relations // Pacific Affairs. 2001. Vol. 74. № 1.

Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1989. № 12 (3),

Dresen J., ed. Russia in Asia – Asia in Russia: Energy, Economics, and Regional Relations // Conference proceedings. – Washington, DC: Kennan Institute, Occasional Paper. 2004. № 292.

Emmerson D. Southeast Asia: What’s in a Name? // Journal of Southeast Asian Studies. 1984. № 15(1).

Gombo T. Issues of Regional Economic Cooperation in Northeast Asia // Summary of Presentations, Northeast Asia Economic Conference. – Niigata, Japan, 2001.

Higgot R., Breslin S. Studying Region: Learning from the Old, Constructing the New // New Political Economy. 2000. № 5 (3).

Hoogensen G. Bottoms Up! A Toast to Regional Security? // *International Studies Review*. 2005. №7(2).

Hund M. ASEAN Plus Three: toward a new age of pan-East Asian regionalism? A sceptic's appraisal // *Pacific Review*. 2003. № 16 (3).

Huntington S. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993, Vol. 72.

Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. № 4.

Husband D. New Directions for the Tumen Program // *Proceedings of the NEAEF*. – Yonago, Japan, 1998.

Ishayev V. Emerging Northeast Asia: Progress and Problems of the 1990's. // *Proceedings of the 12th Northeast Asia Economic Conference*. – Niigata, 2001.

Katada Saori Japan and Asian monetary regionalization: cultivating a new regional leadership after the Asian financial crisis // *Geopolitics*. 2002. № 7 (1).

Katzenstein P. Regionalism in Comparative Perspective // *Cooperation and Conflict*. 1996. № 31.

Kelly R. Security Theory in the “New Regionalism” // *International Studies Review*. 2007. № 9 (2).

Martell L. The Third Wave in Globalization Theory // *International Studies Review*. 2007. № 9(2). P. 173–196.

Mearsheimer J. The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994/95. № 19.

Pitsuvan S. Charter Key to ASEAN Revitalization // *Observer*, Winter 2008, East-West Center.

Park John Inside Multilateralism: The Six-party Talks // *The Washington Quarterly*. 2005. Vol. 28. № 4.

Presentation by the Head of the Russian Delegation (Ministry of Economic Development and Trade). *Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”*. Tumen Secretariat, Vladivostok, 2007.

Ravenhill J. The new bilateralism in the Asia-Pacific // *Third World Quarterly*. #24 (2), 2003.

Simon S. The ASEAN Regional Forum Views the Councils for Security Cooperation in the Asia-Pacific: How Track II Assists Track I // *NBR Analysis*. 2002. Vol. 13. № 4.

Sevastyanov S. Business and Investments Opportunities in North-east Asia and Greater Tumen Region: Russian Perspective // Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. – Tumen Secretariat, Beijing, November 2007.

Sevastyanov S. The More Assertive and Pragmatic New Energy Policy in Putin’s Russia: Security Implications for Northeast Asia // East Asia: An International Quarterly. 2008, № 25, UK, Durham University: Springer.

Stubbs R. ASEAN Plus Three: Emerging East Asian Regionalism? // Asian Survey. 2002. № 42 (3).

Sumsky V. The Art of Possible in ASEAN’s Future // Global Asia. Vol. 3. № 1. Spring 2008, Seoul, RK.

Thompson W. The Regional Subsystem: A Conceptual Explication and Propositional Inventory // International Studies Quarterly. 1973. № 17.

Trenin D. Russia’s Asia Policy under Vladimir Putin, 2000-5. In eds. by G. Rozman Russian Strategic Thought toward Asia. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006.

Vayrynen R. Regionalism: Old and New // International Studies Review. 2003. Vol. 5. № 1. P. 37–39.

Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1994. № 46.

Yacheistova N. Greater Tumen Initiative and economic regional cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Investment Forum 2007 “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. Tumen Secretariat, Vladivostok, 2007.

Yeo Lay Hwee ASEM: Looking Back, Looking Forward // Contemporary Southeast Asia. 2000. Vol. 22. № 1.

Yongding Y. On Economic Cooperation between Asian Economies // Proceedings of the 11th Hokkaido Conference for North Pacific Issues. – Sapporo, 1999.

Неопубликованные источники

Мельвиль, А.Ю. Выступления на открытии V Конвента РАМИ / А.Ю. Мельвиль. – М.: МГИМО, 26.09.08.

Торкунов, А.В. Выступление на открытии V Конвента РАМИ / А.В. Торкунов. – М.: МГИМО, 26.09.08.

Arase D. Sub-national Authorities and the Construction of a Japan Sea Community // Paper prepared for the Hong Kong Convention of International Studies. 2001.

Cossa R. Bilateralism, Multilateralism and the Search for Security in East Asia // Paper prepared for the Conference on "Multilateralism, Bilateralism and the Search for Asian Security". – Oxford, May 2000.

Evans P. Nascent Asian Regionalism and Its Implications for Canada // Paper prepared for the Asia Pacific Foundation of Canada's Roundtable on the Foreign Policy Dialog and Canada-Asia Relations. – March 27, 2003.

Guo Li Sino-Russian Trade and the Regional Rconomic Integration in Northeast Asia // Paper prepared for the North East Asia Regional Cooperation Conference. – Toronto, Canada, 2001.

Pitsuwan S. Currency Turmoil in Asia: the Strategic Impact // Remarks made at the Asia Pacific Roundtable. – Malaysia, Kuala-Lumpur, 1 June 1998.

Материалы сети Интернет

Медведев, Д.А. К упрочению динамичного равноправного партнёрства в АТР // Статья для СМИ стран АТР / Д.А. Медведев. http://www.kremlim.ru/appears/2008/11/21/1221_type63377type63382_209480.shtml

Медведев, Д.А. Материалы пресс-конференции по итогам встречи глав государств и правительств стран – участниц форума АТЭС / Д.А. Медведев. http://www.kremlim.ru/appears/2008/11/24/0913_type63380_209579.shtml

Иванов, И. Речь министра Иностранных дел РФ на заседании постминистерской конференции министров иностранных дел в формате Россия – АСЕАН в Пномпене, 19 июня 2003 г. МИД РФ. № 1441-19-06-2003 / И. Иванов http://www.mid.ru/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/ Open Document.

Goh Chok Tong. Keynote address to US-ASEAN Business Council annual dinner, Washington, DC // Reprinted in The Straits Times, Singapore, 15 June 2001.

Kuala-Lumpur Declaration on the ASEAN Plus Three Summit. – Kuala-Lumpur, 12 December, 2005. Available at: <http://www.asean-sec.org/1629.html>

McKinnon R., Schnabl G. Synchronized Business Cycles in East Asia and Fluctuations in the Yen/Dollar Exchange Rate. Available at http://www.stanford.edu/~mckinnon/papers/BusinessCycles_EastAsia.pdf.

Powell C. Roundtable with ASEAN journalists // Washington DC, 25 July 2002. Available on-line at: <http://www.state.gov/secretary/rm/2002/12207.html>.

Robertson R. Comments on the “Global Triad” and “Glocalization”. Available at <http://www2.kokugaiin.ac.jp/ijcc/>.

The Quadrennial Defence Review is available on-line at <http://www.defenselink.mil/pubs/qdr2001.pdf>.

The Twenty-third ASEAN Economic Ministers Meeting, Malaysia, 7–8 October, 1991. Available on-line: <http://aseansec.org/6126.html>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные межправительственные институты многостороннего сотрудничества в Восточной Азии и АТР (состав, предназначение, формат взаимодействия)

Наименование организации / Год создания / общее число участников	АСЕАН	АТЭС	АРФ	АСЕМ	АСЕАН плюс Три	Саммит Восточной Азии
1	2	3	4	5	6	7
Предназначение	Содействие сотрудничеству в экономике и безопасности ЮВА и Восточной Азии	Содействие экономическому сотрудничеству и либерализации торговли АТР	Содействие диалогу по безопасности в АТР	Развитие широкого партнёрства между Азией и Европой	Развитие сотрудничества преимущественно в экономической и финансовой сферах в Восточной Азии	Развитие всех видов сотрудничества, в перспективе – создание ВАС

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6	7
Высшие руководящие органы	Ежегодный саммит глав государств	Ежегодный саммит глав государств	Сессии АРФ на уровне МИД	Саммит глав государств (раз в два года)	Ежегодный саммит глав государств	Ежегодный саммит глав государств
Бруней	•	•	•	•	•	•
Вьетнам	•	•	•	•	•	•
Индонезия	•	•	•	•	•	•
Камбоджа	•		•	•	•	•
Лаос	•		•	•	•	•
Малайзия	•	•	•	•	•	•
Мьянма	•		•	•	•	•
Сингапур	•	•	•	•	•	•
Таиланд	•	•	•	•	•	•
Филиппины	•	•	•	•	•	•
Тимор Лесте			•			

Продолжение прил. 1

1	2	3	4	5	6	7
Китай		•	•	•	•	•
Япония		•	•	•	•	•
РК		•	•	•	•	•
РФ		•	•			
Монголия			•	•		
КНДР			•			
Австралия		•	•			•
Новая Зеландия		•	•			•
Папуа – Новая Гвинея		•	•			
Индия			•	•		•
Пакистан			•	•		
Бангладеш			•			
США		•	•			
Канада		•	•			

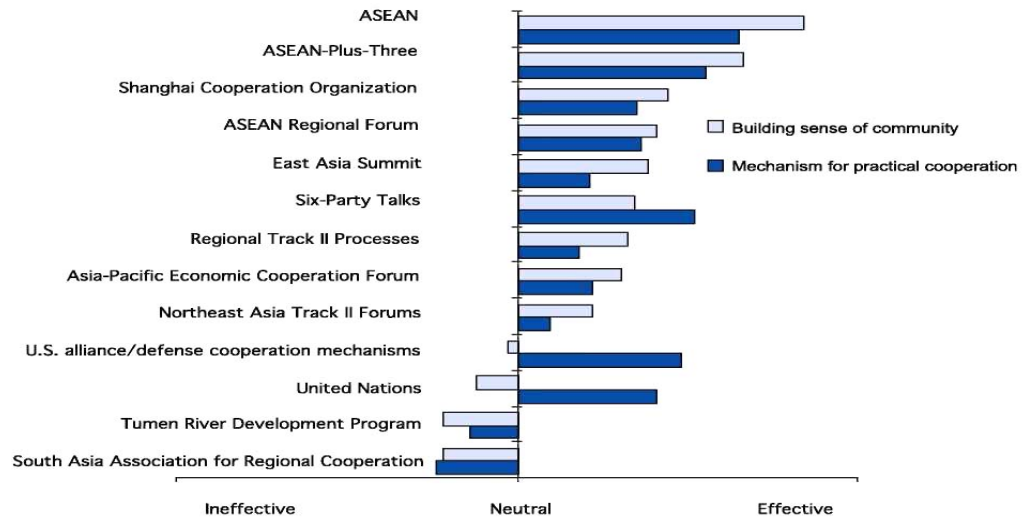
Окончание прил. 1

1	2	3	4	5	6	7
Мексика		•				
Перу		•				
Чили		•				
Европейский Союз			•			
Европейская Комиссия				•		
Тайвань		•				
Гонконг		•				

Примечание: в состав АСЕМ, помимо 16 стран Восточной Азии и Европейской комиссии, входят 27 стран-членов ЕС, а также Секретариат АСЕАН.

Приложение 2

Основные межправительственные институты многостороннего сотрудничества в Восточной Азии и АТР (оценка эффективности как механизма практического сотрудничества и формирования региональной идентичности)

Научное издание

Севастьянов Сергей Витальевич

**МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

**ЭВОЛЮЦИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
И РОССИЙСКОГО УЧАСТИЯ**

Монография

Редактор Л.И. Александрова
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03816 от 22.01.2001

Подписано в печать 15.12.08. Формат 60×84/16.

Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. .

Уч.-изд. л. . Тираж экз. Заказ

Издательство Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано в типографии ВГУЭС

690600, Владивосток, ул. Державина, 57

300

